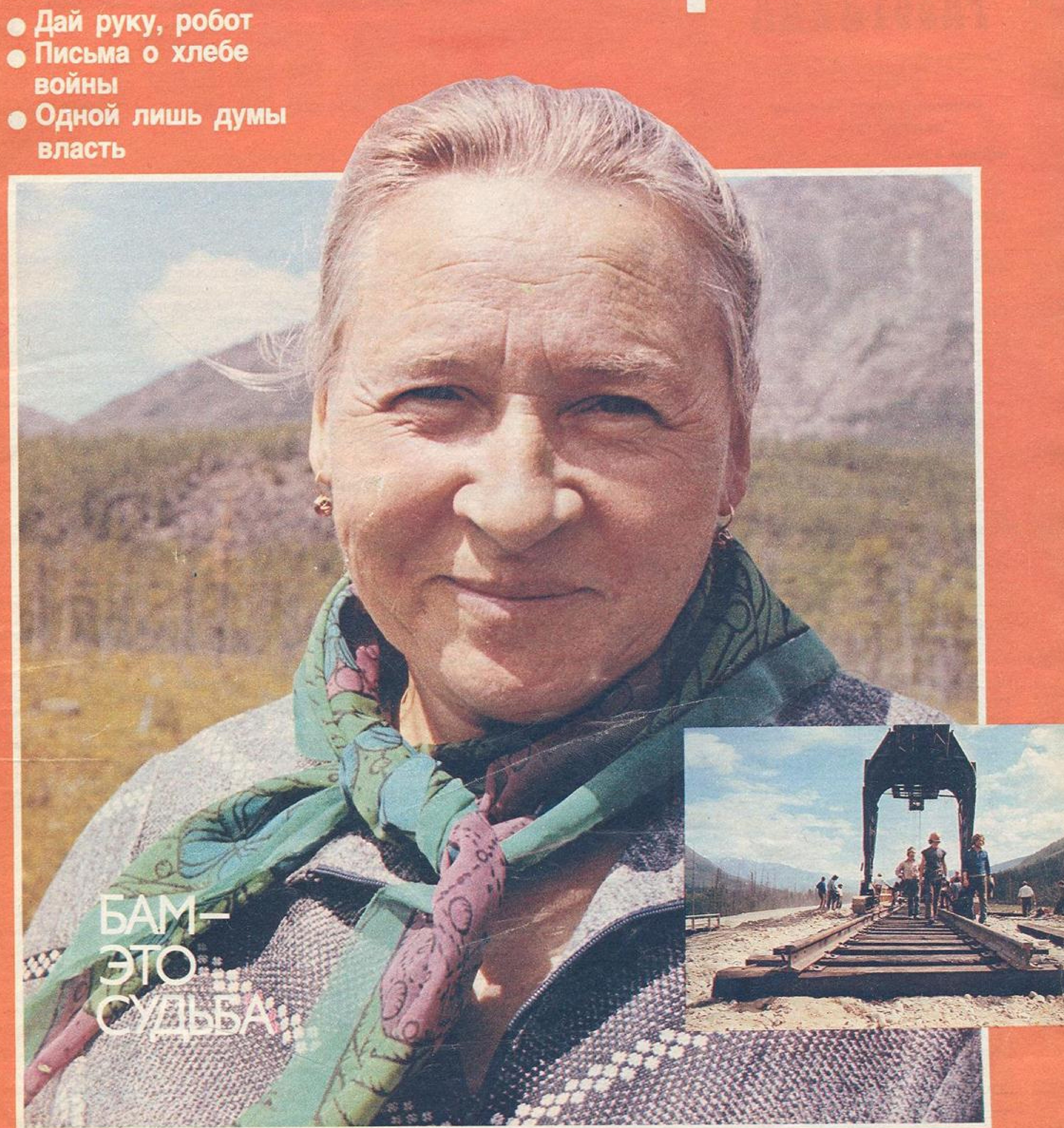
ISSN 0131—8047

РАБОТНИЦА

'84 10

- Дай руку, робот
- Письма о хлебе войны
- Одной лишь думы власть

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года
октябрь 1984.

МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДЕПУТАТ ВНОСИТ ЗАПРОС

Владимир
ЛИСАКОВ

«ДЕПУТАТ ИМЕЕТ ПРАВО ЗАПРОСА К СООТВЕТСТВУЮЩИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОРГАНАМ И ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦАМ, КОТОРЫЕ ОБЯЗАНЫ ДАТЬ ОТВЕТ НА ЗАПРОС НА СЕССИИ СОВЕТА».

Конституция СССР, ст. 105.

Депутат городского Совета слесарь производственного объединения «Херсонский комбайновый завод имени Г. И. Петровского» В. А. Брызгалов, в соответствии со статьей 14 Закона о статусе народных депутатов в СССР, обратился с запросом к начальнику комбината «Херсонпромстрой» В. Н. Лосинскому по поводу невыполнения плана строительства очистных сооружений. Исполком городского Совета предложил В. Н. Лосинскому объяснить на предстоящей сессии, почему срывается график работ на крайне важном объекте и какие меры будут приняты для освоения выделенных капиталовложений.

Серьезные обстоятельства побудили депутата воспользоваться своими полномочиями. Херсон, стоящий в устье Днепра уже третий век, почувствовал, что вступает в конфликт с окружающей средой: защитные средства перестали справляться с растущими промышленными отходами. А ведь рядом река, целебные курорты. Правда, перспективными планами предусмотрено введение в городе мощного комплекса очистных сооружений, государство выделило на это средства. Но осваиваются они плохо. Вот и потребовал депутат от руководителей строительной организации объяснить, почему так происходит.

— Запрос депутата,— рассказывает мне заведующая оргготделом горисполкома Валентина Алексеевна Стасюкайтис,— привлек внимание сессии к злободневной для херсонцев проблеме водоснабжения, которое впрямую связано с состоянием очистных сооружений. А представляете, что значат перебои с водой для южного города?

Посмотрите,— продолжала она,— как рабочий человек оценивает положение — по-государственному, по-партийному. Вывод его категоричен: повинны тут руководители «Херсонпромстроя», не сумевшие по-хозяйски распорядиться выделенными средствами, правильно организовать труд людей, обеспечить техникой, материалами. Причем каждый приведенный им факт предварительно проверен, осмыслен. Такая позиция депутата созвучна с ленинским требованием, чтобы в работе Советов «на первое место встал фактический контроль за действительным осуществлением постановлений центральной власти и местных учреждений...».

Сессия поддержала депутата. Принятое решение обязало «Херсонпромстрой» ускорить строительство очистных сооружений.

Правом депутатского запроса, как показывает практика, чаще других пользуются депутаты, работающие на комбайновом заводе, хотя именно отсюда в горисполком меньше всего поступает жалоб, да и самих комбайностроителей редко встретишь в приемных городских учреждений. Почему? — думал я. Может, у них не возникает проблем с жильем, устройством детей в ясли и садики, с ремонтом квартир или организацией отдыха? Постепенно, вникая в жизнь коллектива, я, кажется, нашел ответ на этот вопрос: люди привыкли обращаться со своими заботами к депутатам, уверенные в том, что те защитят их интересы.

Тут время сказать о Херсонском комбайновом — головном заводе крупного объединения министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Предприятие специализируется на выпуске кукурузоуборочных и дождевальных машин, ему отводится важная роль в реализации Продовольственной программы. От пятилетки к пятилетке коллектив увеличивает производство техники для села — добротной, пользующейся устойчивой репутацией в стране и за рубежом. Сейчас здесь идет реконструкция, создаются новые мощности. Открываются и благоприятные возможности для выполнения плана социального развития, который составлен с учетом пожеланий рабочих и служащих.

Растет выпуск продукции высокого качества — растет и прибыль от ее реализации. Куда направить фонды предприятия? Заместитель генерального директора по экономическим вопросам Василий Викторович Хамайко объясняет: «Прежде чем определить статьи расхода, советуемся с депутатами. Поступаем сообразно с их предложениями. Жизнь убеждает: делаем правильно. Один пример. Сразу за проходной начинается жилой массив «Петровец». Но прежде чем он вырос, были острые споры: создавать ли здесь новый микрорайон? Окончательное слово оставили за депутатами, и они сказали: «Строить».

Доводы были основательные. На заводе участились заявления об увольнении. В чем дело? Депутаты совместно с социологами выяснили: уходят те, кто получил квартиры в Северном поселке, прежде всего женщины, а они, заметим, составляют 40 процентов работающих на предприятии. Причина одна: далеко и неудобно ездить на работу. Депутаты — в горисполком. Появился новый троллейбусный маршрут. Но люди продолжали уходить.

— И тогда,— рассказывает депутат городского Совета нормировщик инструментального цеха Галина Москаленко,— приступили к строительству нового микрорайона «Петровец».

Мы идем с Галиной Москаленко по новому

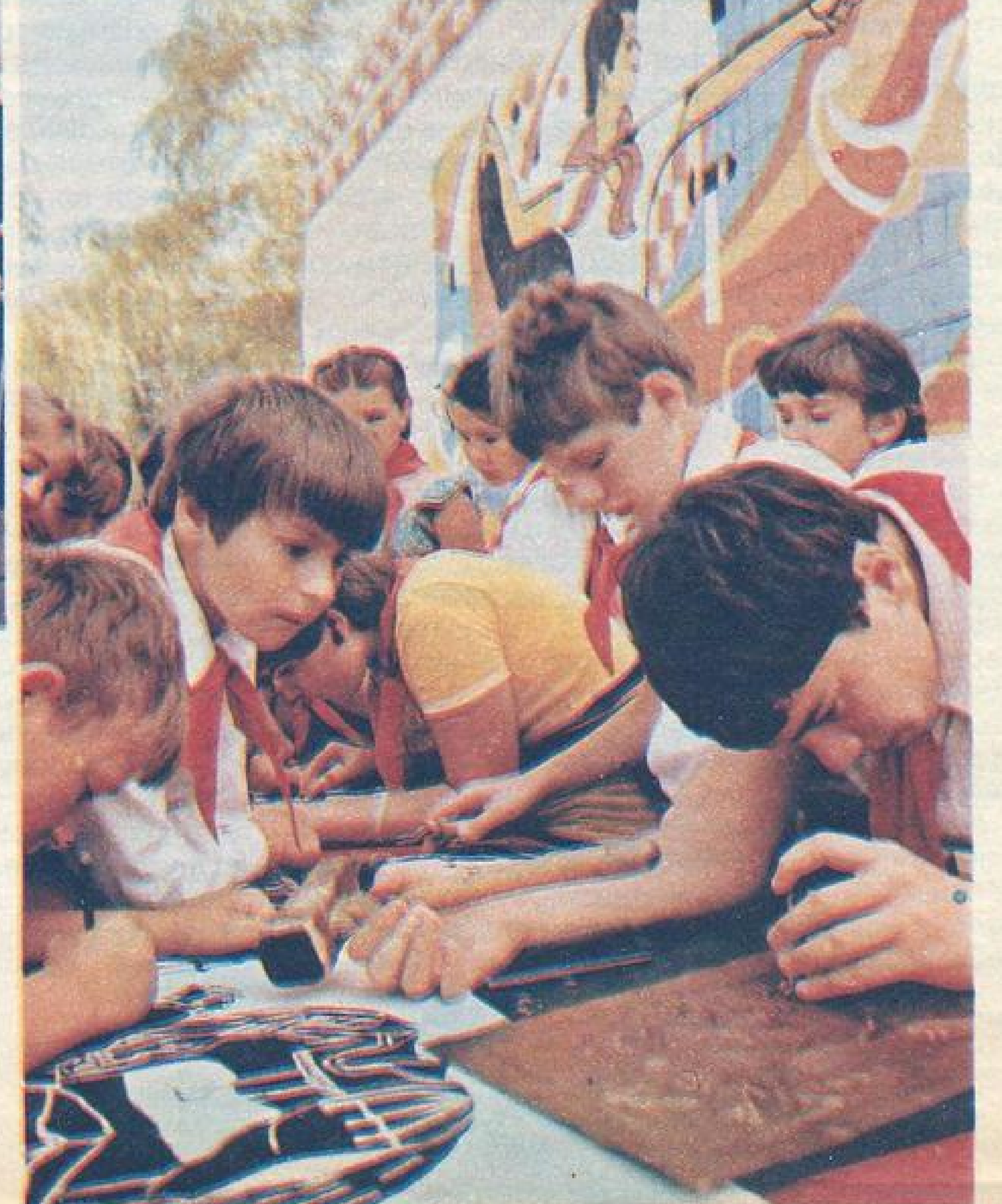

Фото С. ПОДЛЕСНОВА.

● *В парткоме к мнению депутатов прислушиваются особенно внимательно.*

● *На стройплощадке депутатов встречают часто. Контроль и действенная помощь.*

● *Очистные сооружения готовятся к сдаче. Как выполняется запрос депутата, надо увидеть собственными глазами.*

● *Завод гордится и своим подсобным хозяйством и пионерским лагерем у моря. А создавались они тоже по наказам избирателей.*

кварталу. Слева от нас — здание санатория-профилактория, напротив него — спортивный комплекс, который заводчане называют Олимпийским. А вот стройплощадка — закладывается фундамент новой поликлиники, которая соединится с профилакторием закрытым переходом. Дальше, по уже обозначившейся улице — многоэтажные жилые дома. Галина рассказывает, как чутко реагируют люди на то, что дома с просторными удобными квартирами возводятся теперь рядом с заводом: намного меньше стало заявлений об уходе. (Потом в моем блокноте появится запись: текучесть кадров на предприятии снизилась по сравнению с началом десятой пятилетки в полтора раза.) А теперь заводу выделен еще один участок для застройки — 4-й Таврический микрорайон. Сейчас предприятие реконструируется, а значит, понадобятся новые силы — молодые, умелые рабочие руки. На заводе озабочены строительством профессионально-технического училища. А в будущем потребуется более широкое жилищное строительство.

Слушаю Галину, а на память приходит житейская сценка — я не был ее свидетелем, мне о ней потом рассказали.

«Депутат, а живет в общежитии»,— услышала она за своей спиной. В тоне было осуждение и усмешка. И тут же вмешался другой голос: «За что коришь человека? Что живет в ладу с совестью? Потому она и депутат, что не о себе в первую очередь думает». Оглянулась: пожилая работница выговаривала молодой дивчине: «В общежитии, говоришь? Ты, верно, не знаешь, как после войны мы с твоей матерью мыкались, углы снимали. Семьи у нас были... Ну как хозяева выставят — куда пойдешь с мальцом? А в вашем общежитии тепло, чисто, цветы. Грех жаловаться, живете на всем готовом».

Вот ведь какое внимание к личности депутата, все под прицелом: как живет, да почему так. Галина Москаленко уже второй созыв в Совете, и это говорит само за себя. Да, живет пока в общежитии. Подойдет очередь — получит квартиру.

Здесь мне хочется сделать отступление. Социологическая служба завода — есть такая на комбайновом — в свое время обратила внимание на примечательное явление: коллектив стал молодеть. С учетом этой тенденции депутатские группы — заводская и по месту жительства — рассматривали перспективы жилищного строительства. И пришли к единодушному выводу — надо больше возводить общежитий и домов гостиничного типа. Администрация и общественные организации поддержали эту рекомендацию.

— Сегодня,— говорит старший инспектор по квартирному учету Людмила Гавриловна Кулик,— у нас сложилась четкая система распределения жилья. Она устраивает всех. Юноши и девушки, окончившие профессионально-техническое училище или школу, придя на завод, получают место в благоустроенном общежитии. Создается семья — ее поселяют в доме гостиничного типа для молодоженов. Рядом детский сад «Буратино», на счастливый случай прибавления в семействе. При этом очередь на получение уже постоянной квартиры сохраняется.

На заводе шел обычный трудовой день. А заведующая детским садом Александра Артемовна Малоземова вся в хлопотах. Детский сад собирался в дорогу — к морю, на летние дачи. Не забыть бы чего, тот же мед, что доставили с пасеки заводского подсобного хозяйства. Несмотря на хлопоты, Александра Артемовна находит время сообщить мне, что сказочный этот дом для малышей подняли сильные и умелые руки лучшей на Херсонщине бригады строителей депутата Верховного Совета СССР Николая Григорьевича Дашко. Она показывает великолепный розарий, рассказывает, с каким увлечением занимаются ребята в хореографической группе «Грация», наконец, о новом детском комбинате с зимним садом и плавательным бассейном. Откроется он в следующем году, и тогда будет полностью удовлетворена потребность семей рабочих и служащих в дошкольных учреждениях.

Летние детские дачи на морском берегу — новь заводской жизни. Председатель депутатской группы зуборезчик Николай Николаевич Квашня считает, что средства предприятия в данном случае используются наилучшим образом.

— Каждый ребенок один летний месяц проводит теперь на берегу моря. Довольны и дети и родители. Мы, депутаты, выполнили наказ избирателей. Правда, обживать морской берег нелегко. Работаем в контакте со строителями, завод помогает им техникой, людьми. Затраты окупаются сторицей. В пансионате появился еще один корпус на 500 человек. Приезжая сюда на отдых, рабочие за двухнедельную путевку платят 7 рублей 20 копеек, а за путевку выходного дня — всего 1 рубль 20 копеек. Основные расходы берут на себя предприятие и профсоюз.

Трудно очертить круг забот депутатской группы. Депутаты чутко улавливают настроение своих избирателей, товарищей по работе. Вчера оно было хорошим, а сегодня — плохое: после вечерней смены пришлось долго ждать автобуса, не работают автоматические камеры хранения на проходной...

На заводе есть социологическая служба «Ваше настроение». Каждый может позвонить по внутреннему телефону и поделиться тем, что беспокоит, высказать пожелание. Установлен порядок: вопрос в течение трех дней рассматривается на селекторном совещании у генерального директора, о принятых мерах сообщает многотиражная газета «Херсоньский машинобудівник».

...Раздался звонок и в трубке спросили: когда же, наконец, будет достроен Дворец культуры? Чувство озабоченности состоянием строительства вызревало по мере того, как размывались дождями и выцветали под лучами южного солнца краски на уличном стенде: поблекшее изображение будущего Дворца культуры теряло не только свою привлекательность, но и, казалось, перспективу получить, наконец, реальное воплощение. По другую сторону стенда (он занимал пролет в дощатом заборе) начиналась строительная площадка этого самого объекта, и вот там-то дело подвигалось медленно, а потом и вовсе встало.

Это беспокоило коллектив. С открытием Дворца культуры рабочие связывают надежды на более содержательный досуг в клубах по интересам, встречи с мастерами искусств, на приобщение детей к музыке, художественной самодеятельности. Они стараются ради этого работать лучше, чтобы можно было выделить дополнительные средства на реализацию социальной программы. И вдруг осуществление этих надежд оказывается под угрозой.

Усилия администрации и общественных организаций ни к чему не привели. И тогда депутатская группа внесла коллективный запрос к начальнику СМУ-2 И. Майданникову в связи с затянувшимся строительством Дворца культуры.

Перед сессией городского Совета депутаты побывали на площадке, поговорили с рабочими, убедились, что бригады не укомплектованы, сборные конструкции и бетон поступают неритмично, простаивает техника. С фактами в руках, что называется, они доказали: возможности для полного освоения капитальных вложений есть. Сессия приняла решение: Дворец культуры сдать в 1985 году, за стройкой установить депутатский контроль.

Ну, а что сегодня на стройплощадке? Над забором, которым она обнесена, уже видно поднимающееся здание. Придет время, и оно примет первых гостей.

г. Херсон.

В тот момент, когда вы, читатель, возьмете в руки свежий номер нашего журнала, там, на БАМе, уже прочно сомкнется с предыдущими последнее, «золотое звено» трассы. БАМ построен!

Фото С. ПОДЛЕСНОВА.

Владимир ЯКОВЛЕВ

ПОВАР

От Тынды до Чары поезд идет так медленно, что иссякает всякое терпение. Сутки за окном купе сменяются таежные пейзажи, сутки — неизменные горы на горизонте, и лишь изредка, как долгожданное развлечение,— белое холодное поле наледи, сверкающее на двадцатиградусной жаре. Я впервые вижу все это, но даже такая красота способна надоесть. И с удивлением наблюдаю за своими попутчиками-бамовцами, будто прилипшими к стеклам. И наконец понимаю: они видят за окнами совсем не то, что вижу я. Они вспоминают... Местные красоты лишь для приезжих, а для них захлебывающаяся в снегу техника, стылый металл рельсов и наледи не достопримечательность, а опасность, оружие борьбы с которой еще не найдено. Сутки от Тынды до Чары — скорость почти фантастическая, потому что тот же путь проходили бамовцы не дни, а месяцы и дорого заплатили за то, чтобы наш поезд не спеша, осторожно пересчитывал рельсовые стыки.

Все позади. Еще несколько дней — и цель будет достигнута. Впервые станет возможным употребить в столь часто повторявшейся фразе не будущее, а прошедшее время: «Мы БАМ построим!», «Мы БАМ построили...».

* * *

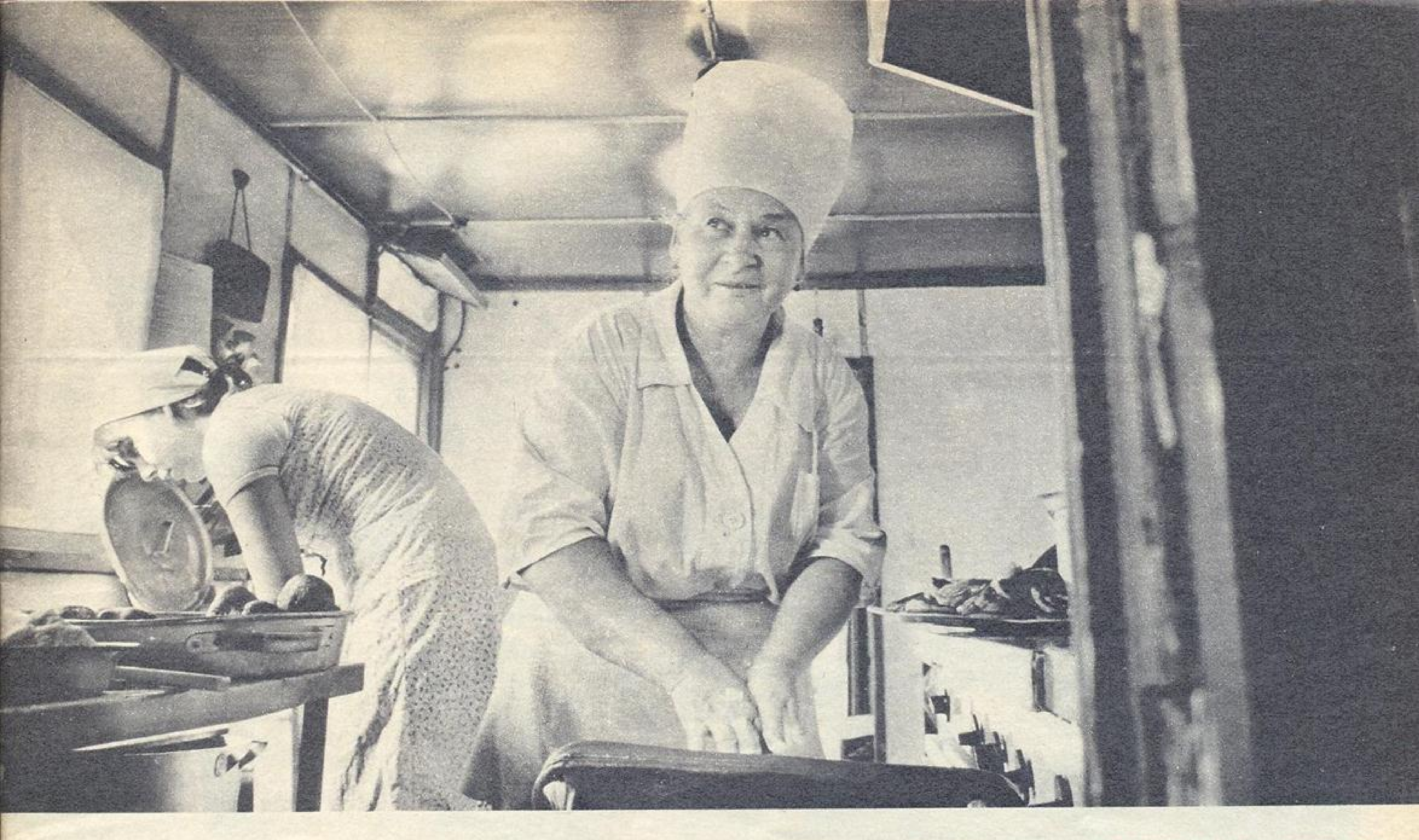
— Я молодая! Нет, ну правда...

Киваю механически.

— Кто же спорит, Валентина Ивановна?

— Это вы так, из вежливости. А сами-то не верите, поди!

Небо над головой голубое и жаркое. Такое здесь редко бывает. Здесь говорят: июнь — еще не лето, июль — уже не лето. Мне, кажется, повезло, угодил в золотую середину. Вон облака, безобидно белые, чиркают себе о вершины сопок. Сопки справа. Слева — тоже сопки. Посередине замерло на путях то, что

БРИГАДЫ ВАРШАВСКОГО

называют здесь бронепоездом: несколько спальных вагонов, несколько тяжелых платформ со стопками рельсовых секций. Должен быть вообще-то еще путеукладчик, но он сейчас далеко, за Кодарским тоннелем. Путь уже там прокладывают, а бронепоезд, пока тоннель не окончен, ближе подойти не может. Бригаду Ивана Варшавского каждое утро увозят на автобусе, привозят вечером. Бригада Варшавского движется на встречу с бригадой Александра Бондаря. Встретятся, уложат «золотое звено» — и есть БАМ!

Валентина Ивановна Сладковская три раза в день бригаду Варшавского кормит. Двадцать пять человек в бригаде. Средний возраст едва ли перевалил за тридцать. Валентине Ивановне пятьдесят два. Когда Варшавский к себе ее брал, начальство даже возражало: бригада-то молодежная! Еле уломали...

Мы сидим с Валентиной Ивановной на завалинке возле маленького, снятого с колес вагончика, где живут они с мужем Евлампием Федоровичем. Внутри вагончик поделен надвое — комната и кухонька.

Боюсь утверждать, но думаю: среди тысяч приехавших на БАМ тех, кому перевалило за пятьдесят, — единицы. А у Валентины Ивановны в Горьком дом — 98 квадратных метров. Денег хватает, огород свой, знакомых полно. Какая же сила могла заставить ее бросить насиженное место и отправиться за тысячи километров туда, где и захотели бы, да не смогли бы предоставить и половины утраченных удобств?

Листаю странички командировочного блокнота. Вот она, загадка, сформулированная в нескольких словах. «Послужной» список Валентины Ивановны. Сама она об этом мало говорила — у мужа, Евлампия Федоровича, выведал, приведу так, как писал, успевая за его рассказом.

Братск. Приехали на стройку. Тяжело было. Обживались: квартира, зарплата на двоих 500 рублей. Стройка кончилась. Стало легче. Уехали...

Зея. Тяжело было. Обжились: дом четырехкомнатный, зарплата на двоих — 620 рублей. Стройка кончилась. Уехали...

Сургут. Тяжело было. Потом дом четырехкомнатный. Зарплата — 630. Стало легче. Уехали...

Братск плюс Зея плюс Сургут плюс БАМ — все вместе пятнадцать лет жизни. И какой жизни! Пятнадцать лет тех временных и естественных трудностей, с которых начинается любое строительство. Вот построим — будет вода. Вот построим — пойдет автобус. А пока надо терпеть, надо работать. Она и терпела и работала, так ни разу не воспользовавшись плодами собственного труда. Не гнал ведь никто, наоборот, остаться просили. Почему уезжала?

Впрочем, пожалуй, я рано задал этот вопрос. Городскому жителю трудно понять смысл слов «временные трудности», еще сложнее прочувствовать их. Когда, приезжая в Горький, Валентина Ивановна рассказывает знакомым о БАМе, о Сургуте, ей завидуют: много повидала — так, словно вернулась она из турпоездки. Временные трудности... Их и связать-то, сравнить с обыденной жизнью нелегко. Разве что так — попробуйте пару лет прожить в железнодорожном купе. Почувствовали?

БАМ для Валентины Ивановны начался с поселка Озерного. Приехала в июне. Снег лежал — полтора метра. Продукты раз в неделю вертолетом забрасывали.

Теперь вопрос: ради чего терпеть такие, мягко скажем, неудобства? Ради чего, спрашиваю себя, и, конечно, сразу лезет в голову самое простое и самое неприятное. Деньги? Да нет же! Ни за какие длинные рубли не станешь так жить. Вдвоем с Евлампием Федоровичем им много ли надо? Детей у них нет. Принципы? Сознание того, как нужен БАМ стране? Я спрашивал Валентину Ивановну и об этом. Она, конечно, понимает: БАМ нужен очень. И верит в эту нужность. Но все же она далека от экономических расчетов и прогнозов. Надо — значит надо. А то, что надо, понимают многие, да только едут не все.

Так ради чего?

...Вечером на бронепоезде устроили дискотеку для своих и для всех желающих. В пустом вагоне гремела музыка, десятки крепких ног отбивали такт. А когда смолкла последняя лихая мелодия, многоголосый рев огласил темные сопки.

— Что это?

Валентина Ивановна невозмутимо отхлебнула чаю.

— «Магирусы» шастают.

Сказала тем пренебрежительно-веселым тоном, каким в городе говорят о ребятах, возвращающихся с танцплощадки, в деревнях — о парнях, кружащих под окнами местной королевы красоты. И правилен был этот тон. Кто, как не ребята, не парни, сидел за рулем тяжелых и мощных «магирусов». Кто, как не они, гонял их по опасным и скользким дорогам, и мерз на прокладке в снегу, и прорывался через болота и наледи, и шел вперед, оставляя за собой две полосы металла, перечеркнутые бетонными шпалами.

Это ради них готовила она, вставая в два, в три, в пять, щи из мерзлых овощей, да так, что есть их было вкусно. Ради них, было время в Озерном, ходила за водой на озеро к полынье, каждый раз успевавшей замерзнуть. Десять литров в ведре. Две тысячи литров нужно. Двести ведер в день.

— Да я не одна была. Еще две посудомойки.

Ради них решалась на то, на что решится не

Фото Сергея ПОДЛЕСНОВА

- *Это еще не обед — прелюдия...*
- *Экскурсия по БАМу.*
- *Между «первым» и «вторым».*

каждая женщина: если сил не хватало, под утро будила мужа, отправляла за водой его, и без того измучившегося за день. Ради них и с зав. производством ругалась: готовила та плохо...

Так было на БАМе. В Братске, Сургуте, на Зее тоже было так.

— Я когда сюда на бронепоезд приехала, ребята-то сперва не приняли меня. Ну, конечно, я ж не знаю, чего они любят, да потом им овощи, витамины нужны. А где ж их взять?

Она недолго искала, где взять. Всю морковь, всю свеклу, все яйца из дома на кухню перетаскала. На бронепоезде до сих пор не знают, что за завтраки тогда ели.

Я слушал Валентину Ивановну и думал, что такое молодость. Ну, не числом же прожитых лет определяется она? Может, неутомимостью? Валентина Ивановна с мужем все окрестные сопки исходила наравне с молодыми ребятами, и у костра ночевала, и песни гитарные слушала.

— Мы после Сургута решили: хватит, поездили и в Горький вернулись. Пять лет прожили. Не могу! Что ж такое — дом, огород, дом, огород. Скучно! Снялись — и на БАМ.

— До Валентины Ивановны у нас такие повара были: собаки сытыми ходили, мы — голодными. Теперь собаки голодные, мы — сытые — не поймешь, шутит ли комсорг бригады Валера Барабан или говорит серьезно.

Скорее серьезно. И бригадир Варшавский, утверждая, что «повар — первая скрипка в коллективе», тоже не улыбается.

Когда работа сутками, в день, в ночь, в пятидесятиградусный мороз, когда, кроме голода и усталости, не чувствуешь уже ничего, тогда завтраками и ужинами отсчитывают время, а слово «обед» обретает ту магическую силу и глубину, которые теряет слово «полночь».

Сорок восемь часов однажды, почти не останавливаясь, совсем не отдыхая, укладывала путь бригада Варшавского. О чем думали они к исходу вторых, сумасшедше тяжелых суток? О завтраке...

Работа Валентины Ивановны — работа государственная, политическая, если хотите. Самые громкие призывы недорого стоят без ее щей и котлет.

Государственный человек... Едва ли можно отыскать иной образ, в той же мере избалованный (и заслуженно) вниманием прессы и литературы. Может быть, поэтому сложился в нашем восприятии довольно шаблонный его портрет, а точнее говоря, портреты — разные в разное время. Когда-то средних лет гражданин в кепке и запыленном костюме, то и дело принимающий волевые решения, вот уже добрых пять лет не бывавший в отпуске — как уйти, если без него вся работа стопорится? Позже молодой парень в вызывающе потертых джинсах, налаживающий экономическую систему производства. Портреты менялись, общей оставалась, пожалуй, лишь должность — не самая высокая, зато руководящая: директор завода, совхоза или стройки, — да чувство долга — мотив большинства поступков. Так и остался у нас этот странный должностной ценз государственности мышления.

Директор — человек долга. А повар? Собственно, как и директор, может быть, да, а может быть, нет. Валентина Ивановна, думаю, да. Только долг ее непохож на расхожее о нем представление: не хочешь, а нужно. Она и хочет, как нужно. В этом, пожалуй, секрет ее силы, силы ее поколения. Пятнадцать лет назад энтузиазм строек дал толчок ее жизни и судьбе, как и многим другим жизням и судьбам. Кому-то силы этого толчка хватило на годы — это было естественно, нормально: построили, устроились, отдали свое и свое получили. Ей — навсегда: что-то ее толкало ее вперед со стройки на стройку, что-то уже не только общественное, но и глубоко личное. Врожденное чувство доброты... Именно врожденное, как цвет глаз или волос, заложенное генетически. Что сказалось здесь? Может, отзвуки войны — громких взрывов бомб и тихих, но не менее страшных, взрывов врывающихся в дом похоронок. Чутье близкой боли, требующей немедленной помощи и поддержки. Чутье, так легко угасающее в уютных городских квартирах, и такое острое там — в заснеженных вагончиках-времянках.

Что получила Валентина Ивановна, отдав стройкам пятнадцать лет жизни? Что? Молодость на шестом десятке, не более и не менее.

— А мы с ребятками хорошо друг друга понимаем. Они со мной как с равной говорят. И девочки с котлопункта тоже!

У каждой армии есть свои знаменосцы. Те, кто на гребне общих усилий устанавливает победный флаг. Бригада Варшавского, бригада Бондаря — знаменосцы бамовской армии. И то, что есть среди них молодой человек Валентина Ивановна Сладковская, — и символично, по-моему, и правильно.

Да, правильно... А все же странно, что едва пытаюсь описать то предпраздничное настроение, которое царит сегодня на БАМе, неизбежно лезут в голову все больше военные или — еще чаще — спортивные аналогии. Впрочем, почему странно? Взглянешь на ревущую, грохочущую технику, штурмующую последний клочок тайги, разделяющий пока путеукладчики, и не захочешь — подумаешь о фронте.

Грандиозная стройка похожа сейчас на спортсмена-марафонца, только что порвавшего финишную ленточку. Еще ходит ходуном грудь, еще прерывается дыхание, но сердце уже стучит ровнее и реже — победа пока не осознана, лишь почувствована.

Почувствована... Ребята из бригады Варшавского необычно много вспоминают сейчас. То и дело на отдыхе собираются группками:

— А помнишь, зимой...

— А помнишь, на Чаре...

— А помнишь?...

И даже сам Варшавский, с которым мы говорим в его командирском купе, вспоминает, вспоминает, поглаживая шкиперскую бородку, и не может остановиться.

И я удивляюсь его разговорчивости, отлично понимая, как успели ему надоесть корреспонденты, приезжающие один за другим и, конечно, мешающие работать, пока не догадываюсь, что наш разговор и для него только средство, средство закрепить воспоминания.

Они разбираются в собственной памяти, приводя ее в порядок, словно подсознательно опасаясь того, чтобы волна победного восторга, уже видимая на горизонте, не слизнула воспоминаний о том, как было тяжело. Они почти победили, эти молодые, крепкие ребята. БАМ закалил их, сделал жестче и мужественнее, как мороз обветривает кожу. Но на несколько дней перед победой юность возвращается к ним, и они разительно, до смешного напоминают мальчишек, у которых заканчивается смена в пионерлагере.

И Валентина Ивановна старается — готовит «мальчишкам» особо вкусные обеды и завтраки — прелюдии к близкому празднику.

— Валентина Ивановна, а после БАМа что делать будете?

— Не знаю еще. Может, на другую стройку поедем, — отвечает неуверенно.

На другую стройку? Вряд ли... Пройдет еще несколько дней. Бригадир и энтузиаст Иван Варшавский встретится, наконец, с энтузиастом и бригадиром Александром Бондарем. Встретятся, обнимутся под сухой аккомпанемент фотозатворов, и эта встреча станет началом нового пути, новой магистрали — где-нибудь в Якутии. Но почему-то мне кажется, не уедет туда Валентина Ивановна.

Да, пролегла через тайгу стальная магистраль. Но на всем ее протяжении нарушено природное равновесие, и природа долго будет штурмовать дорогу наледями, весенней страшной силы разливами, стремясь заживить многокилометровый рубец, вернуться в прежнее девственное состояние. Пролегла магистраль. Но столбы ЛЭП вдоль нее — еще деревянные, временные, и временные, легкие домики в Чаре. Даже отваливающийся ежечасно карниз с занавесками в нашем гостиничном номере тоже был временным, на скорую руку. Много еще, очень много сил предстоит втрамбовать в мерзлую землю, прежде чем временное станет постоянным. Валентина Ивановна, наверное, останется. Тех, кто будет делать это, тоже надо кормить.

Кодар — Москва.

Вместе с мужем...

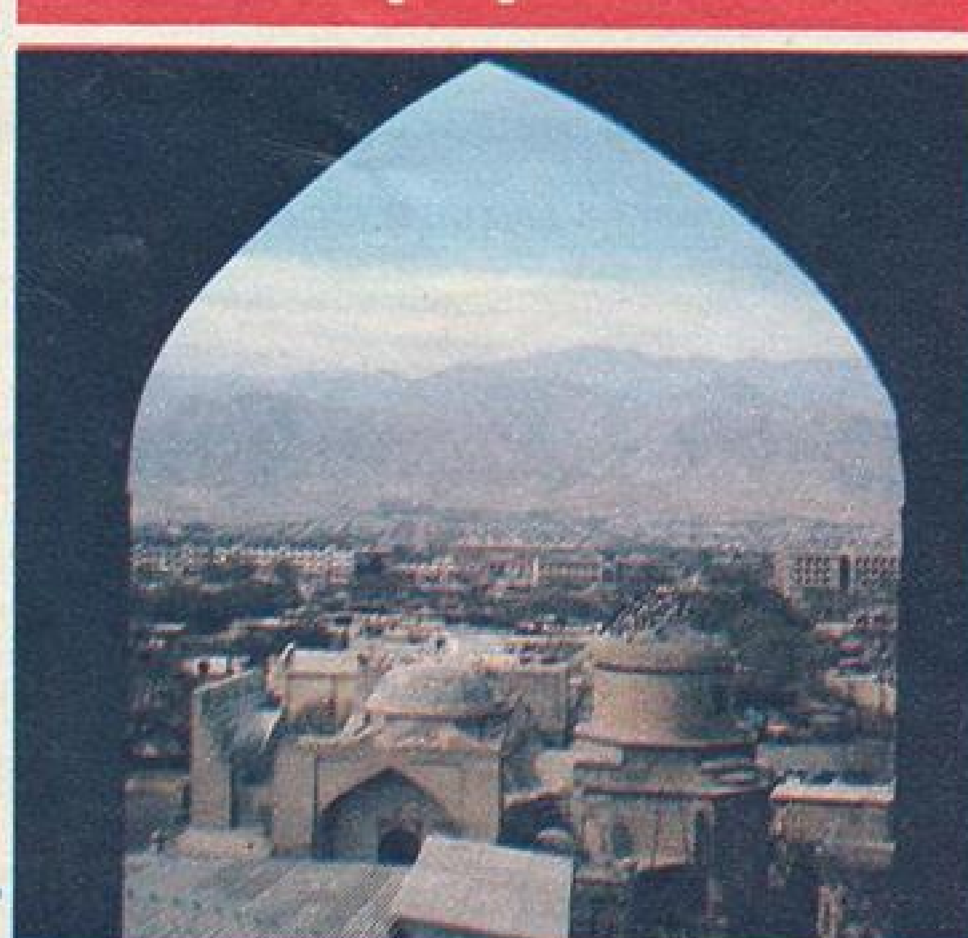

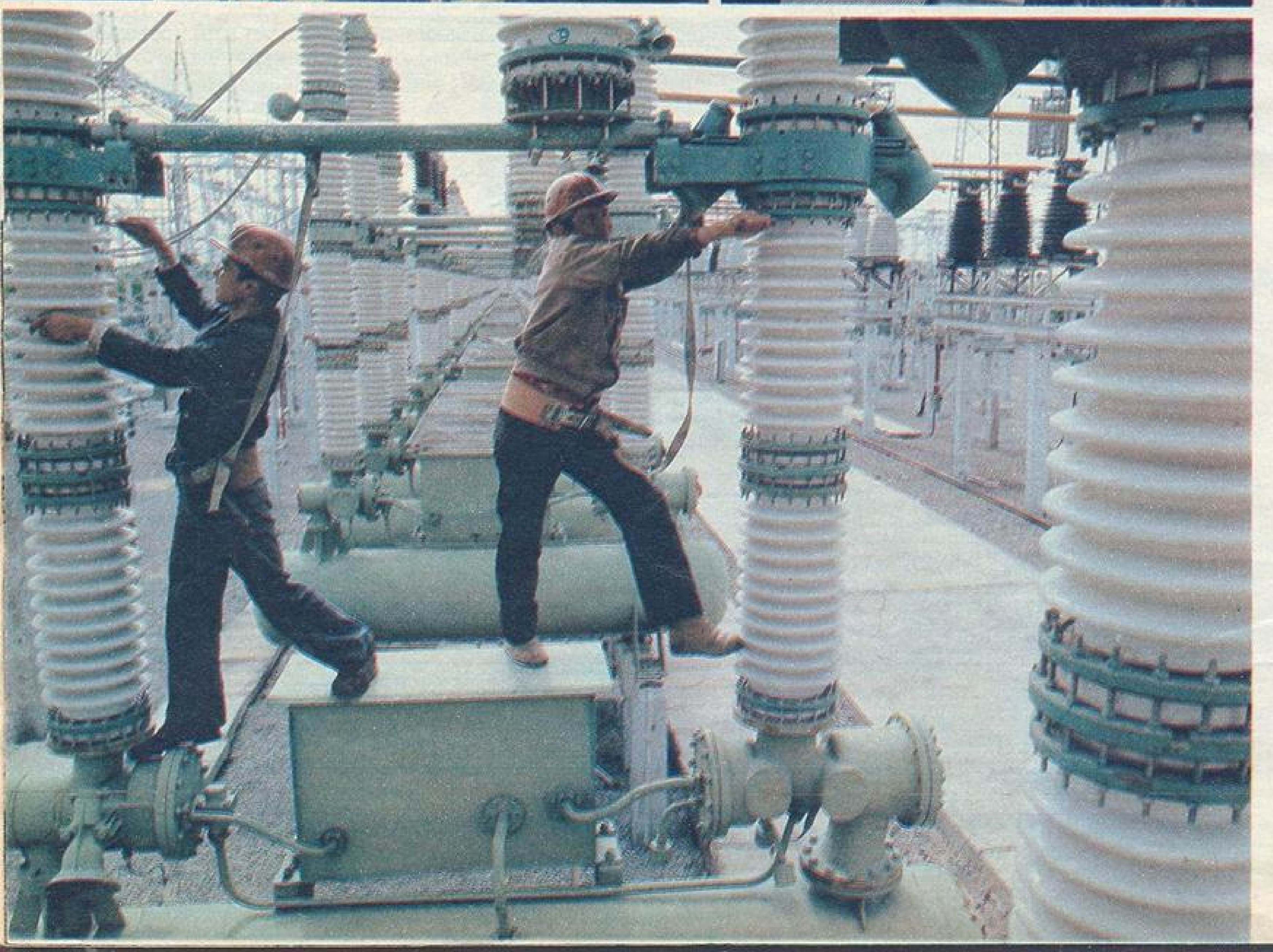

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

В день рождения Шарафат подарила мне румяную, необыкновенно пахнущую лепешку и огромный, золотисто-коричневый гранат. Много потом было в жизни подарков, но никогда не забудется тот, что получила в сентябре 41-го года я, эвакуированная московская девочка, от маленькой узбечки.

Сегодня праздник у моей Шарафат — день рождения отмечает ее Узбекистан. А вместе с ним еще четыре Советских Социалистических Республики — Молдавская, Киргизская, Таджикская, Туркменская. Им исполняется 60 лет. Невелик возраст в масштабах истории. А по меркам жизни одного поколения — возраст зрелости и успехов. Успехи эти немалые, есть чем гордиться.

В повседневных наших делах мы не очень-то задумываемся, что конкретно дали нашим республикам социалистический строй, отношения дружбы и братства между народами. А в праздник, наверное, уместно вспомнить, что за годы существования нашего Союза объем промышленной продукции, например, Таджикской ССР вырос более чем в 500 раз, Киргизской — более чем в 400, Узбекской — почти в 240, Туркменской — более чем в 130 раз!

Если с высоты окинуть единым взглядом нашу страну, мы увидим необозримые хлопковые поля Узбекистана и Туркмении, поднятую целину Казахстана, цветущие сады Молдавии, мощные гидроэлектростанции Киргизии и Таджикистана. Мы живем по закону: всем, чем богаты сами, делимся друг с другом, все отдаем на общую пользу. Так в личном, так и в жизни всего нашего общества. Каждая республика вносит свой вклад в национальное богатство страны.

Посмотрите на эти фотографии.

Созрел белоснежный хлопок на полях совхоза имени Ленина Папского района Узбекистана.

Молдавские виноградари дарят нам радость ощутить сладкий сок молдавских солнечных ягод. Одна из них — комсомолка Вера Мамалыга, ее вы видите на снимке.

Древняя страна Туркмения. В ней стремительно развиваются самые современные отрасли экономики, и одна из них — энергетика. Каждые пять лет количество электроэнергии, вырабатываемой электростанциями республики, удваивается. Перед вами — Марыйская ГРЭС. Фотокорреспондент заснял наладку высоковольтных воздушных выключателей бригадой Худайкулиева.

Мы любим нашу Советскую Родину. Мы бережем и все лучшее, что досталось нам от предшествующих поколений, — древнюю культуру народов, их песни, танцы, костюмы, прекрасную архитектуру. И еще не одно поколение после нас будет любоваться архитектурными памятниками Ленинабада в Таджикистане. И не одно сердце откликнется радостью, видя народные танцы Киргизии (снимок вверху).

И. СКЛЯР
Фотохроника ТАСС.

С читателями «Работницы» беседует министр химической промышленности СССР Владимир Владимирович ЛИСТОВ

ПРИРОДА И МЫ

Охрана природы от вредного воздействия промышленности — одна из самых серьезных проблем современности. Оснований для такого утверждения достаточно. Только в атмосферу нашей планеты (не говоря о воде и почве) за год выбрасывается около миллиарда тонн различных веществ. Мир встревожен уроном, который человечество уже нанесло и наносит лесам, озерам, рекам, воздуху, которым мы дышим, а значит, и самим людям, их здоровью.

Спросите любого человека, далекого от проблем экологии, но тем не менее, как все мы, обеспокоенного состоянием природы: кто больше всех виноват в загрязнении окружающей среды? Полагаю, он без долгих раздумий ответит: химия!

Да, мы по праву называем наше время веком химии. В нашей жизни химия играет все более значительную роль. В содружестве с новейшей техникой она помогает человеку создавать такие вещества, которых нет даже в природе. Так что без химии никак нельзя. Она и впредь будет развиваться опережающими темпами, являясь базовой отраслью в экономике страны.

Длительное время химическая промышленность представляла собой сеть небольших предприятий, рассредоточенных на огромной территории нашей страны. Заметного вреда природе они не причиняли, а потому строительство очистных сооружений, предназначенных обезвредить сточные воды и газовые выбросы, считалось делом второстепенным.

Стремительное развитие химической индустрии, начавшееся в годы восьмой пятилетки, было ознаменовано пуском новых заводов-гигантов. А раз так — пришлось в корне менять и свое отношение к обезвреживанию и очистке промышленных отходов.

Могучим подспорьем нам стали законы о защите окружающей среды, закрепленные Конституцией СССР, а также специальные постановления правительства. На цели экологии выделяются значительные государственные средства. Так, за годы девятой и десятой пятилеток только на строительство охраняющих природу объектов Минхимпром израсходовал более миллиарда рублей.

Мы считаем строительство современных очистных сооружений одним из главных направлений в этой работе. Каждый такой комплекс, оснащенный сложным оборудованием, совершенными приборами контроля,— это своего рода предприятие на предприятии, надежно защищающее природу от воздействия химии.

Мне могут задать вопрос: а как же быть со старыми заводами, которые наносят основной вред нашим рекам, лесам, воздуху? Только в текущей пятилетке 120 таких производств подвергнутся коренной реконструкции, а более сотни морально устаревших цехов и участков будут закрыты совсем. Такие меры позволят сократить выбросы вредных веществ более чем на 200 тысяч тонн в год.

Кому-то это может показаться, мягко выражаясь, странным, но можно смело утверждать, что химия из опасного источника загрязнения все больше становится необходимым, зачастую единственным средством защиты природы. Очистные сооружения просто невозможно представить без химических реактивов, кислот, щелочей. Большое будущее ожидает здесь полимерную мембрану — тоненькую синтетическую пластинку, наделенную волшебным свойством пропускать через себя одни вещества и задерживать другие.

Лавсан, оксалон, стекловолокнистые материалы — все они интенсивно трудятся на очистке воздуха, воды, газов.

Результаты? Судите сами... На одном из наших химических гигантов в городе Волжском вода очищается настолько безупречно, что ее смело применяют земледельцы в своих хозяйствах для полива зерновых и бахчевых культур. Сама же территория предприятия — это скверы, газоны, цветники. Зеленым островом кажется киевское ПО «Химволокно». Здесь прижились и прекрасно себя чувствуют даже прихотливые абрикосы, черешни, вишни. На родственном предприятии в Черкассах вокруг производственных корпусов посажены плодоносящие сады. В них поселились самые строгие контролеры — соловьи.

Очистка и обезвреживание отходов, как это ни существенно, все же не единственный путь, позволяющий защитить природу. В отрасли в последние годы взят курс на внедрение безотходных процессов и создание безотходных предприятий — предприятий будущего. Немало в этом отношении уже сделано. Вот один из примеров: в результате внедрения в производство безотходной технологии, когда использованная вода не сливается, а, очищенная, снова идет в дело, более десяти современных гигантов химии, среди которых такие, как Шевченковский и Прикумский заводы пластмасс, производственное объединение «Сиболокно», все вместе потребляют воды в два раза меньше, чем одно старое кемеровское ПО «Химпром».

Еще недавно отходы многих производств просто вывозили на свалку. Испаряясь, вредные вещества загрязняли воздух, проникали с дождями в почву. Теперь же благодаря внедрению новых методов переработки они стали применяться и в качестве готовой продукции и вторичного сырья. В курском ПО «Химволокно», например, отходы почти полностью утилизированы, а это значит, что около 9 тысяч тонн сырья ежегодно идет не на свалку, как раньше, а в дело. Здесь построили цех ширпотреба, и вчерашний бросовый материал на глазах превращается в ковровые напольные покрытия, всевозможные щетки, мочалки и массу других полезных вещей.

Однако вторичное использование такого широко распространенного материала, как пластмасса, сейчас весьма затруднительно. А ведь только в нашей стране ежегодно выпускается около 5 миллионов тонн пластмасс. Их выпуск будет расти и впредь, потому что сейчас нет такой сферы человеческой деятельности, где бы они не применялись. Но что делать с отходами? Сжигать пластмассу нельзя — сильно загрязняется воздух, закапывать в землю — слишком дорого. Единственный выход — дать пластмассе вторую жизнь. А это нелегко. И хотя ученые интенсивно работают в этом направлении, сделано еще далеко не все.

Хотелось бы подчеркнуть, что каждый из нас мог бы внести свой личный вклад в решение «пластмассовой проблемы». Согласитесь, что использованная полиэтиленовая пленка, всевозможные пластмассовые предметы можно увидеть брошенными повсюду: на улице, лесной поляне, плывущими по реке. Но ведь даже школьникам хорошо известно, что этот материал разлагается десятилетиями. Поэтому прежде чем выбросить «безобидный» пакет где попало, задумайтесь — подобный мусор причинит нам еще немало хлопот.

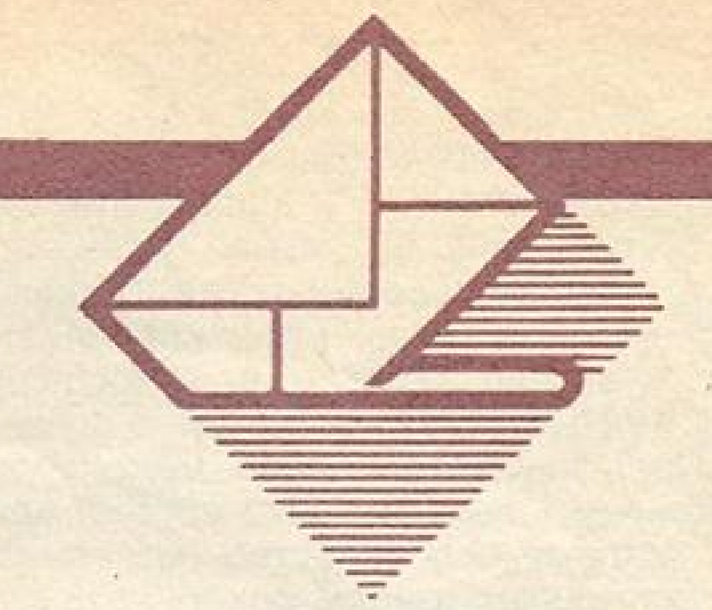
Мы привыкли считать, что основной ущерб природе наносят промышленные предприятия и ущерб этот несравним с тем, который может причинить отдельный человек. А факты говорят обратное. Мы с вами независимо от профессии и рода занятий имеем прямое отношение к острейшим проблемам экологии. Безусловно, усилия государственных и общественных организаций дают свои результаты, но нужно, чтобы каждый человек проникся тревогой за судьбу природы. Я даже позволю себе утверждать, что никакие безотходные технологии и лучшие методы очистки не дадут должной отдачи, если будут находиться в руках равнодушных людей.

Химию стало модным обвинять во многих наших напастях. Досадное заблуждение. Просто надо пользоваться ее могучими возможностями со знанием дела, как в больших, так и в малых масштабах. Потому что она одинаково может принести и пользу людям и вред.

Женщинам наиболее заметны достижения химической индустрии в быту. Ассортимент препаратов, предназначенных для самых различных домашних дел, превышает сегодня 800 наименований. Ежегодно в каждой квартире их используется несколько десятков килограммов. Такая насыщенность средствами бытовой химии требует грамотного применения и экономного расхода.

Некоторые хозяйки не скупятся при стирке на порошок, ошибочно полагая, что чем больше его насыплешь, тем чище будет белье. Это далеко не так. А вот вместе с водой в канализацию попадет гораздо больше вредных веществ, чем следует. Брошенные где попало баллоны и бутылки с остатками химических препаратов тоже приносят немалый вред. Кто-то решит, что это мелочь. Думаю, что вы измените ваше мнение, узнав, что «мелочь» — пятая часть всех загрязняющих природу отходов в мире.

И как не вспомнить здесь слова А. П. Чехова о том, что если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы наша земля.

В РОЛИ ВЗРОСЛОГО ДИТЯТИ?

Заставила меня взяться за перо тревога за нашу семью. Да и за другие семьи. Главная проблема — жилье. Молодоженам надо жить одним, самостоятельно, в этом я убежден на сто процентов. А иначе трудно сложить семейный очаг, создать по крупице **собственный дом.** Дом со своими занавесками и книжными полками, со своими ссорами и спорами, со своими традициями, любимой музыкой, любимыми полночными гостями (у меня работа такая — осветитель в театре, поэтому и гости полночные, только не подозревайте тут пьяный разгул и нарушение общественного порядка, обходимся чайком).

Ишь, чего захотел, скажете, не успел жениться, так срочно подавай ему ключ от квартиры на блюдечке с голубой каемочкой! Да вовсе не о блюдечке разговор. Отлично понимаю: проблема жилья пока еще острая для многих. Строим-строим, а все не хватает. Причем в очередях люди не нам чета — с солидным рабочим стажем и с более серьезными заслугами перед обществом. А я успел лишь окончить ПТУ и отслужить в армии, Люда и вовсе студентка, ни дня пока не работала. Так что заслуженным людям мы не конкуренты. Но они-то хотя бы на очередь поставлены — по работе или в исполкоме, а определенность много значит: это же реальная надежда.

У вас же в «Работнице» я читал беседу с заведующей отделом семьи и брака Моссовета. В Москве молодоженам в случае необходимости могут предоставить комнату за выездом в коммунальной квартире. Ведь не секрет, очередники в старый дом без удобств не поедут. А мы бы — с благодарностью! И ремонт бы своими руками сделали. И ждали бы благоустроенного жилья, сколько надо. Я сходил в горисполком разузнать про такую возможность, так меня тут же обвинили в рваческих наклонностях.

Я остался в этом городе после службы в армии, прописался в квартире Людиных родителей. Спасибо за гостеприимство, потеснились, выделили нам комнату, а в свою забрали сына-старшеклассника. Не знаю, как вы бы себя в данном случае чувствовали, а я с первых же дней почувствовал себя неуютно. Стеснил же людей, пришел на все готовенькое.

— Найдем частную,— предлагал Люде еще до свадьбы.

— Обидятся,— возражала она.— И перед соседями стыд: дети снимают угол.

Не буду описывать нашу совместную жизнь с Людиными родителями. В дом я попал налаженный, уютный. Однако... понимаете, я рано стал самостоятельным, с пятнадцати лет жил в общежитии, умею и ремонт сделать, и стеллаж смастерить, и телевизор починить. Не хвалюсь, но всю эту мужскую работу люблю. К тому же дизайном интересуюсь, так что с самыми добрыми намерениями предложил кое-что усовершенствовать — ну, к примеру, в нашей комнате из старого книжного шкафа и серванта сделать современную стенку. Так у тестя сердечный приступ, а теща шепотом просит: «Пойдите, детки, покатайтесь на лыжах, возвращайтесь уж к готовому обеду». Ничего себе распределение ролей! И что бы я ни купил, все оказывалось или лишним, или плохого качества, или нелепым. Да я их не осуждаю, другие у людей вкусы, и нельзя со своим уставом приходить в чужой монастырь. Но мне было не по себе, когда в воскресенье моя жена спит чуть ли не до полудня, а родители ее на цыпочках проводят генеральную уборку. И меня по разряду трутней зачислили: дескать, отдохни, вам свободное время дорого, почитать надо, в кино сходить.

А дети появятся, как они будут воспринимать маму и папу, живущих в доме на положении взрослых детишек? Сильно я сомневаюсь, чтобы такие родители вызывали у малышей уважение. Я хочу в своем доме трудовой, здоровой обстановки, а когда одни члены семьи обслуживают других — пускай и добровольно,— ни о какой нравственности говорить не приходится. Перегибаю палку? Жена моя тоже доказывает, что в большинстве семей кто-то жертвует собою ради других. Она, оказывается, считала нормальным, что, уже выйдя замуж, не варила суп, не гладила белье, что ее будущий диплом стал для родителей прямо-таки светом в окошке.

Короче, вы уже почувствовали: идиллии не получилось. Но уж особенно меня заело, когда тесть в благодушном разговоре у телевизора отозвался пренебрежительно о моей работе. Да он о театре-то знает лишь понаслышке! Они судят по зарплате, а зарплата и впрямь невелика. И жилплощадь мне в театре «не светит».

...Когда мы собирали вещи, теща заплакала.

— Я тебя предупреждала,— причитала она.— Ему плевать, Людочка, на твою учебу.

— Все будет в порядке,— сцепив зубы, обещал я.

— Сорок рублей за угол! Вся Людочкина стипендия. А как жить на одну зарплату?

— Живут же другие. Подработать можно.

— Обратно пустим только тебя одну,— сказал дочери на прощание отец...

И вот мы сняли комнату. По соседству — другая молодая семья с ребенком. «Благодетель» наш живет у очередной жены, но прописан тут. Взимая за квартиру дань, он держится покровительственно — дескать, мог бы и больше брать. Это за государственную жилплощадь! Так и подмывает меня поговорить с ним начистоту, ну, а что толку, только комнату потеряем, а желающих он найдет. Почему у нас плохо контролируются излишки жилплощади? Интересная арифметика: если в любом городе, в любом поселке взять всю жилплощадь и поделить на количество жителей, средняя цифра выйдет крупная. Да нет, я не призываю к всеобщему «уплотнению», но вот в данном-то, конкретном случае справедливо ли оставлять дельцу такую лазейку для наживы?

Давайте представим дом гостиничного типа с маленькими квартирами. Ну 10—12 квадратных метров, с уголочком для плиты и душа. Пускай мы бы те же сорок рублей платили, но куда приятнее платить в пользу государства, а не в дядин карман. И пускай было бы для молодоженов условие: поставят нас на очередь только после рождения одного или двух детей. Логично? У семьи уже налаженные отношения, супруги притерлись друг к другу, научились расходовать деньги, распределили обязанности. Вот тогда и спрашивайте с нас самостоятельности! Ведь чтобы научить человека плавать, надо, как минимум, пустить его в водоем.

Я не делаю открытия. О домах-«малосемейках» пишут в разных изданиях, в том числе и в «Работнице». Такое временное жилье устраивает молодую семью. Но кто строит семейные общежития? Крупные предприятия. Значит, мне уходить из любимого театра, искать завод, который заботится о молодоженах?

Слышал я об опыте подмосковного города Калининграда, где сама молодежь строила для себя дома. Я надеялся, что в нашем горкоме комсомола знают про эти молодежно-жилищные кооперативы, но нет, не слышали. Большая просьба к вам: напишите, где строятся МЖК? Сколько часов нужно отработать на стройке? Какие нужны специальности? Поверьте, от этого может зависеть судьба не только нашей семьи.

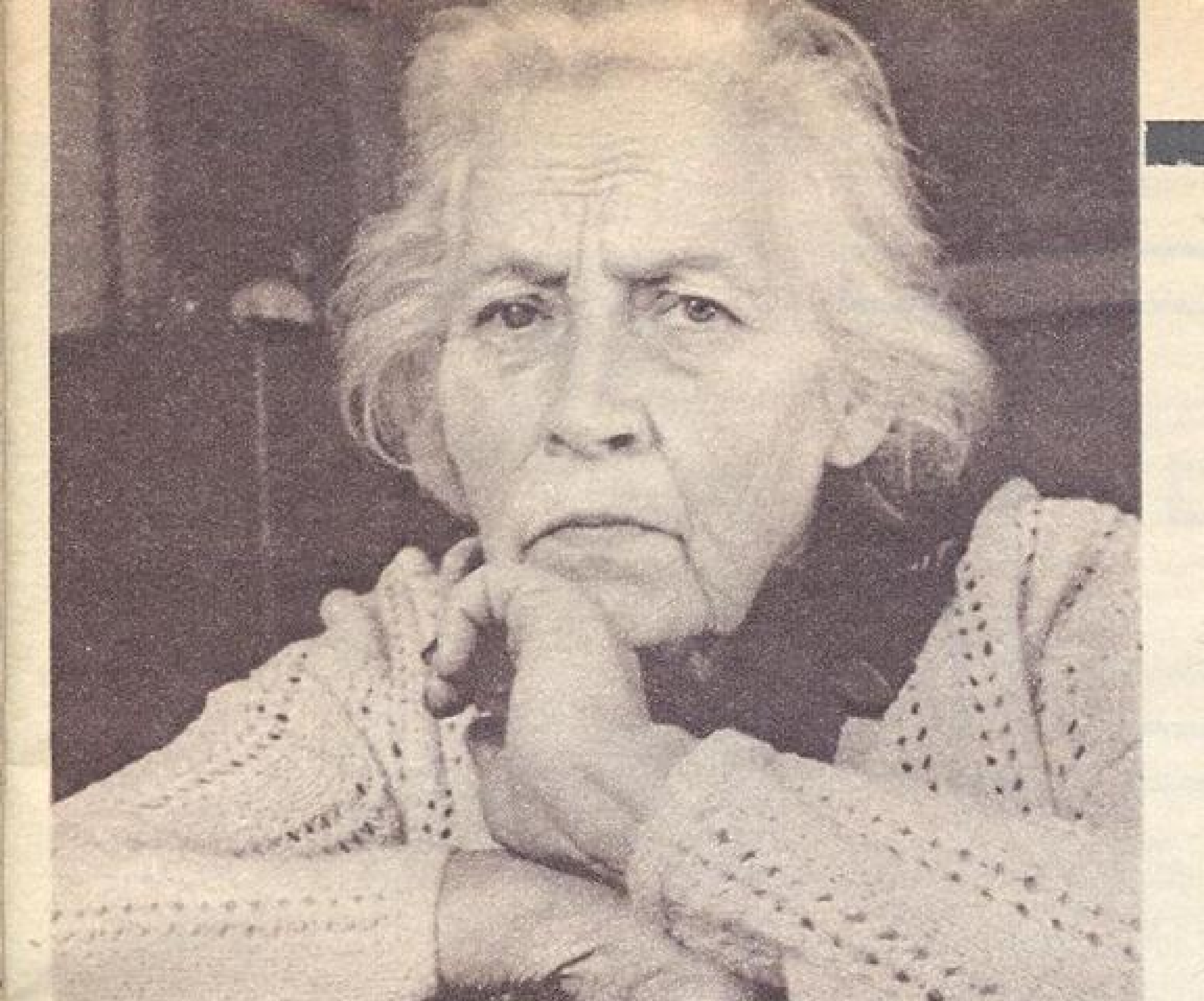
...Вчера Люда снова попросила:

— Вернемся домой!

Мне уже надоело доказывать, что семья автономна, что любые трудности — это наши трудности. С тревогой жду, когда прозвучит слово «развод»...

Подписываюсь подлинной фамилией. Но, наверное, в журнале лучше ее не называть, а то родственники разобидятся всерьез. Подпишите просто —

Молодой муж и будущий отец.

ПОДПОЛЬНАЯ КЛИЧКА — СТЕЙН

ТЕСНАЯ КВАРТИРА больше напоминает картинную галерею, потому что, куда ни взгляни, всюду живописные холсты: пейзажи, натюрморты, портреты. Замечаю: два лица, два человека повторяются снова и снова — Виктор Кингисепп, Ян Анвельт...

Мы пьем крепко заваренный кофе, рассматриваем фотографии в старинных тяжелых альбомах, которыми хозяйка дома Алисе Пауловна Стейн-Анвельт дополняет свой рассказ,— и вот уже отступает время, и вместо серебротоловой женщины я вижу юную, порывистую подпольщицу по имени Ката. Потом друзья дали Алисе другой псевдоним — Стейн...

ДЕТЕЙ У ЛЕСНИКА Пауля Леэвальда было девять. Жили трудно, рано шли «на свой хлеб». Первым на заработки в Таллин отправился Адо, за ним последовал Александр. Алисе добралась до Петербурга: шила на фабрике оболочки для цеппелинов — по двенадцать часов подряд. Истощенная суровым режимом, постоянным недоеданием, совсем не по-зимнему одетая, она тяжело заболела. Пришлось вернуться в Муналаскме...

Наступил тысяча девятьсот семнадцатый. Волна революции из Петрограда докатилась и сюда. Батраки делили барскую землю, а их дети под руководством юной учительницы распевали «Марсельезу» и «Варшавянку». Учительницу звали Алисе.

Однако скоро за такие песни стали расстреливать, потому что войска кайзеровской Германии оккупировали Эстонию и установили свой порядок. Потом — белый террор буржуазного правительства, пришедшего на смену оккупантам. Но гордые люди, которые составляли славу этой земли, отважные люди, которым была дорога Советская власть, не думали сдаваться. И среди них — Александр и Адо Леэвальды. А в декабре 1918-го, когда части Эстляндской трудовой коммуны, освобождая родную землю, приблизились к Таллину, Алисе узнала, что в рядах наступающих сражается еще один ее брат, Пауль, командир батареи. Увы, долгожданная встреча не состоялась: английская эскадра и наемные штыки помогли местной буржуазии удержаться у власти.

Значит, нужно было продолжать борьбу. Революционное движение ушло в подполье. И Адо с Александром стали надежными помощниками революционеров. Алисе доставляла для подпольщиков из Муналаскме всякую деревенскую снедь, а обратно в корзинке под городскими покупками несла листовки.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ, когда в доме лесника спали, раздался стук. Алисе открыла дверь: на пороге стоял Адо, а рядом — худощавый мужчина с небольшой бородкой. Она догадалась: Виктор Кингисепп! Гость велел называть себя Антоном.

Как-то, отправившись по поручению Антона на станцию Вазалемма к прибытию таллинского поезда, получила от машиниста тяжелый сверток. В нем оказалась пишущая машинка.. По совету гостя выучилась печатать. Потом В. Кингисепп диктовал Алисе свою книгу «Под игом независимости». И, вникая в ее содержание, общаясь с этим незаурядным человеком, девушка все больше понимала, что путь борьбы, который себе избрала, единственно верный.

Настала пора Кингисеппу сменить конспиративную квартиру, и Алисе последовала за ним: таково было поручение партии.

В двадцатом году стала членом партии коммунистов, подпольной партии, одна лишь принадлежность к которой грозила тюрьмой, каторгой, смертью. Она не дрогнула, не засомневалась в правильности выбранного пути, не испугалась даже тогда, когда палачи убили Виктора Кингисеппа. Надо было продолжать его дело, и Алисе становится правой рукой Яна Анвельта.

В ленинскую партию Анвельт вступил еще в тысяча девятьсот седьмом. Выпускал большевистскую газету «Кийр» («Луч»), был одним из руководителей социалистической революции в Эстонии, в 1918 году — председателем СНК и наркомом по военным делам Эстляндской трудовой коммуны. И вот теперь снова борьба в подполье...

Анвельт доверил Алисе судьбу газеты «Коммунист», и она ездила за рукописями на конспиративные квартиры, сама бралась за перо, сама и набирала статьи. Со страниц «Коммуниста» Алисе, член ЦК Коммунистического союза молодежи Эстонии, обращалась к пролетаркам с воззванием: «Женщины-пролетарии должны выполнить свой долг в подготовке и проведении вооруженного восстания трудящихся!»

КАТИЛА ПО МОСТОВОЙ повозка, а в ней — две девушки и огромные мешки, в каких обычно возят картофель. Только была в них совсем не картошка: Алисе и Катерина спрятали в мешках оружие, с которым завтра утром повстанцы пойдут в бой...

И это утро, 1 декабря 1924 года, наступило. Под командованием Анвельта рабочие взяли дворец Тоомпеа, заняли железнодорожные станции, захватили почтамт... Но вот в штаб восстания поступила недобрая весть с Балтийского вокзала: усилился вражеский натиск. Вместе со всеми Алисе спешит туда, несет на плече корзинку с патронами. Против восставших двинулись курсанты офицерских училищ. Силы были слишком неравными. Пришлось отходить...

Начались обыски, облавы. Укрываясь на конспиративных квартирах, Алисе ухаживала за ранеными, помогала Анвельту в эвакуации участников восстания из Таллина.

СТАВ МУЖЕМ И ЖЕНОЙ, Ян и Алисе в 1925 году переехали из буржуазной Эстонии в Москву. Родилась дочка, которую назвали Кимой, а сыну дали имя отца.

Талант Анвельта в новых условиях раскрывался с новой силой. В эти годы он был ответственным секретарем Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна, избирался делегатом XIV—XVI съездов ВКП(б).

А Алисе окончила знаменитый Высший художественно-технический институт (ВХУТЕИН). Путешествуя с бригадой художников по Советской стране, привозила из Донбасса и Березников, с Хибин и Волховстроя полотна, на которых старалась как можно образнее и ярче запечатлеть горячие будни своей Родины... И первые портреты Виктора Кингисеппа тоже тогда написала. И портреты Яна Анвельта...

АЛИСЕ ПАУЛОВНЕ уже девятый десяток. Здоровье, конечно, пошаливает, но, коммунист с подпольной кличкой Стейн, она и сейчас находит в себе силы жить энергично, интересно. Регулярно отвечает на письма, которые в дом на улице Кундери в Таллине приходят со всей страны. Часто встречается с молодыми в так называемом «Рабочем подвале», на площади Победы, где в давние времена находился, по сути, штаб революционного движения; и на бывшем хуторе Укку, где когда-то ютилась их подпольная типография, а теперь находится музей; и на бывшем хуторе лесника Леэвальда, где прошло детство, где Виктор Кингисепп диктовал ей свою книгу.

Приходит к зеленому склону Харьюмяги — здесь памятник Кингисеппу. А изваянный в бронзе Анвельт — совсем рядом с домом. Прочитала в газете, что на Памире один из пиков-пятитысячников нарекли его именем. Алисе Пауловне туда уже не подняться, а вот внуку, может, удастся. Кстати, внука зовут тоже Ян Анвельт...

Лев СИДОРОВСКИЙ

Фото автора

Г. ГРИБОВСКАЯ

БУКЕТ

Рисунок И. СЕЛЕЗНЕВА.

Автор этого рассказа не профессиональная писательница. Она юрист. Живет и работает в Алма-Ате.

«Эта история,— пишет она,— произошла со мной много лет назад, но запомнилась на всю жизнь. Кто знает, может, она заставит и других людей задуматься о том, как порой нам необходимы и доброта и чуткость».

Рассказ-быль

— Варя, иди домой! Простынешь!

Это, конечно, Люська. Надо идти. Если я не подчинюсь, она придет сама, начнет нудно поучать, что от ангины можно потерять голос, а грипп зачастую превращается в воспаление легких... Люська все знает и все предвидит. А мне ее уроки надоели! Ох, как надоели!

Я сижу на крыше старенького сарая, что стоит над обрывом в саду. Отсюда, сверху, виден беленький наш город и река, словно серая атласная лента, опоясывающая его.

Говорят, сумерки опускаются на землю. Это неправда. Они поднимаются с земли. Отсюда, сверху, это хорошо видно.

Я люблю забираться на крышу, предаваясь своим невеселым размышлениям, смотреть, как солнце проваливается за горизонт, как сгущаются сумерки.

— Варя!

Люськин голос словно удар плети. Я не откликаюсь. Ну надо же быть такой въедливой. И зачем я поселилась с ней: в десятый, сотый раз корю себя за доверчивость, хотя вообще-то выбора у меня не было.

Случилось так, что после окончания юридического института судьба забросила меня в небольшой провинциальный городок. Сюда меня привез отец. Очень уж ему хотелось посмотреть, где я буду работать. В семье я была пятым, и последним, ребенком и потому общей любимицей и гордостью. Отец мой, человек рабочей профессии, сам не имея и семилетнего образования, всем детям дал высшее: агроном, врач, учитель, инженер и в заключение дочь-юрист. Родителям было чем гордиться. Мать, бывало, смеялась:

— Варенька вас всех перегнала! — это обо мне. Ей, неграмотной женщине, слово «юрист» внушало особое уважение.

В институте у меня дела шли хорошо. В нашу семью с тройками не придешь. Отец нам внушал: «Не для звания учатся, для дела. Взялся, делай хорошо!»

На государство он смотрел как на свое хозяйство и личные дела решал в масштабах страны...

Поселили меня временно, пока не достроится ведомственный дом, с девушкой Люсей — помощником прокурора, окончившей наш институт три года тому назад, в маленьком деревянном домике, окруженном старым фруктовым садом. В домике было две комнаты и кухня. В большой комнате, зальце, жила хозяйка, а мы с Люсей занимали крохотную спаленку, где стояла большая железная кровать, позади которой примостился мой топчан. Отец посмотрел на мое жилье, тихонько вздохнул и бодро сказал:

— Для начала, я считаю, неплохо!

Он познакомился с прокурором города, в

подчинении которого я должна была работать. Они вдвоем о чем-то очень долго говорили, вероятно, отец просил беречь его любимую дочь, а может, и держать в ежовых рукавицах, кто знает! Но вышел он после этого разговора довольный, погладил меня по голове и сказал:

— Это очень хороший человек, слушайся его.

Для него я — следователь все еще оставалась девочкой, школьницей.

С хозяйкой нашей отец тоже о чем-то совещался и также остался доволен разговором. Уверившись, что оставляет меня в надежных руках, он стал собираться домой. Уезжая, он просил Люську присматривать за мной. Она поняла это буквально.

— Питаться будем вместе,— по-хозяйски заявила она, тут же определив сумму, которая понадобится нам на продукты.

— А на мороженое? — заикнулась было я.

— В зарплату решим,— отрезала Люська.

Так началась моя безрадостная жизнь под ее игом. На третий день, вечером, после работы, она приказала мне:

— Открывай чемодан!

— Зачем?

— Открывай!

Я повиновалась. Она тут же выбросила на пол его содержимое: платье, белье, письма и быстро все рассортировала.

— Платья повесить на вешалку в мой шкаф, — говорила она безапелляционно, — белье — в чемодан, письма и фотографии — на этажерку.

Возражать было бесполезно. Так произошло окончательное обобществление нашего хозяйства. Я чувствовала себя порабощенной. Бывают же такие молодые старушки! Все-то у них правильно, все-то они знают, ни в чем не сомневаются. И я возненавидела в Люське то, что она называла организованностью.

Хозяйку нашу звали тетя Поля. Маленькая, худенькая, седая, она бесшумно двигалась, бесшумно делала свои хозяйственные дела. Не вмешивалась в наши разговоры, не поучала, не ворчала из-за небрежно брошенного платья или невымытой тарелки. Словно тень, появлялась и исчезала молчаливая хрупкая старушка с выцветшими светлыми глазами и добрыми морщинками. В прошлом она жена командира. На фотографии, что висела над ее кроватью, она снята вместе с мужем — оба в гимнастерках, оба молодые, красивые. Муж недавно умер, а сыновья — тоже военные — разъехались. Оба зовут ее к себе, но тетя Поля не хочет:

— Бог с ними, с удобствами, свобода лучше. Да и вся жизнь связана с этим городом, тут я родилась, тут выросла...

— Варя, ты же простынешь!!

— О-о-о-о-о! — Я прыгаю с крыши сарая. Люська ахает. Конечно, она ожидала, что я спущусь по лесенке. Но у меня же первый разряд по гимнастике! Тяжело вздыхая, иду в дом, весь пропахший яблоками: в сенях на полу рассыпана их целая куча...

Обычно вечерами, когда Люська занималась своими делами, я уходила в спаленку, открывала окно в сад, садилась на подоконник, тихонько пела или плакала. Я тосковала о доме, о маме, о своем городе. Здесь же все было чужим: и Люська, и тетя Поля, и маленькая комнатка, где мне не принадлежал даже топчан, на котором я спала... Но главной причиной моих печалей было то, что у меня не ладилась работа. Все оказалось не так, как я предполагала. Работа следователя представлялась мне как ежедневный, ежечасный подвиг. Под мундиром на ремне у меня маленький пистолет, в кабинете с тяжелыми шторами несколько телефонов, магнитофон, фотоаппарат и секретарь, записывающий показания свидетелей. Я же на машине или мотоцикле мчусь за опасным преступником, рискуя жизнью, задерживаю его, и он, уличенный моими убийственными доводами, кается... Увы! Все было куда обыденнее и сложнее. В производстве у меня уже в первый месяц было около двух десятков дел. Свидетели вовремя не являлись, обвиняемые и не думали каяться, а сроки следствия — главный враг следователя — истекали со сказочной быстротой. Правда, на прокурора мне действительно повезло. Умный, знающий все на свете, он, проверяя мои дела, постоянно спрашивал, не нужна ли помощь. Но я, стыдясь своей неумелости, гордо заявляла:

— Справлюсь! — Хотя зачастую не знала даже, как приступить к делу, с чего начать; читала институтские конспекты, учебники, но, увы, это помогало мало.

Люська смеялась над моими тревогами:

— Ничего, привыкнешь. Подвиги только в кино. У нас посложнее — работа.

Что она, помощник прокурора, могла понять в гордой профессии следователя! Тетя Поля, слушая меня, вздыхала и задумывалась. Ей-то хорошо: в гражданскую войну было в чем проявить себя, а тут...

Мне было плохо. Казалось, что я здесь всем чужая, всеми забытая, никому не нужная. Хотя все было проще: я пасовала перед трудностями, боясь даже себе в этом признаться.

...Однажды утром, я отлично помню, это было в воскресенье, проснувшись, я подошла к раскрытому окну, выходившему в сад. Солнце еще не поднялось, снизу подсвечивая деревья, на листьях которых поблескивали капельки росы. Было тихо, лишь отчаянно и разноголосо щебетали птицы. И вдруг на подоконнике я увидела букет цветов, свежих, душистых, перевязанных сиреневой ленточкой.

— Цветы! — крикнула я.— Нам кто-то подарил цветы!

— Наверное, тетя Поля приготовила для продажи,— прервала мои восторги Люська.

— Нет,— возмутилась я,— это — подарок.

Мне так захотелось, чтобы в нашей жизни было хоть немножко романтики... И оказалась права! Тетя Поля вместе с нами радовалась таинственному букету. Но кому же предназначались эти цветы? Мне, Люське?

— Наверное, тебе...— неуверенно сказала я.

— Нет, почему же,— против обыкновения нерешительно ответила Люська.

— Может, это твой Василий Кириллович,— предположила я. У Люськи недавно появился поклонник.

— Нет, для этого он слишком серьезен.

— И стар,— добавила я.

— Ну уж...

— А вдруг это сосед-летчик, что приехал в отпуск из Арктики, он мог видеть нас в саду и плениться...

— Он же вчера уехал...

Мы счастливо смеялись. Кто-то необыкновенный был нежен с нами, и мы любили его все вместе и каждая в отдельности.

Как весело орудовали мы в то утро щетками, вениками, тряпками, и вскоре стены дома словно помолодели. Мы с Люськой вытащили из моего чемодана мамины салфетки, тетя Поля, молодо улыбаясь, принесла старинные шторы, и мы украсили ими окна и двери. Бедное наше жилище преобразилось.

А вечером я, сидя, как обычно, на подоконнике, уже не плакала, а мечтала...

Но самое удивительное было в том, что цветы появились и завтра и послезавтра. Каждый вечер мы засыпали с чувством счастливого ожидания, а проснувшись, спешили к окну. Небольшой букет свежих с капельками росы цветов, перевязанный сиреневой ленточкой, появлялся ежедневно на том же месте, и мы ликовали! Я танцевала с вазой в руках, Люська молчала и розовела, тетя Поля улыбалась. И мне уже не казался чужим этот город, а наш домик стал уютным и родным, Люська стала мягче, куда-то ушла ее категоричность. На работу я теперь шла бодро, с радостью, и, что самое удивительное, все мои неудачи отступили.

А между тем с Люськой начало происходить нечто странное...

Как-то утром, обнаружив на подоконнике очередной букет, она ощупала его тонкими пальцами, видимо, искала записку, потом прижалась к цветам лицом, вдыхая аромат свежести, и закрыла глаза. Когда я попыталась прикоснуться к букету, она сердито сказала:

— Осторожней!

— Подумаешь, будто они твои.

Люська выразительно посмотрела на меня, но ничего не ответила.

Однажды я задержалась на работе и, тихонечко открыв входную дверь, чтобы не разбудить тетю Полю, на цыпочках подошла к нашей комнате.

Люська стояла перед зеркалом в прозрачном розовом платье, тонкая и воздушная. Волосы, собранные в высокую прическу, серебрились, широко распахнутые глаза блестели. Она внимательно, с какой-то тайной грустью всматривалась в свое отражение. При моем появлении смутилась.

— Знаешь, Варюшка,— ласково обнимая меня, сообщила Люська,— Василь Кириллович сделал мне предложение.

— А ты?

— Еще не решила. Через две недели дам ответ...

Люська, мне кажется, не любит Василия Кирилловича, но замуж выйдет. Еще бы, он хозяйственный. А Люська рая в шалаше не признает.

...Утром, как обычно, на подоконнике лежал букет. У окна в ночной сорочке с распущенными волосами стояла Люська и напряженно смотрела вдаль.

— Видела Его? — спросила я.

— Нет,— тихо ответила она.— Проснулась, когда цветы уже лежали.

...Через две недели Василий Кириллович пришел узнать, что решила Люся. Встретили мы его торжественно. Усадили в зальце в единственное кресло, а сами чинно разместились на стульях. Василий Кириллович поговорил о погоде, о городских новостях. Мы молчали, и тут вдруг Люська, одетая в свое лучшее розовое платье, поднялась и не своим каким-то голосом произнесла:

— А сейчас, Василий Кириллович, мы решим, быть ли мне вашей женой.

Она ушла в нашу спаленку и через минуту вернулась с букетом в руках. Бережно поставила вазу на стол возле жениха и пристально посмотрела ему в глаза. А он, не обратив внимания на цветы, равнодушно отодвинул вазу — она мешала ему — и вопросительно взглянул на Люську. Румянец сбежал с нежного лица Люси, губы задрожали, она снова взглянула на жениха. Его лицо выражало недоумение. Люська в слезах выбежала из комнаты.

Василий Кириллович все с тем же печальным недоумением посмотрел на нас, пожал плечами и молча, не прощаясь, ушел.

Прошел месяц. Улетела наша Люська. К морю. В отпуск. Там ждал ее парень, которого она любит и которого из-за давней ссоры чуть не потеряла. Проводив ее, мы с Костей — он тоже юрист, недавно приехал в наш город — возвращались из аэропорта пешком. По сонным улицам гулко раздавались наши шаги. Костя бережно держал мою руку и, прикладывая ее к своей щеке, громко, на весь город, декламировал: «Я дарю тебе этот рассвет, всю земную радость дарю!» У калитки нашего дома мы остановились. На крылечке тетя Поля перевязывала сиреневой ленточкой букет — белые, синие, фиолетовые астры с капельками на лепестках. Она протянула цветы мне и с грустью сказала:

— Это последний. Больше вам мои цветы не нужны.

Владимир ПОЛУБОЯРИНОВ

ОШИБКА КОНТРАГ

Продавцы только что ушли обедать. Магазин был тих, пуст и потому выглядел непривычно. Я повертел в руках небольшую изящную настольную лампу. Ее пластмассовый корпус бороздили глубокие царапины, словно кто-то провел наждаком. Брак? Но почему тогда лампа на прилавке?

— Брак! — убежденно подтвердила моя спутница, заведующая отделом промышленных товаров Пензенского областного управления торговли И. Петченко и, в свою очередь, повернулась к директору магазина.— Что же вы, Владимир Викторович? Это не покупателям предлагать — поставщикам возвращать надо. И штрафовать!

— Штрафовать...— эхом отозвался безо всякого энтузиазма директор.

Осторожно, полубрак!

Из «Положения о поставках товаров народного потребления» Минторга РСФСР: «Пункт 66. Если товар забракован как несоответствующий по качеству стандартам, техническим условиям, образцам, магазин (получатель) обязан отказаться от принятия и оплаты товаров и взыскать с изготовителя (контрагента) штраф в размере 20 процентов стоимости забракованных товаров...»

Штрафные санкции — грозное оружие в руках торговли, призванной с их помощью защищать интересы покупателей, наказывать производственников за брак. И это оружие отнюдь не пылится без дела. Только в прошлом году торговые объединения, базы и магазины республики оштрафовали своих поставщиков в общей сложности на 200 миллионов рублей. На фоне этой более чем солидной цифры историю с попавшей на прилавок бракованной лампой вполне можно было бы счесть досадной случайностью, если бы не печальный покупательский опыт, предостерегающий от скороспелых решений.

По данным Госторгинспекции РСФСР: «В магазине «Детский мир» г. Махачкалы работниками инспекции проверено 700 сорочек, находящихся в продаже. 400 из них признаны бракованными. В магазине «Российский трикотаж» г. Астрахани проверено 120 свитеров и костюмов, 33 из них признаны бракованными. В магазине № 41 г. Липецка проверено 60 хлопчатобумажных курток. Все они признаны бракованными, изъяты из продажи...»

Что это, тоже случайности? Между тем таких примеров можно привести много. Кому из нас, покупателей, не приходилось попадать в неприятные ситуации, когда едва принесенная из магазина вещь оказывалась негодной? Можно ли все подобные случаи объяснить простой невнимательностью бракеров? Вряд ли... Те же куртки в липецком магазине госторгинспекция забраковала по той простой причине, что «молнии» у них были на семнадцать сантиметров короче, чем нужно. Не заметить такое невозможно. Однако куртки попали в продажу, а поставщик оштрафован не был. Почему? Резонный вопрос... Как, впрочем, и другой — если штрафные санкции позволяют торговле защищать интересы покупателей, отчего же брака на прилавках не становится меньше? Такой парадокс требует серьезного объяснения.

— Требует,— согласилась со мной директор Центрального пензенского универмага А. Г. Храмова, с которой я поделился своими сомнениями, и, помолчав, осторожно спросила: — Скажите, а вы правда уверены, что мы так уж заинтересованы в штрафах?

Штрафной в свои ворота

Из финансового плана Министерства торговли РСФСР: «Сумма превышения штрафов... вносится в государственный бюджет».

Выражаясь не административным, а общедоступным языком, магазин или торговое объединение, оштрафовав за брак своего поставщика не получают из суммы штрафа ни копейки. Все деньги полностью уходят в госбюджет. И на первый взгляд нет в этом ничего странного. Магазин — последнее ОТК на пути товара к покупателю. Не допускать брак на прилавок и без доплат прямая обязанность торговых работников. Но только на первый взгляд...

Уже сама по себе процедура применения штрафных санкций требует немалых усилий. Достаточно сказать, что, бывает, с того момента, когда штраф наложен на поставщика, до того, когда он получен, проходят годы. В дело включаются госарбитраж и заинтересованные министерства, десятки бумаг отправляются в путь, обрастая резолюциями и указаниями. Впрочем, эти трудности торговые работники, чувствуя за своей спиной безмолвные покупательские массы, еще худо-бедно преодолевают. Но ведь они отнюдь не единственные...

После того, как брак выявлен и зафиксирован официально, товар отправляют назад изготовителю. Часть уходит по обратному адресу в контейнерах, часть — в обычных почтовых посылках. Контейнеры надо заказать и загрузить. Посылки обшить, как того требуют правила, плотной тканью. На все это уходят силы, рабочее время, а значит, и деньги. И отнюдь не малые, если учесть, что, к примеру, одних посылок тот же пензенский универмаг отправляет около четырех тысяч в год. Можно ли определить затраты точнее? Мы попробовали, и оказалось, что, по самым скромным подсчетам, не учитывая многих статей убытков, штрафы обходятся пензенскому универмагу ежегодно примерно в семь тысяч рублей. Для сравнения скажем: самый крупный штраф, который универмаг наложил на поставщика в прошлом году,— тысяча двести рублей.

Странное складывается положение... На одной чаше торговых весов оказывается уважение к покупателю, на другой — материальные убытки. Что важнее, что весомее? Нет смысла искать ответа на этот вопрос — уже сам по себе он свидетельствует об организационном, логическом вывихе. Уважение к покупателю, контроль за качеством товаров не должны приносить убытка торговле. Между тем на практике так и получается.

Штрафуя своих поставщиков, магазины штрафуют одновременно и самих себя, по сути дела, оказываясь перед выбором: либо защищать покупательские — наши с вами — интересы и нести убытки, либо не защищать, но зато их не нести. И магазины идут на компромисс. Конечно, откровенно бракованная вещь редко попадает на прилавок, в частности, и по той причине, что продать ее практически невозможно. Зато полубрак, брак скрытый — тот самый, который можно не заметить или, заметив, не придать значения, подстерегает покупателя.

И попадает он на прилавок не по злому умыслу бракеров и товароведов. Просто нынешнее положение дел неизбежно снижает их требовательность. Перед продажей определяется, собственно, не степень качества товара, а степень возможности сбыть его. Что и говорить, в подобной ситуации общее мнение многих торговых работников — от продавцов до сотрудников министерств,— сводящееся к тому, что магазин должен получать проценты с каждого штрафа (на возмещение убытка, премии бракерам), представляется вполне разумным. Понятие «ответственность перед покупателем» столь серьезно, что вряд ли оправданно лишать его прочной материальной основы.

Однако невыгодностью штрафов проблема не ограничивается...

А как же иначе?

Акт экспертизы № 23/19 от 12 мая: «Настоящий акт составлен экспертом бюро товарных экспертиз. Экспертиза произведена по заявке пензенского универмага. Предмет экспертизы — туфли женские. Получено 8000 пар, предъявлено к экспертизе 293 пары. Туфли имеют дефекты производственного характера. Качество обуви не отвечает требованиям ГОСТа».

Такой документ составляется каждый раз, когда магазин бракует полученный товар. Дальше, как уже было сказано, брак возвращают изготовителю. А потом?

— Штрафуете? — спросил я, просмотрев толстую пачку актов у директора пензенской оптовой базы «Росторгодежды» Н. И. Галкиной.

— Штрафуем,— кивнула Надежда Ивановна.— А толку?! Покупателям не штрафы — товары нужны.

По правилам, провинившийся поставщик должен и штраф уплатить и товар взамен бракованного прислать. На практике же поставщики штраф платят, но товар не присылают. Это стало сложившейся системой.

— Впрочем, даже если бы получали,— говорит начальник Пензенского областного управления торговли А. М. Варламов,— оснований для огорчения было бы более чем достаточно.

Никто, насколько нам известно, не подсчитывал, во сколько обходится государству обратная перевозка брака. Но если подсчитать, наверняка получится цифра с семью, а то и с восемью нолями. А ведь большая часть этой огромной суммы практически выбрасывается на ветер.

— Конечно, есть бракованные товары, которые непременно нужно возвращать поставщику. Больше с ними и делать нечего. Кому

нужны, к примеру, испорченные часы? Но ведь есть брак и другой,— считает И. Г. Петченко.— Вот, скажем, поцарапанная настольная лампа из магазина электротоваров. Не сними ее с прилавка, непременно кто-нибудь купил бы, несмотря на царапины. Так зачем же ее возить, если можно продать. Только не так, как это делается сейчас. А честно, дешевле, чем качественную, уценив за счет поставщика.

Покупателям при такой системе — прямая выгода. Им не предлагают полубрак, руководствуясь печально известным принципом «не обманешь, не продашь». Поставщикам в общем-то без разницы: хоть уценка за их счет, зато не нужно оплачивать перевозку. Государству же — огромная экономия. От себя добавим, подобная методика торговли давно и успешно существует, к примеру, в Чехословакии, где вполне можно купить по дешевой цене красивый бокал с еле заметным пузырьком воздуха в толще стекла или более чем приличные ботинки с чуть перекошенным швом...

Торговля обязана представлять интересы своих покупателей перед лицом производства. Мысль эта отнюдь не нова. Однако для того, чтобы такое представительство стало реальностью, интересы покупателей и торговли должны совпадать. И не только в плане облегчения работы с бракованными товарами, не только в плане поощрения за выявленный брак. Но и в плане наказания за невыявленный.

Завод — контрагент торговой базы. Перед ней он несет материальную ответственность за качество своей продукции. База — контрагент магазина. И ее ответственность за качество присылаемых товаров тоже вполне материальна. Однако здесь цепочка взаимной ответственности прерывается, хотя прерываться она, по всей видимости, не должна. Магазин тоже контрагент. Он контрагент покупателя. И давайте зададимся вопросом: почему, если производство материально отвечает перед торговлей за **выпущенный** брак, торговля, в свою очередь, не несет ответственности за брак **проданный?** Разве для покупателя приобретение негодного товара не оборачивается моральными и материальными издержками? Еще как оборачивается... Так почему же тогда не предоставить покупателю права штрафа,

ЕНТА

сделав его контролером действий магазина в той же мере, в какой магазин — контролер производства? Продал бракованную вещь, заставил человека волноваться, возвращаться, обменивать покупку? Так возмести его убытки, а точнее — **оплати** их. Не обязательно звонкой монетой. К примеру, льготой за счет магазина при следующей покупке. Впрочем, здесь мы уже вторгаемся в область специальных знаний. Провести эксперименты, разработать конкретные организационные формы такой системы — дело специалистов.

«Товарищи мастера! Очень плохо вы работаете. Нам надоело зашивать посылки с вашим браком. Очень просим вас, делайте получше». Такие письма кладовщик пензенского универмага Валентина Михайловна Грехнева последнее время подкладывает почти в каждую посылку с браком, прежде чем отправить ее изготовителю. Хотя и сама прекрасно понимает, что вряд ли это одно поможет...

Пенза — Москва.

ОСТАНОВИТЕСЬ!

Предприятие, где трудимся мы, очень молодое, ему нет еще и пяти лет. И все мы, работающие на заводе тяжелых экскаваторов ПО «Крастяжмаш», тоже очень молодые. Средний возраст составляет 25—30 лет.

О прошедшей войне мы знаем не только из книг и кинофильмов. Почти в каждой семье у нас еще не стерлась горечь утраты родных и близких. Советский народ никогда не забудет нашествия фашистской чумы на нашу Родину. Разве для того наши юные отцы закрывали грудью амбразуры, чтобы нам снова угрожали войной?

Почти все мы имеем маленьких детей. Как и все матери мира, мы беззаветно их любим. Наш завод растет сам, но помогает расти и нашим малышам. Только за последние полтора года для наших малышей построено три прекрасных детских сада на 640 мест. Счастливое детство наших детей помогает нам трудиться еще лучше на благо любимой Родины.

Страшно подумать, что где-то рядом льется кровь невинных людей Никарагуа, тысячи ливанских детей осиротели в результате израильской агрессии. Расистский режим ЮАР несет смерть мирным людям Намибии, Анголы.

Мы, женщины ПО «Крастяжмаш» г. Красноярска, присоединяемся ко всем женщинам нашей страны и женщинам всего мира со словами протеста, адресованными администрации Рейгана: «Остановитесь! Одумайтесь! Мы не хотим войны! Нам нужен мир на всей земле! Нашей планете, нашим детям нужно голубое небо!»

Мы всецело поддерживаем и одобряем мирные инициативы Советского правительства, нашей родной партии и обещаем все свои силы, свой труд отдать делу укрепления мира на Земле. А если империалисты развяжут войну, будем верны клятве наших предков: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет».

Мы, женщины, решили: вносить ежемесячно в течение всего года один процент от своей зарплаты в Советский фонд мира.

С пламенным приветом женщины ПО «Крастяжмаш»

г. Красноярск.

В КОМИТЕТЕ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН

ДО ВСТРЕЧИ В НАЙРОБИ!

Недавно у нас в стране по приглашению Комитета советских женщин (КСЖ) гостила объединенная делегация женских организаций Кении во главе с национальным президентом организации «За прогресс женщин» Т. Шитака. Несколько дней провели они в Молдавии, знакомились с жизнью и бытом советских людей. В Москве, на заключительной встрече в КСЖ, Тереза и другие члены делегации поделились своими впечатлениями от поездки, рассказали о том, как кенийские женщины готовятся к крупному международному мероприятию: летом будущего года в столице Кении Найроби состоится Всемирная конференция, посвященная завершению Десятилетия женщины ООН.

...Их трое — Тереза Шитака, Дороти Килонзо, представляющие организацию «За прогресс женщин», и Люсин Нганга — член руководства Национального совета женщин Кении. Самая массовая женская организация «За прогресс женщин» существует с 1952 года. В те годы женщины Кении объединились для того, чтобы вместе с другими прогрессивными силами страны бороться за независимость.

Долгие годы колониального господства Великобритании ушли в прошлое — в 1963 году Кения обрела независимость. Но иностранное владычество тяжело сказалось на положении женщин. Ведь еще недавно лишь немногим из них было доступно даже начальное образование. Помочь добиться улучшения экономического и социального положения женщины — вот главное, на что направлена деятельность организации.

— Наша первейшая забота — о семье, детях, о профессиональной подготовке женщин,— рассказывает Тереза Шитака.— У девушек большая тяга к профессии швеи. Нам очень помог Комитет советских женщин: подарил швейные машинки. И сейчас повсюду действуют курсы по обучению молодежи швейному делу. В женских группах — их более 5 тысяч — женщин учат правилам санитарии, гигиены, помогают советами, как лучше организовать питание малышей, экономно расходовать топливо. В сельской местности ни электрических плит, ни газа нет, топят дровами. А хранительницей очага издавна является женщина. Поэтому мы выдвинули лозунг «Срубила дерево — посади пять».

Нашей стране крайне нужны специалисты — врачи, педагоги, инженеры. Комитет советских женщин и тут оказывает нам неоценимую поддержку, ежегодно предоставляя кенийским девушкам стипендии в учебных заведениях вашей страны. Сердечно благодарим за это советских подруг.

— Всемирная конференция ООН,— продолжает Шитака,— впервые состоится на африканском континенте, что является для нас огромным событием. Подготовка к ней идет полным ходом. Создан специальный комитет, который возглавляет Памела Мбои — постоянный представитель Кении в Комитете ООН по народонаселению. Действуют и подкомитеты — их возглавляют члены парламента, представители правительственных учреждений.

Еще до открытия конференции ООН в здании Найробийского университета начнет работу «Форум НПО-85» — конференция неправительственных организаций. Для ее подготовки создан планирующий комитет и 11 подкомитетов, в задачу которых входит сбор материалов и статистических данных о положении кенийских женщин, подготовка основных документов конференции, а также организационные и финансовые вопросы. Планирующий комитет собирается регулярно раз в две недели. Оба комитета тесно сотрудничают.

Опыт проведения больших международных форумов, пусть не очень богатый, у нас есть: в 1977 году в Найроби проходила конференция Всемирной ассоциации сельских женщин. Надеемся, что и для этой новой встречи будут созданы все условия, чтобы прошла она успешно, дала плодотворные результаты.

Н. ФЕДОРОВА

К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Лидия ОБУХОВА

ОДНОЙ

Если есть чудо в русской литературе, то это Лермонтов.

Вот уже второй век не перестаем скорбеть о гибели Пушкина: и прожил-то всего меньше тридцати восьми лет, а сколько бы еще написал! Точит виноватость какая-то: не уберегли поэта! Ну не мы, так наши предки не уберегли; гений дается нам на вечные времена. И спрос со всех.

А Лермонтова убили, когда ему не сравнялось двадцати семи... Пушкин — вечная печаль. Лермонтов — незаживающая, открытая рана.

Он был на пятнадцать лет младше Пушкина; может быть, поэтому со школьной парты мы, не очень вдумываясь, повторяем: ученик, продолжатель. Но это верно лишь в самом общем смысле. О Блоке, Маяковском, Цветаевой, Твардовском тоже можно сказать, что они ученики и продолжатели Пушкина. Хотя бы потому, что писали позже.

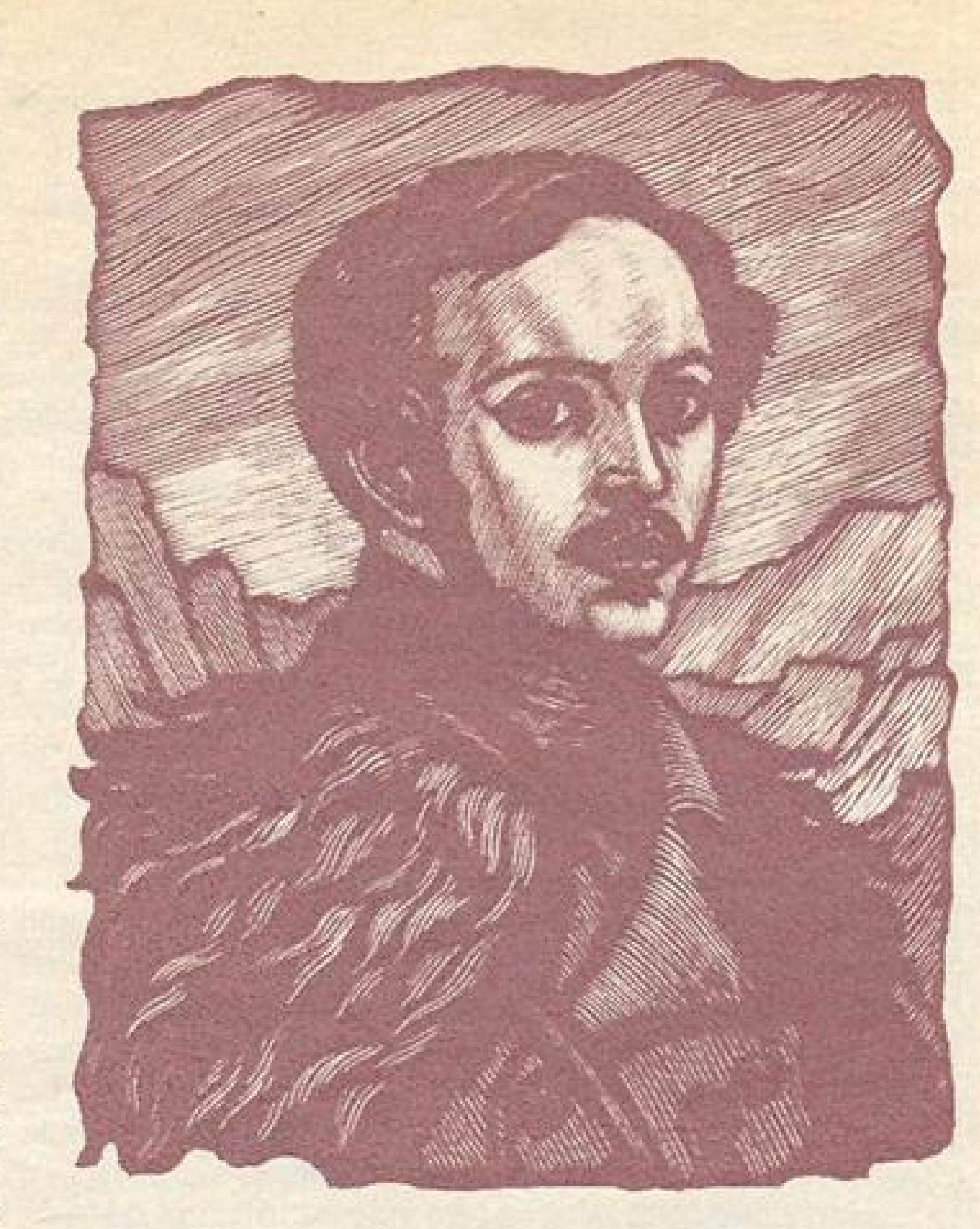
Лермонтов был слишком сильной индивидуальностью, чтобы идти за кем-то след в след, даже за Пушкиным. А в устремленности своего творчества он иногда даже прямо противоположен тому. В Пушкине пленяет гармония мироощущения: сквозь слезы у него всегда светится улыбка. Лермонтов не знает и не ищет примирения. Он весь во власти жажды свободы. Словно Прометей, он раздувает свой внутренний огонь, чтобы выгорела душа без остатка, а каждый ее атом стал поэзией. Он открыл в русской словесности множество новых возможностей; его стих так мелодичен, что иногда теряется грань между словом и музыкой. Его описания природы сродни живописи.

Лермонтов словно бы стоит на водоразделе, откуда возникли многие литературные потоки.

Известно, что Лев Толстой считал зерном «Войны и мира» лермонтовское «Бородино», а Чехов боготворил его «Тамань». Тонкий стилист, мастер русского пейзажа Иван Бунин за несколько дней до смерти сказал о Лермонтове: «Представить себе нельзя, до какой высоты этот человек поднялся бы, если бы не погиб двадцати семи лет».

С отроческих лет меня томила потребность хоть немного проникнуть в тайну лермонтовской судьбы. Первые стихи, выученные шести лет от роду, были лермонтовские: «В полдневный жар, в долине Дагестана...». Я ведь родилась среди Кавказских гор, младенческие впечатления тоже связаны с этими долинами. В школьные годы писала стихи и поэмы, обращенные к Лермонтову. Возмущала сама мысль о разъединяющем нас столетии. Страстно сожалела, что не жила в его время.

С годами Лермонтов то приближался, то удалялся, подобно своенравной комете. Но преклонение, но любовь к нему оставались неизменными. Я написала роман «Избранник» — еще одна попытка приобщиться к Лермонтову. Роману предшествовала долгая, многолетняя работа: не только изучение биографических материалов и книг маститых лермонтоведов, но и подготовка собственной души.

Особое, ни с чем не сравнимое впечатление оставили во мне те места, которые связаны с жизнью великого поэта.

Тарханы. Святая земля. Окончится наше существование, появятся новые люди, их сменят следующие поколения. Но обитель лермонтовского детства будет все так же манить таинственностью и очарованием.

Здесь, на северо-западе Пензенской области, в прекрасном уголке России, где, кроме царственно-полноводной Суры, журчат скромные речушки вроде Милорайки, среди мягких зеленых холмов, цветущих лугов, поспевающих нив, кудрявых березовых рощиц, расположилось старинное село Тарханы, куда младенца Лермонтова привезли из Москвы полугодовалым. Первые птицы, пение которых он услыхал, первые цветы, к которым потянулся,— все было здесь.

Мамушка Лукерья качала его на руках, подносила к распахнутому окошку: «Глянь, Мишенька, на ясный месяц: конь скакал, подкову потерял».

Отсюда навсегда уехал его отец, Юрий Петрович, оскорбленный бабушкой Лермонтова: та не отдавала внука, пригрозив иначе лишить его наследства. Отец, отставной капитан пехотного Кексгольмского полка, деливший кров вместе с целым выводком сестер-бесприданниц, не имел средств воспитать сына. Он вынужден был согласиться и после смерти жены навсегда покинул Тарханы.

Ребенок не понял всей горечи этой разлуки. Может быть, лишь среди ночи проснулся, громко вскрикнул, стал звать отца: «Папенька! Где мой папенька?» Лукерья подхватила его на руки, забормотала успокоительно, забубнила что-то, косясь испуганно на барыню, которая тоже прибежала встревоженная, в ночном чепце. И не смела нянька сказать то единственное, что могло бы утешить ребенка: что отец его отлучился ненадолго, вернется поутру и все станет в доме по-хорошему...

В Тарханах подросший Миша Лермонтов впервые стал задумываться, почему крестьяне и дворовые люди старались спрятать глаза в низком поясном поклоне и стояли перед ним с выражением приниженного смирения, почему они, ничем, кроме бедности, не отличаясь от его собственного семейства, его рабы, а он их господин? Многие совестливые дворянские мальчики безотчетно томились в детстве тем же жгучим недоумением. Но с годами принимали незаслуженные блага уже с охотой и без раскаяния, позабыв о прошлом смятении. Миша Лермонтов не забывал. Таким уж он уродился.

В пятнадцать лет он написал:

Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

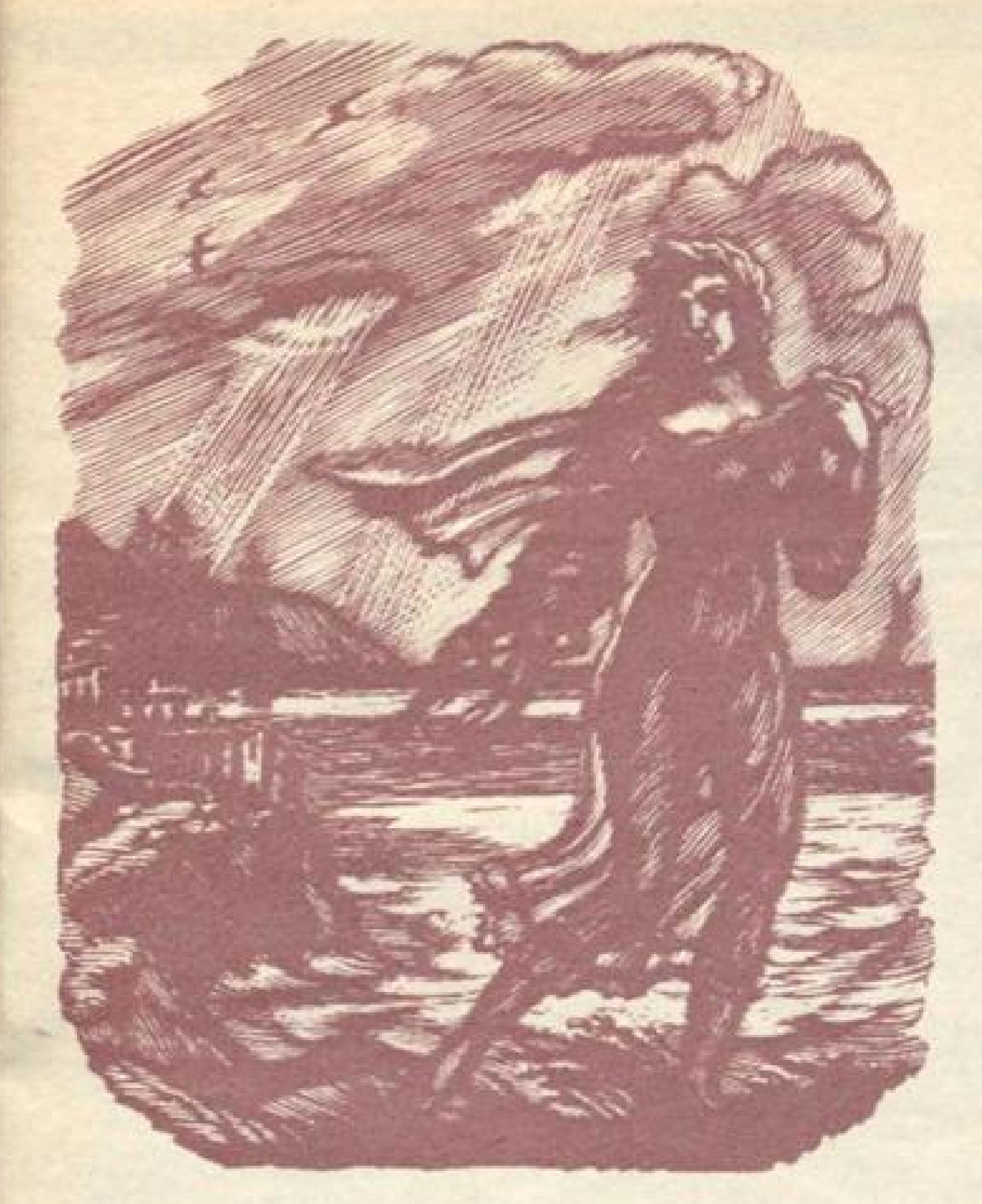
Рассказы о Бородинской битве, о пугачевском восстании он тоже слышал впервые в Тарханах. В неоконченном романе о горбатом бунтаре Вадиме есть такие слова: «Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь их могла смыть эти постыдные летописи».

Сюда, в Тарханы, привезен был и гроб поэта. Он покоится ныне в окружении родных могил — бабушки, матери, отца. В склеп маленькой часовни надо спуститься по узкой, крутой лестнице, задевая о сырые каменные стены. За узорной оградкой стоит свинцовый гроб, освещенный желтыми язычками шести свечей — они колеблются от дыхания. Не стыжусь признаться, что я стояла там в слезах, благоговейно прикасаясь к холодному металлу. Со смертью Лермонтова нельзя примириться, сколько бы лет ни минуло.

Когда из далекого Пятигорска привезли этот запаянный трагический гроб, бабушка Елизавета Алексеевна подошла к нему вплотную, незряче ощупала пальцами (она почти ослепла к тому времени). Сказала тихо, словно про себя: «Так это и есть Миша?» А ранее, только получив страшную весть о его гибели, закричала в спальне перед иконой Спаса: «Я ли не молилась тебе?! Что же ты не уберег мне Мишеньку?!» Она пережила его почти на пять лет и, по воспоминаниям родных, больше никогда не произнесла вслух имени внука. Икона Спаса до сих пор висит в тархановском доме...

Когда мысленно оглядываешь короткую жизнь Лермонтова, удивительным кажется то, каким разнообразием впечатлений он успел ее наполнить! Как многое смог разглядеть, осмыслить в тогдашней российской действительности. Он хорошо знал крепостную деревню и уездные дворянские усадьбы; учился в Московском университете с Герценом, почти одновременно с Белинским, а затем провел «два страшных года» в юнкерской школе с ее жестокой муштрой и дикими забавами. Из рассказов близкого друга Святослава Раевского он знал о скудном быте городского чиновничества. Как офицер, служил в кавалерийских полках, участвовал в боях на Кавказе, знавал там многих сосланных декабристов, нежно любил поэта-декабриста Александра Одоевского; шел рядом с солдатами в атаку, командовал отрядом лихих разведчиков; как его Печорин, томился скукой захолустных гарнизонов. Он был вхож в самые блестящие петербургские гостиные, танцевал на балах со светскими львицами — и узнал им цену! («Когда касаются холодных рук моих с небрежной смелостью красавиц городских давно бестрепетные руки...») Через всю жизнь он пронес лишь чувство к «подруге юных дней» Варваре Лопухиной...

Единственная прижизненная книжечка стихов и роман «Герой нашего времени» уже тогда снискали Лермонтову громкую славу. Все литературные салоны были открыты перед ним. В Москве он был приглашен на именины к Гоголю; тот попросил Михаила Юрьевича почитать стихи, слушал из «Мцыри» сцену битвы с барсом. На следующий день они снова встрети-

Лишъ думы власть

лись в доме общих знакомых и проговорили до двух часов ночи. Почему засиделись так поздно? О чем толковали?

В северной столице самым близким стал Лермонтову дом Карамзиных. Знаменитого историка уже не было в живых, но в красной гостиной, которая помнила Пушкина, по-прежнему собирались писатели, друзья молодых Карамзиных.

В доме Карамзиных перед последним роковым отъездом в кавказскую ссылку Лермонтов один-единственный раз заговорил с вдовой Пушкина. С Натальей Николаевной они просидели в уголке, уединившись ото всех за тихой, доверительной беседой больше часа. Никто в тот вечер так и не узнал, о чем они говорили...

Лермонтов чувствовал, что голова его «уже помечена»: повсюду за ним следило око жандармского надзора. Он снискал личную ненависть Николая I. В последних стихах то и дело сквозят прощальные интонации. Но никакого примирения!

В Лермонтове сказалась сила всего поколения. То, что перерастает отдельного человека и становится как бы мускулом эпохи. Чувство протеста копилось у многих. Но Лермонтов стал прорвавшимся вулканом. Недаром его стихи и проза вызывали столь жадный интерес у современников. Это не может не навести на мысль: они явились в то самое время, когда их ждали, когда в них возникла нужда.

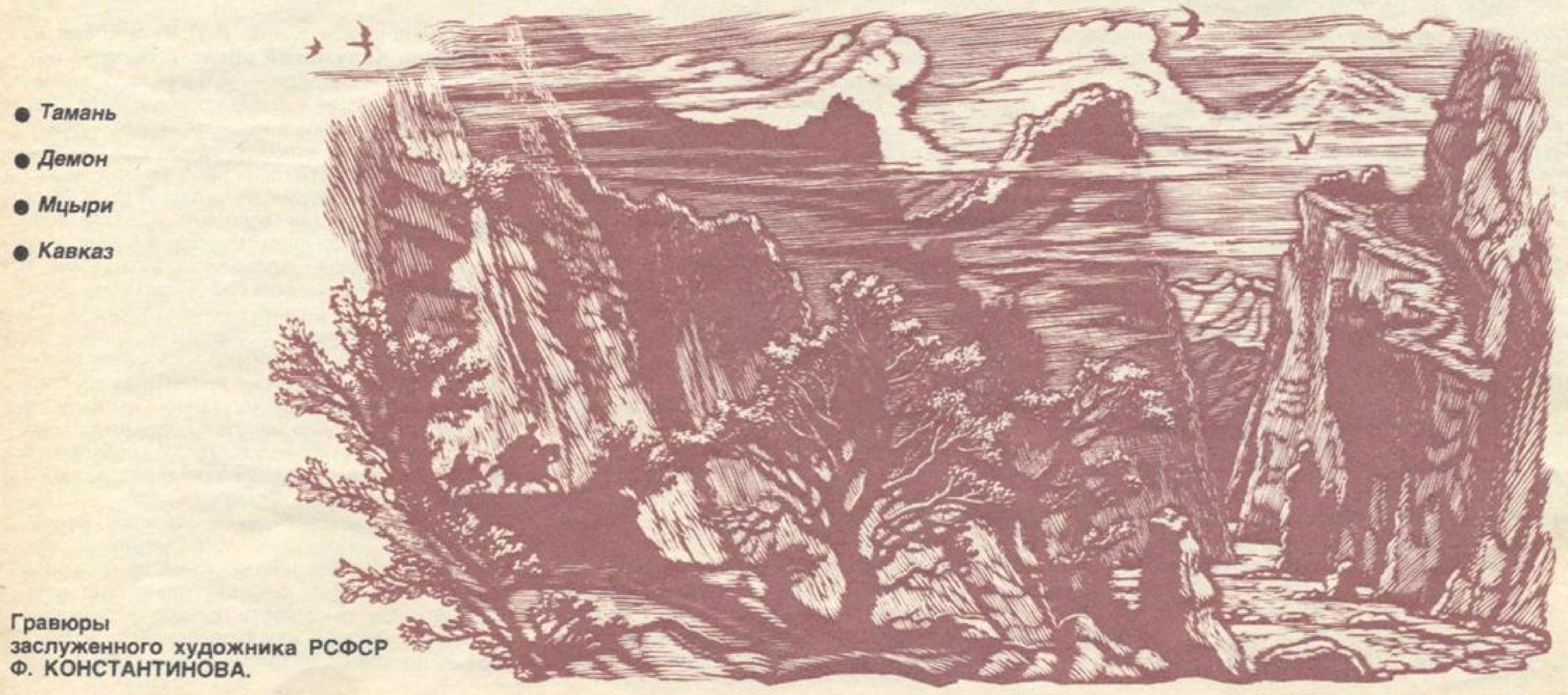
Пленный гений? Ну уж нет. Пленной была земная судьба Лермонтова, но его дух, его творческий гений остались незамаянными. Ни разу он не отступился и не обольстился ничем. Хотя был по-человечески, пожалуй, даже более уязвим, чем Пушкин: одинок, некрасив, резок в общении, лишен пушкинского обаяния, открытости.

Пушкин жил на волне, пусть даже на спаде ее. А Лермонтов уже под волной. Приоткрой губы — одна соленая вода. А он дышал! Вбирал свой глоток воздуха там, где душа, более приспособленная к свежему току, давно бы задохнулась. Отчаяние стало его твердостью, его шагом ввысь, а не книзу.

Гений всегда приходит вовремя и говорит то, что ему предназначено сказать миру. Во весь голос.

Имена Лермонтова и Пушкина равновелики в нашем сознании. Мы рождаемся с ними. Отечество кладет в нашу колыбель их стихи, как драгоценный подарок.

И пока они оба сияют над нами, мы не бедны, не одиноки. Мы наследники великого народа, продолжатели великой культуры.

● *Тамань*

● *Демон*

● *Мцыри*

● *Кавказ*

Гравюры заслуженного художника РСФСР Ф. КОНСТАНТИНОВА.

Есть в нашей жизни понятия, которые дороги и святы всегда. Но в годы испытаний, в годы потрясений и потерь они становятся символом жизни, самой жизнью.
Хлеб сороковых... За ним мужество и доброта, голод и бесконечный труд, боль и радость.
Об этом расскажут ваши письма.

ХЛЕБ ВОЙНЫ

■ «То теплое воскресное утро начиналось у всех по-разному,— пишет **пенсионерка Надежда Матвеевна Лежнева из села Архиповка Белореченского района Краснодарского края.** — Наша бригада в тот день ремонтировала комбайны, тракторы. Скоро уборка. Элеватор ждет зерно. Хлеб выдался на славу. Радовались мы, видя, как наливаются колосья, подсчитывали, какой урожай получим, как доходы распределим в колхозе. Мы еще не знали, что совсем другая цена будет у того урожая. Война... Ушли из села мужчины. «Мы вернемся с победой,— говорили вместо прощания,— но вы поле сберегите, хлеб!» Просили жен, матерей, невест. И, ночью выплакав тоску, утром выходили женщины в поле. Села за руль трактора Анна Ленская, комбайнером стала Любовь Вергунова, управлять молотилкой взялась Василиса Кулыгина. От зари до зари, до седьмого пота и мозолей в кровь. А жатва — ох, как медленно продвигалась эта жатва! Не те силы, не та сноровка. К старикам идем за помощью. Подучили деды, стали косить хлеб и вручную. Так появилась женская бригада косарей. И вот провожаем обозы на элеватор. Все тут — и слезы и гордость. Ведь идет хлеб на фронт, для мужей, для братьев, для сыновей. Потом мы узнаем: в сорок первом наш Краснодарский край дал стране хлеба больше, чем в сороковом. Первая наша победа в первый год войны!...»

Николай Иванович Пеньков из г. Свободный Амурской области прислал в редакцию рассказ, услышанный им от попутчицы в поезде. Как часто бывает, разговорились два незнакомых человека и ни фамилии, ни адреса не успели спросить друг у друга. «Но я очень хочу,— пишет Николай Иванович,— чтобы напечатали вы рассказ этой женщины. В нем лишь небольшая часть того, что пришлось пережить всем нам в ту тяжелую пору». Вот этот рассказ.

«Помню, урожай у нас в деревне под Курском удался дюже хороший. Что пшеница, что жито — стоят колосок к колоску. А немец близко. Как бросить? Ведь столько вложено людского труда. И решили все же убрать зерно и спрятать в землю.

Однажды вышли в поле почти все, кто мог работать. Жнем жито серпами да поглядываем на проходящие поезда с беженцами. Ребятишек с собой взяли, рядом играют. И вот слышим гул какой-то. Сразу не поняли, что такое, а потом видим: выкатывается из-за посадки поезд, а за ним гонится целая свора самолетов. Паровоз гудит, вроде как у нас помощи просит, а они его сверху — трах, трах. Разбили паровоз, а потом давай из пулеметов по вагонам стрелять. Застыли мы от ужаса. Глядим, два самолета отделились от кучи — и к нам. Очередь из пулемета перед самым носом прошла по жнивью. Схватила сынишку Витю — и в деревню.

Не помню, как бежала, опомнилась уже около крайней хаты. Кругом люди бегут, поезд горит, а самолеты все кружатся да стреляют. Подбегает соседка, Татьяна Шляхова, у нее грудной ребенок — в подоле несла его с поля, вся в крови — даже не почувствовала, как ее пулей ранило. Некоторые бабы так и остались лежать в поле.

Когда самолеты улетели, пошли мы вместе с беженцами хоронить убитых. Они своих с поезда, мы — деревенских».

Когда началась война, **Е. П. Куликовой из г. Медынь Калужской области** было 13 лет. Детство? Но впереди — четыре года войны. «Для того, чтобы вы представили себе, как жили мы, подростки, в военное время,— пишет она,— я расскажу всего об одном дне работы.

Только-только светлеет небо. Проснулась от голоса, который будил нас каждое утро. Дядя Федор ласково так говорил: «Детки, пора вставать!» Я просыпалась сразу, а может, и не проснувшись еще, одевалась. Спали мы в деревянных вагончиках на нарах. На нижних — девочки, а на верхних — мальчишки. Полусонная, спрыгиваю с подножки вагончика. Босые ноги сразу же утопают в холодной пыли. Сегодня за волами мне не идти. Они пасутся у речки, а роса там еще холоднее, чем пыль. У меня есть несколько минуток подремать, пока погонщики пригонят волов. Только добегаю до места, где остановились вчера, и падаю уже с закрытыми глазами. Сплю.

Заря разгорается сильнее. Не знаю, сколько времени прошло с того момента, как «провалилась». Вскакиваю, кажется, проспала все на свете. Нет, ребята только подошли. Работаем. Сколько часов прошло? Три, четыре, пять? Наконец наша повариха тетя Нина бьет железкой по металлической чушке. Завт-

рак. Бежим на кухню. На завтрак — картофельный суп, заправленный свиным салом, крошечный кусочек хлеба и стакан молока. Быстро съедаем. Так хочется хлеба. Поесть бы вволю одного только хлеба. Но уборочная только началась. Весь хлеб на фронт.

Снова работа. Утром было прохладно. Сейчас невыносимая жара. Пот застилает глаза. От усталости дрожат руки. И когда силы совсем покидают — спасительный сигнал на обед. Бежать не можем. Устали. На обед то же самое. Пообедали, а так хочется есть... Полусонные разбредаемся кто куда. Только бы была тень. Засыпаем мгновенно. И, кажется, через минуту слышим: «Детки, пора на работу». Это дядя Федя. Работаем дотемна. Ужинаем при свете. Картошка «в мундире». Едим, а сами уже предвкушаем удовольствие от того, что сейчас ляжем спать.

Вдруг послышался топот лошади. Мы знаем, что в это время на полевой стан приезжает наш бригадир Мефодий Иванович Воробьев. Вот и сейчас он присел к столу, ждет, когда мы закончим ужин. Спрашивает, как здоровье, настроение, что за день сделали, сообщает последнюю сводку с фронта. Помолчал, голову опустил. Ждем. И он говорит: из села приехали женщины скирдовать солому, но вот беда — некому сопровождать брички с соломой. Надо 6 человек. Все молчат. Даже представить трудно, что вот сейчас, после такого дня, еще всю ночь работать. Молчание затягивается. И тогда я поднимаю руку.

От копны к копне мы водим своих волов. Ночь лунная. Пока женщины набрасывают солому, мы успеваем подремать. Возим, возим... И вдруг мне стало так хорошо: как будто пеку я блины и кормлю своего младшего брата. Сама так есть хочу, но кормлю его. Наконец он наелся. Испекла я еще блин и только хотела откусить кусочек, слышу: «Да вот они где!» Оказывается, потеряли нас с подружкой. Она ехала с соломой, а я за соломой. Обе задремали. Волы наши тоже устали. Брички как-то зацепились колесами, волы остановились, и мы крепко уснули... Хватились нас не сразу, а потом взрослые, испугавшись, кинулись искать. Нас, сонных, переложили на другую бричку и привезли на полевой стан.

Было это в селе Холмогоровке Гвардейского района (Кугалинского раньше) Талды-Курганской области. У меня немало наград, но самая дорогая эта — «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

«Осенью 1943 года,— вспоминает **Клавдия Степановна Карабельская из г. Жданова Донецкой области,**— у нас в селе Курьи Свердловской области был неурожай картофеля. А ведь это, как тогда говорили, «второй хлеб». Мне дали комсомольское поручение — провести заготовку овощей из личных хозяйств.

На улице Батенева жила семья Морщининых. Поздним вечером я зашла к ним. В избе холодно, пусто. Двое маленьких детей сидели на холодной печи. Хозяйка только пришла с колхозной работы, раздеться не успела. Я спросила, сколько она может дать государству картошки и других овощей. Она посмотрела на меня и заголосила на всю избу: «Что ж я могу дать, что? Картошки накопала всего двадцать ведер. Коровы нет, дети малые целый день одни! А муж мой, сын где? Что с ними? Как ушли на фронт, так и весточки от них не получала». Подошла к ней, обняла, говорю: «А на фронте-то как? Ведь еще хуже. Кровь, смерть каждый день». Словно опомнилась она, вытерла слезы, выпрямилась: «Ладно, пиши, с меня десять ведер, а мы уж как-нибудь...»

По улице Ворошилова жила семья Камаевых. Хозяйку звали Лизой. Муж ее ушел на фронт в первые дни войны, оставив на руках жены шестерых малолетних детей. Лиза работала в колхозе, коровы не было. Не стала я заходить к Камаевым, не смогла. А вечером Лиза пришла сама. «Ты что, Клавдия, ко мне-то не заглянула с подпиской? Других пишешь, а меня обходишь?» Я ей говорю: «Жаль тебя, тетя Лиза, как-нибудь объясню своему секретарю твое положение, поймет!» А Лиза на меня с криком: «Какая ты жалостливая! Все так живут! Всем тяжело! А мужикам нашим на фронте каково? Мы спим хоть спокойно, у нас хоть крапива есть, а там все сожжено. Пиши — мои пять ведер...»

Больше сорока лет прошло с той поры. Постарели эти женщины, вынесшие все страдания военных лет, вырастили детей. А я все вижу их молодыми...»

■ Сберечь хлеб, сберечь поле... Но там, в оккупации, где враг совсем рядом, в твоем доме, в твоем селе, у хлеба тоже была своя война...

«Война мне снится ночами. Снится всю жизнь. Я не хочу помнить, я бы хотела забыть. И не могу». **Валентина Федоровна Гамазина родилась в Донецкой области, там же, в г. Горняк, живет и сегодня.**

«Отец ушел на фронт. Погиб в сорок третьем. Нас у мамы трое детей. Мы всегда сидели под замком с закрытыми окнами. Соседка ночью открывала дверь и ставила на стол еду. Мама была связана с партизанами и пряталась от немцев. А они приходили каждый день, они стучали в дверь, и мы, как котята, прижавшись друг к другу, сидели в темноте. И плакать было нельзя. Только так, зажав рот. Но однажды они сорвали замок и вошли в дом. Огромный фашист стоял перед нами с автоматом и целился в нас. Мы кричали, он хохотал. Потом что-то крикнул другой немец. Они ушли.

Недалеко была станция Роя. Там стояли эшелоны с пшеницей для отправки в Германию. С нашей пшеницей. Но подпольщики не могли допустить, чтобы выросший на нашей земле хлеб достался врагу. Только спустя годы я смогла понять, чего стоило им это решение. Подпольщики, и с ними была моя мама, подожгли хлеб. У мамы на глазах немцы схватили ее подругу. Бросили в горящий хлеб...

Маме удалось бежать. С той поры у нее начались сердечные приступы. Летом сорок четвертого она умерла».

■ Письма, письма. И почти в каждом — строки о хлебе, и в каждом о том, главном, что освящало его в суровой, нещадной войне,— о доброте человеческой, о сострадании.

«Из того военного времени,— пишет **Галина Александровна Сенченко из г. Троицка Челябинской области,**— помню морозные уральские ночи, деревья в белом инее, мне 12 лет, и я иду к магазину занимать очередь за хлебом. Мелом писали номера на спине или рукаве, утром пересчитывали, потом стояли за пайком в большой молчаливой очереди.

Но вот страшный день. Я потеряла хлебные карточки за полмесяца. Мы просто окаменели в своей беде. Мама не могла даже плакать. Она сидела неподвижно, глядя в одну точку. Ей нечем будет накормить троих детей... А через день карточки нам принесла одна девочка. Она нашла их и принесла (карточки были подписаны). Девочку послала ее мать, у которой еще шестеро детей. Это было тяжелое время, но и оно не сумело лишить людей честности и благородства».

Ленинград, блокада. Особая цена у хлеба. И у милосердия цена особая.

«Где-то сестра раздобыла буржуйку. Разбили пианино, мебель — топим. Чайник кипит с водой из Невы. На мелкие кусочки, ох, какие они маленькие, режем наши граммы хлеба,— это вспоминает **ленинградка Е. А. Болучевская.**— Сестра привела гостя. В длинной шинели ремесленника, в огромных валенках. Снял шапку, и — такие глаза! Стоят молча — этот мальчик и моя сестра. Мы еще мельче режем хлеб. Позже, много позже я узнала, что произошло в тот день. Сестра получала хлеб на нас двоих — 250 граммов. Не успела протянуть к весам руку, как откуда-то появившийся парнишка схватил хлеб и бросился бежать. Его догнали. Еще минута, и голодные люди могли... Но сестра подняла его, стряхнула снег с лица, собрала в ладонь крошки, примерзшие у рта. Люди молча наблюдали. Было больно и стыдно. Ругая войну, стали расходиться.

Несколько дней отогревался у нас мальчик. Как и многие соседи, которым помогала, за которыми ухаживала моя сестра. Но настал день, когда и она не смогла подняться. Я помню, у нее такие виноватые были глаза. Она пыталась встать, падала, плакала и твердила: «Я должна встать...» И я не могла ей помочь, уже долгие дни недвижима от дистрофии. Не в силах даже пошевелить губами, я следила за этой старушкой в пятнадцать лет. И потеряла сознание... Очнулась от тепла в комнате, от чьего-то шепота. Сестра напоила меня кипятком, улыбнулась и ушла с горячим чайником туда, где ее ждали».

«Чем дальше отступает от нас во времени Великая Отечественная, чем дальше в прошлое уходят события тех грозных лет, тем все отчетливее высвечивает память эпизоды фронтовых будней. Для меня они навсегда связаны со священной ценностью хлеба,— пишет **участник Великой Отечественной войны Николай Михайлович Мишин.**

Ленинград. Мне 17. На фронт пока не берут. Блокада. Всю жизнь я буду помнить, как появлялись на улицах города раненые, в бинтах, бойцы, как оделяли нас, блокадников, кусочками хлеба, солдатскими сухарями. Был тогда у фронтовиков, защищавших Ленинград, неписаный закон: каждый солдат, матрос и командир, кому приходилось по каким-либо делам попадать с передовой в осажденный город, делился с ленинградцами хлебом, сухарями, всем, что было съестного. А ведь они и сами недоедали. Цену этого поймет лишь тот, кто знает, какой он — голод.

И вот уже сам я в армии. В освобожденных от врага Черкассах я с солдатами своего пулеметного взвода получал на продовольственном пункте сухой паек. Нас окружили исхудавшие, оборванные ребятишки. Они ничего не говорили, ничего не просили, молча и жадно глядели на хлеб. Паек мы отдали им. До сих пор стоят в памяти эти детские глаза, а тогда я не выдержал, отвернулся. Не солдатское дело — слезы. Сержант Иван Левошко объяснил бойцам: «Наш лейтенант пережил блокаду...»

Чехословакия, город Либерец. Солдаты с автоматами на груди, со скатками через плечо, на пыльных лицах струйки пота. Идут по освобожденному городу. А за колоннами советских воинов бегут дети. И протянуты руки, и слово «хлеб» звучит на чешском, немецком, русском. Молча мы открываем вещевые мешки, достаем хлеб, концентраты, сухари, консервы, все, что есть».

...Сегодня, спустя сорок лет, мы заходим в булочную, выбираем батон и буханку — потеплее, помягче. Но помним, не имеем права забыть, что был и тот, другой — тяжелый и жесткий хлеб, хлеб, опаленный войной.

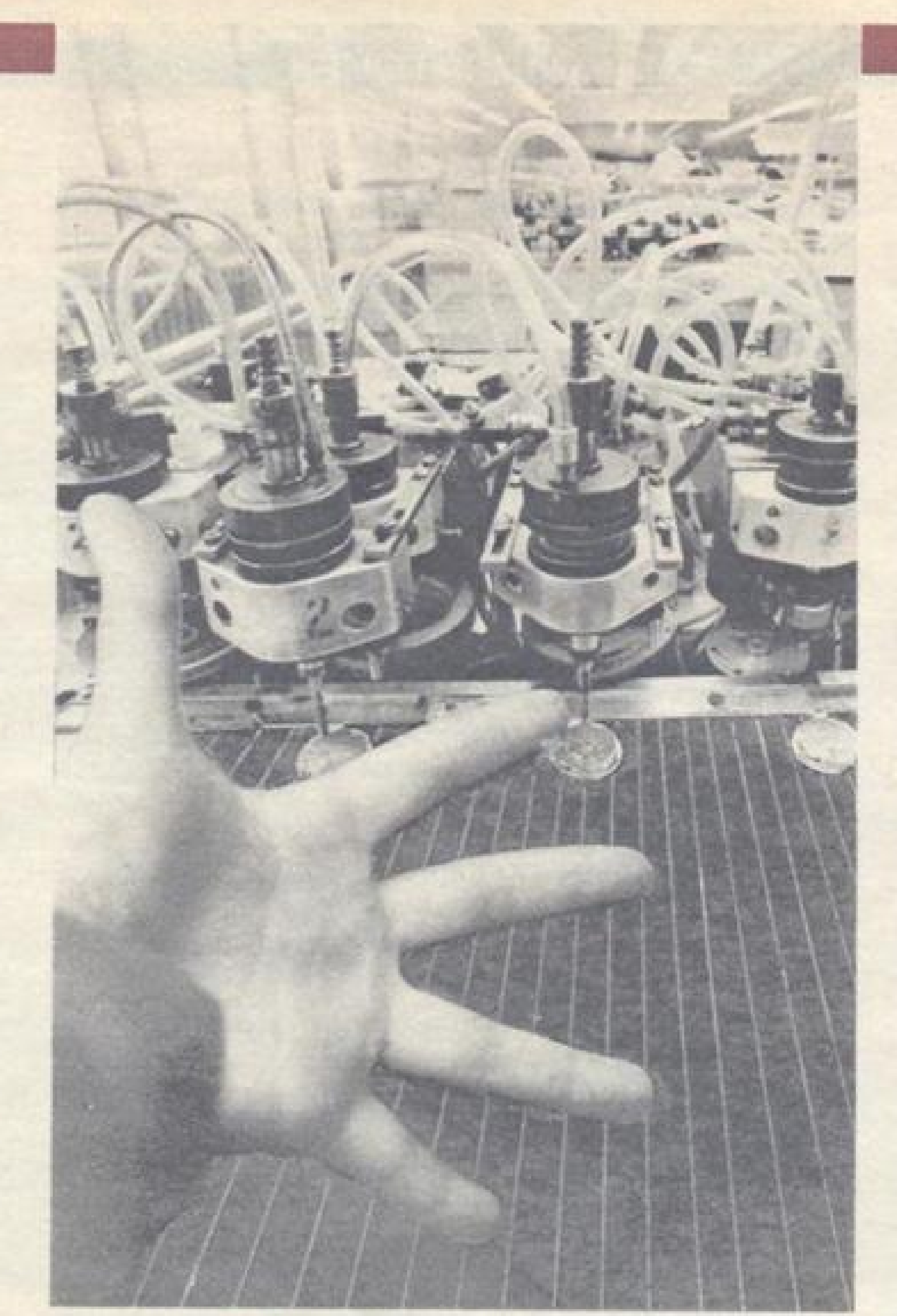
Выпуск «Синего платочка» подготовила И. БОРИСОВА.

В народном хозяйстве нет, пожалуй, другой задачи, имеющей столь важное экономическое и социальное значение, как сокращение ручного труда. Около 45 миллионов человек занято им в цехах, на стройках, станциях, на полях и фермах страны.

Кому же лучше поручить такой труд? Конечно же, роботам-манипуляторам, различным автоматическим устройствам. Уже сегодня на многих предприятиях страны они успешно заменяют людей, причем на самых монотонных, что называется, нетворческих работах. В стране разработана и последовательно осуществляется обширная комплексная программа создания и внедрения робототехники. В программе предусматривается в текущей пятилетке создать и освоить около пятидесяти образцов новых промышленных роботов. Сейчас в «парке» автоматических манипуляторов их около 7 тысяч, а к концу пятилетки счет будет идти уже на десятки тысяч.

Интересный опыт внедрения робототехники накоплен на оренбургском объединении «Радиатор». Нередко бывает так: хозяйственники на словах ратуют за автоматизацию производства, а когда речь заходит о внедрении роботов, находят «объективные» причины затормозить этот процесс. Пример оренбуржцев показывает: когда есть желание облегчить труд людям, многое можно сделать. На месте, самим.

Д. ЛЕВЧУК, заместитель председателя Всесоюзного совета НТО

ДАЙ РУКУ, РОБОТ!

Когда три года назад в прессовом цехе головного предприятия производственного объединения «Радиатор» появились первые роботы, все, конечно, собрались посмотреть, как будут орудовать стальные преемники. И любопытство было в глазах прессовщиц и удивление. Механические руки работали четко, легко.

— Ему хорошо,— вздохнул кто-то из прессовщиц,— по больничному сидеть не будет...

— И домой ему не спешить,— добавила другая.

— И ни о чем, кроме работы, голове его железной не болеть,— заключила третья, точно определив одно из главных достоинств стального «коллеги».

Да, пока они трудятся рядом: робот и работница.

Елена Ивановна Жарикова щипцами привычно берет заготовку, подставляет под штамп. Удар! Деталь — опорная пластина радиатора — готова. Жарикова сбрасывает ее в контейнер, направляется за новой заготовкой. И все повторяется. Сколько раз за смену? Сколько за годы трудовой жизни, проведенные рядом с этой лязгающей махиной — прессом? Движения женщины так отработаны, что кажется, можно закрыть глаза...

А по соседству ту же несложную операцию выполняют роботы. Сегодня они заменили у прессов уже 15 работниц — это первый роботизированный участок по штамповке деталей радиаторов для тракторов и комбайнов. К концу 12-й пятилетки последняя прессовщица цеха «передаст дела» в механические руки манипулятора.

Во-первых, роботы, хоть и первого поколения,— простейшие представители своего племени, но с делом справляются куда лучше опытных прессовщиц. Роботы неутомимы: штампуют практически без брака. Кстати, и на покраске деталей они неплохо себя зарекомендовали.

Во-вторых, и это, пожалуй, главное, стальные дублеры в корне изменили характер труда работниц. Многие из тех, кто стоял раньше у пресса, стоят сегодня у пульта управления. Не стало той нудной монотонности, но есть сложность, есть разнообразие действий, простор для мыслей. Скажем, если бы два года назад Тойндк Кушкеновой предложили работать у пресса, вряд ли бы она согласилась. Но девушке предложили командовать роботами — и она взялась. До прихода в это царство автоматики Тойндк была воспитательницей в детском саду, и все ее познания в технике исчерпывались тем, что она могла завести ключиком механическую игрушку «Робот». Тойндк окончила специальные трехмесячные курсы операторов, прежде чем ей доверили группу манипуляторов. Девушка стала хозяйкой сложнейшего оборудования.

Но для того, чтобы эта желанная встреча работницы и робота состоялась, потребовался не один год напряженного труда инженеров, конструкторов, организаторов производства, рабочих. С помощью ученых на «Радиаторе» была разработана перспективная программа по сокращению ручного труда — программа долговременная, четко спланированная, а главное — действующая.

Появлению роботов предшествовало внедрение автоматических линий сборки сердцевин радиаторов, созданных специалистами объединения под руководством главного конструктора по автоматизации и робототехнике Д. И. Чарного. Сотня работниц освобождена от трудоемкой операции. До конца одиннадцатой пятилетки ручной труд на сборке сердцевин будет ликвидирован окончательно. И уже несколько сотен женщин найдут лучшее применение своим способностям. Вполне заслуженно образец такой линии демонстрировался на научно-технической выставке в Москве.

Накопленный опыт позволил перейти к созданию и внедрению автоматов более высокого класса — промышленных манипуляторов. Они могут переналаживаться на выпуск различных деталей в зависимости от потребностей изменяющегося производства.

На «Радиаторе» специально создан экспериментальный участок, он освобожден от текущих производственных заданий — работает на будущее. Здесь ищут, пробуют, проверяют правильность своих идей. Есть на «Радиаторе» и лаборатория роботов, где их готовят к труду: монтируют, отлаживают. Первенцами этой лаборатории и были роботизированные комплексы «Циклон», те самые, что заменили прессовщиц. Причем путь от идеи создания комплексов до их внедрения был пройден всего за год.

Такую завидную скорость обеспечило тесное содружество с учеными, работниками Оренбургского участка треста «Южуралэлектромонтаж», которые монтировали сложное оборудование, помогали специалистам «Радиатора» доводить и запускать автоматы.

И все шло без сучка, без задоринки? Нет. Специалисты с различных предприятий, бывая в объединении, удивляются: вы внедряете роботы? В этом старом здании? В тесноте? В условиях действующего производства?

— На протяжении последних трех пятилеток по вине Минтяжстроя СССР постоянно срывается план реконструкции наших предприятий,— рассказывает генеральный директор объединения Л. А. Фольц. — Нам не хватает сорока тысяч квадратных метров производственных площадей. Уникальную технику мы вынуждены запихивать в свои старые стены. Конечно, и в них сделано немало, но практика доказала, что эффект дает не единичное внедрение манипуляторов, а комплексная автоматизация производства. В этом суть обновления, и в этом трудность. За годы осуществления программы технического прогресса наше объединение увеличило выпуск продукции на 20 миллионов рублей. Количество рабочих сократилось на 150 человек. Ликвидированы многие ручные операции — уровень механизации у нас достиг 82,1 процента. Но ведь есть предел: и площадям и инженерной хитрости.

Планы у «Радиатора» большие. Скажем, задача автоматизации самых сложных технологических операций требует наряду с простейшими внедрять и автоматы второго поколения. Объединение заключило пять договоров с ведущими научными организациями страны. Ученые Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана, центрального научно-исследовательского и опытно-конструкторского института робототехники и технической кибернетики при Ленинградском политехническом институте имени М. И. Калинина часто бывают в цехах «Радиатора», следят за своими железными подопечными.

Проблему подготовки специалистов по робототехнике в объединении тоже решают оперативно и с умом. Не ждут специалистов откуда-то со стороны. При головном предприятии «Радиатора» открыт филиал кафедры технологии машиностроения Оренбургского политехнического института, третий год тут идут занятия. Среди студентов 60 процентов — девушки. В лаборатории роботов они ведут исследования. Затем в цехе обслуживают сначала прессы, потом командуют роботами.

Мы встретили двух студенток. Д. И. Чарный спрашивает:

— Ну, как практика?

— А вот посмотрите,— девушки показывают исцарапанные руки,— работаем прессовщицами.

— Ничего, скоро перейдете операторами к роботам.

Да, не только по лекциям, но и на практике узнают они, что такое ручная штамповка, а что такое роботы. Тогда и поймут, как нужны современному производству стальные дублеры человеческих рук, их будущая работа.

Ф. ПОДОЛЬСКИХ

г. Оренбург.

Скромное шерстяное платье удобно для работы.

Выкройка и описание этой модели помещены на 5-й странице «Домашнего калейдоскопа».

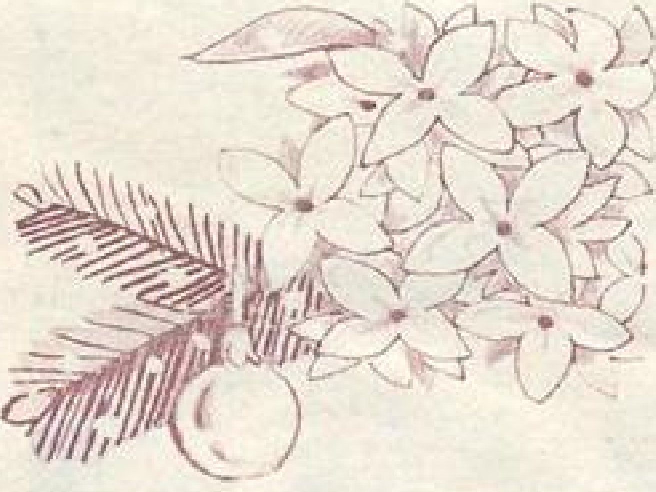
•МОДЕЛЬ НОМЕРА•

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

Рисунки и оформление
В. РОЗАНЦЕВА

БУКЕТ К НОВОМУ ГОДУ

Конечно, до Нового года еще далеко, но если вы хотите иметь на столе рядом с новогодней елкой свежий букет сирени, подумать об этом самое время.

Для выгонки сирени зимой можно использовать отдельные ветки, с хорошо развитыми цветочными почками, которые срезают в конце октября — начале ноября. Ветки на 5 недель помещают в холодильник, где поддерживают температуру от минус 3 до минус 5 градусов. (Если ветки срезаны в декабре или позже, промораживать их не нужно.) Примерно в середине декабря ветки вынимают из холодильника и на 8—12 часов помещают в ванну с водой комнатной температуры. Затем ветки достают, концы их раздробляют и ставят сирень в специальный раствор, погружая на глубину около 20 см. Раствор готовят заранее, за 5—6 часов. На литр воды кладут 0,8 г калиево-алюминиевых квасцов, 0,3 г хлористого калия, 0,2 г хлористого натрия (поваренная соль), 3 г сахара. Раствор меняют ежедневно и ежедневно обновляют место срезки. Желательно, чтобы температура воздуха была в пределах 18—20 градусов тепла. Нужна также очень высокая влажность, поэтому цветочные почки надо почаще опрыскивать водой. Через 15—20 дней сирень зацветет. Чтобы цветы подольше сохранились свежими, их помещают в вазу с очень слабым раствором лимонной кислоты, можно добавить в воду несколько капель уксусной эссенции.

(Продолжение на 8-й стр. ДК)

Консультант
врач-косметолог
Л. ГОРДИНА

Сядем перед зеркалом

Продолжаем публиковать гимнастику для лица. На сей раз это упражнения, которые благоприятно действуют на область рта, губы, подбородок.

1. Смажьте кремом верхнюю губу. Слегка вытяните губы, постарайтесь поплотнее прижать к зубам уголки рта. Считая до 12, медленно стягивайте губы к центру. Освоив это движение, продолжайте упражнение: 3 раза сдвиньте сжатые губы влево, 3 раза — вправо. Расслабьтесь. Проведите ладонями по лицу ото рта вверх — это хорошо снимает напряжение.

2. Раскройте рот, не растягивая и не сжимая губы, произнесите длинное «а». Считая мысленно до 10, попробуйте сомкнуть губы, не двигая челюстями. Если вам не удастся совсем закрыть рот, значит, упражнение сделано правильно. Сохраните положение, считая до 10. Расслабьтесь. Вначале делайте упражнение один раз, затем — три раза.

3. Плотно сомкнув челюсти, медленно считайте до 10, максимально растягивая нижнюю губу. Расслабьтесь. Освоив это движение, начните растягивать одновременно и верхнюю губу.

4. Попробуйте посвистеть, плотно прижимая к зубам уголки рта. Затем сильно надуйте щеки и, не открывая рта, перемещайте воздух от левой щеки над верхней губой к правой щеке и под нижней губой обратно к левой щеке. После этого голову слегка откиньте назад и выдуйте воздух, словно стараясь сдуть пушинку. Повторите несколько раз.

5. Поставьте руки локтями на стол. Плотно сожмите челюсти. Пальцами рук, слегка передвигая их вверх по челюсти, нажимайте эти напрягши-

МАМИНЫ «ПОЧЕМУ?»

Рубрику ведет кандидат медицинских наук С. ПОЛЧАНОВА

КАК ДОЛЬШЕ СОХРАНИТЬ ГРУДНОЕ МОЛОКО? Прежде всего постараться быть спокойнее, меньше нервничать, забыть о неприятностях и не огорчаться по пустякам. Хорошо известно: после стрессовых ситуаций молоко может пропасть. Умение властвовать собой, спокойная обстановка в семье — главная гарантия его сохранения. Второе условие: не переутомляться. Убывает молоко, когда мама чрезмерно трудится, бесконечно что-то моет, трет, чистит и еще (если она студентка) занимается по ночам. Учебные экзамены она, конечно, сдаст, но экзамен на материнство для нее сейчас важнее, и если она выдерживает его плохо, малыш в проигрыше. Разумнее было бы взять академический отпуск, хотя бы на время кормления грудью.

Молока бывает достаточно у тех мам, которые умеют организовать свой быт: выкроить время для прогулки, вздремнуть днем. Конечно, это легче сделать, если помогают другие члены семьи.

А как же с питанием? Важно не количество пищи, а качество и состав ее. Постарайтесь, чтобы в меню кормящей женщины каждый день были мясо или рыба, примерно полтора-два стакана молока, стакан кефира, творог, сыр, яйцо, масло — сливочное и растительное, самые разные овощи, фрукты, ягоды или соки из них. Вст только картофелем не увлекайтесь, чтобы не полнеть (не больше 200 г в день). Чем разнообразнее пища, тем больше вероятность, что малыш получит все необходимые ему минеральные соли (а их более 50), микроэлементы и витамины. Пить много жидкости не нужно, молока это, увы, не прибавит. Важнее, чтобы мать сама поела не менее 5 раз в день и не наспех, не всухомятку. За 10—15 минут до кормления желательно выпить стакан молока, чая с молоком или отвара шиповника.

Обычно через два месяца после родов вес матери возвращается к норме. Если полнеете, исключите из меню сдобное, сладкое; переедание, помимо всего прочего, уменьшает количество грудного молока.

Важно также кормить ребенка по часам, прикладывая каждый раз только к одной груди, и затем обязательно сцеживать все оставшееся молоко, до единой капли. Чем лучше опорожнена грудь, тем лучше она и наполняется.

На время грудного вскармливания мать и ребенок связаны одной «веревочкой»: все, что она ест и пьет, получает и малыш. Поэтому откажитесь от крепкого чая, кофе, пива, даже слабого вина: они переходят в молоко, ребенок становится беспокойным, раздражительным, плохо спит. Отрицательно влияет на здоровье ребенка и курение матери, а также некоторые лекарства, особенно снотворные, болеутоляющие, гормональные, антибиотики, сульфамиды. Если заболеете, обязательно предупредите лечащего врача, что кормите ребенка грудью.

Пока кормите, откажитесь от острого, копченого, а также от зеленого лука, чеснока — малышу это не по вкусу, да и не нужно.

КАК ПОСТУПИТЬ, КОГДА МОЛОКО УБЫВАЕТ? Сначала убедитесь, так ли это на самом деле или вам только кажется. При действительной нехватке молока ребенок очень беспокоен или, наоборот, «затихает», мало плачет, мало пачкает пеленок. Порой достаточно матери побольше отдыхать днем, высыпаться, меньше нервничать — и молоко вновь в достатке. Если все-таки при неоднократном контрольном взвешивании малыша до и после кормления выясняется, что он высасывает меньше, чем нужно, попробуйте кормить чаще — 8—9 раз и в каждое кормление давать обе груди, обязательно сцеживая остатки молока. Сцеженное молоко храните только в стеклянной посуде в холодильнике и не более суток.

Иногда помогают увеличить лактацию грецкие орехи, арбуз, пивные дрожжи: одна пачка (100 г) на 2 литра воды, принимать 2—3 раза в день по 3/4 стакана; листья крапивы: 4—6 столовых ложек сухих листьев крапивы заварить в 1 литре воды и настой пить по столовой ложке 3 раза в день; никотиновая кислота: по 0,5 грамма 2—3 раза в день за 10—15 минут до кормления. Есть и другие средства, назначаемые врачом (микродозы йода, витамин Е и т. д.). Иногда помогают облучения

еся мышцы, сложив рот дудочкой. Продолжайте массировать щеки по направлению ко рту. Заканчивая упражнение, нажимайте пальцами на мышцы, считая до 15. Расслабьтесь. Ладонями мягко похлопайте лицо и шею.

Первое, третье и четвертое из этих упражнений можно делать в воде, что особенно хорошо тем, у кого сухая кожа. Налейте в миску дождевой воды или старой чайной заварки, погрузите в воду лицо и в таком положении делайте упражнения.

М. БЕРЕЗИНА

кварцем и солнечные ванны — тоже с разрешения врача.

Имейте в виду: резкое уменьшение количества молока может быть первым сигналом новой беременности.

КАК ПРЕКРАТИТЬ ОБРАЗОВАНИЕ ГРУДНОГО МОЛОКА? Ограничить питье. Туго забинтовать грудь или постоянно носить тесный лифчик. Не сцеживать. Принимать слабительные. Обычно спустя 3—4 дня молоко пропадает. Если этого окажется недостаточно, можно в течение 3—5 дней с разрешения врача использовать мочегонные.

ДО КАКОГО ВОЗРАСТА КОРМИТЬ РЕБЕНКА ГРУДЬЮ? До 10—11 месяцев. Кроме экстремальных ситуаций: ребенок болен, стоят жаркие летние дни, семья собирается в дорогу. В этих случаях вскармливание прекращать нельзя. Даже малые капли материнского молока — незаменимое лекарство для малыша.

КАК ОТЛУЧАТЬ ОТ ГРУДИ? Постепенно. Сначала заменить утреннее кормление стаканом цельного молока или кефира с печеньем, сухариком, через одну-две недели заменить и вечернее.

ЦЕЛЕСООБРАЗНО ЛИ КОРМИТЬ ГРУДЬЮ БОЛЬШЕ ГОДА? Ребенок в год и старше нуждается в большем количестве белка и различных минеральных солях, витаминах, микроэлементах, потребность в которых материнское молоко удовлетворить не может. Кроме того, для тренировки жевательных мышц нужна плотная твердая пища. Если ребенка больше года кормят грудью, он отстает в развитии.

КОГДА МОЖНО ДАВАТЬ РЕБЕНКУ МАГАЗИННЫЕ СОКИ (без грифа «для детского питания»)? Не спешите! Соки для маленьких детей изготавливаются из высококачественных сортов фруктов, овощей, ягод, специальными машинами достигается максимальное измельчение (гомогенизация) продуктов, что облегчает их усвоение и переваривание, соблюдаются самые строгие санитарно-гигиенические условия. Имеющиеся в продаже обычные соки и пюре можно давать малышу не ранее 2,5—3 лет, когда у него больше будет выделяться пищеварительных соков и ферментов, необходимых для переваривания, а желудок и кишечник менее чувствительны.

ПОПРОБУЕМ СШИТЬ СУМКУ

Материал: 0,80 — 0,90 м сурового полотна или плащевки, 5,5 м репсовой ленты шириной 2,5 см, 5,5 м более узкого репсового канта (для окантовки можно использовать кожзаменитель), 2 металлических кольца диаметром 3 см и 2 металлические пряжки.

На чертеже даны детали сумки в масштабе 1:10.

По выкройкам, данным на чертеже, выкройте детали сумки, прибавляя на швы 1 см. Только детали 3, 4 и 8 вырезаются в край, без припуска. Дальнейшие операции показаны на рисунках.

Рис. 1. Настрочите репсовую ленту на верхнюю часть детали № 1.

Рис. 2. Обработайте накладной карман: на деталь № 2 наложите репсовый кант, а сверху, лицевой стороной вниз — деталь № 3. Прострочите, деталь № 3 отогните так, чтобы она была на изнаночной стороне кармана.

Рис. 3. Отрежьте 2 репсовые ленты для нижней части передней детали сумки, прибавив 2 см для крепления пряжки. Прикрепив пряжки, пришейте ленты по обе стороны кармана, одновременно прикрепляя и карман.

Рис. 4. Приложите и пристрочите кант по краю передней детали сумки — лицевой стороной к лицевой стороне переда. Прострочите и отверните деталь № 4 наизнанку.

Рис. 5. Отрежьте две репсовые ленты: длина их должна соответствовать длине задней части сумки (деталь № 5) плюс 20 см для застежки. Пришейте их от низа до надсечек, показанных на чертеже. После этого проложите кант по краю всей детали № 5. Подкладку клапана (деталь № 6) пристрочите и выверните.

Рис. 6. Концы лент на задней детали сумки (№ 5), которые будут продеваться в пряжку, сложите вдвое, чтобы их длина в готовом виде равнялась 10 см, прострочите. После этого прикрепите ленты к клапану сумки.

Рис. 7. К детали № 7, которая одновременно служит боковинками и дном сумки, пристрочите репсовую ленту, предварительно надев кольца на концы ленты (для этого прибавьте к длине ленты по 2 см с каждой стороны).

Рис. 8. С обеих сторон детали № 7 проложите канты, а поверх них прикрепите детали № 8, которые сделают край более плотным. Пристрочив детали № 8, отверните их на изнаночную сторону. Сшейте переднюю и заднюю детали сумки с деталью № 7.

Рис. 9. Сделайте для сумки длинную ручку. Чтобы она была плотнее, отрежьте две репсовые ленты: одна длиной 1,24 м, другая — 1,20 м. Сложите ленты, между ними по краям проложите канты и все прострочите. Проденьте концы ленты в кольца и закрепите их.

По материалам французского журнала «Мод траво»

ВЫ НАМ ПИСАЛИ...

Г. Сергеевой, г. Рязань

Можно начесать вещи, связанные из пряжи типа «мохер». Но так как ворсинки пряжи закроют узор, имеет смысл начесывать только ровную поверхность.

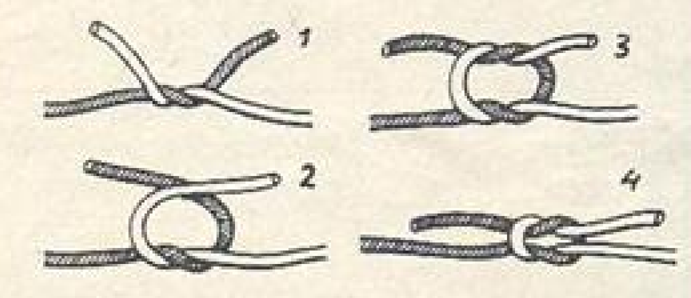
Делается это так. Сначала вещь надо увлажнить, завернув в мокрое махровое полотенце, оставить в таком виде примерно на полчаса. Затем металлической массажной щеткой начните причесывать поверхность полотна сверху вниз, снизу вверх, справа налево и слева направо. Когда ворса станет достаточно, причешите его в последний раз в нужном вам направлении.

Р. Хабибулиной, г. Казань

Прежде чем распускать старую вещь, выстирайте ее. Хлястики, карманы, пуговицы отпорите. Затем высушите вещь, но не досуха.

Определите, как связана вещь — снизу вверх или сверху вниз. В первом случае вначале отпарывают воротник, затем рукава, распарывают плечевые и боковые швы. Во втором случае — не трогая воротника, распарывают все швы. На каждой детали находят конец нити, с него и начинают роспуск. Если вещь была связана сверху вниз, то конец нити будет внизу.

Распуская, нить сматывайте сначала в рыхлые клубки, а потом перематывайте в мотки. Менее прочные нити сразу отделяйте — лучше использовать их для спинки, а более прочные — для рукавов и переда. Выношенные места выбрасывайте, оставшиеся концы связывайте плоским узлом, как указано на схеме. Концы нитей дожны быть не

менее 2 см, чтобы при вязке их можно было заправить крючком.

Можно соединить концы с помощью иглы: иглой прошивают конец нити, удаляют иглу и обрезают кончики ниток. Но способ этот пригоден только для толстой пряжи.

На вопросы отвечала М. МАКСИМОВА.

ТЕМ, КТО ВЯЖЕТ

Чертежи жакета с рельефной кокеткой даны на 46—48-й размеры.

Материал: 700 г шерстяной пряжи № 10/2 в одну нить. Спицы № 4.

Вязка: основная — мелкое букле. Кокетка на спинке и полочках, карманы и отделка на рукавах выполнены «крупными ячейками». Застежка, низ жакета и рукавов — резинка 2х2 со снятыми петлями.

Образец узора букле: наберите четное число петель (кромочные входят в этот счет).

1-й и 5-й ряды — лицевые петли.

2-й и 6-й ряды — изнаночные петли.

3-й и 7-й ряды — каждую пару петель провязать вместе лицевой за задние стенки.

4-й ряд — 1 лицевая из петли, 1 лицевая из протяжки (промежуточная нить между соседними петлями) и т. д. В конце ряда из протяжки между кромочной и следующей петлей необходимо вывязывать 1 лицевую, чтобы не потерять петлю.

8-й ряд — 1 лицевая из протяжки, 1 лицевая из петли и т. д.

9-й ряд — узор повторять с 1-го ряда.

Образец узора «крупные ячейки»: наберите 26 петель (число должно делиться на 8 плюс 2 кромочные).

1-й ряд — 2 петли снять на дополнительную спицу и оставить перед работой, 2 лицевые, 2 лицевые с дополнительной спицы, 2 лицевые снять на дополнительную спицу и оставить за работой, 2 лицевые, 2 лицевые с дополнительной спицы и т. д.

2-й и все четные ряды — изнаночные петли.

3-й и 7-й ряды — лицевые петли.

5-й ряд — 2 петли снять на дополнительную спицу (за работой), 2 лицевые, 2 лицевые с дополнительной спицы, 2 лицевые снять на дополнительную спицу (перед работой), 2 лицевые, 2 лицевые с дополнительной спицы и т. д.

9-й ряд — узор повторять с 1-го ряда.

Образец резинки 2х2 со снятыми петлями: наберите 25 петель (число должно делиться на 5, кромочные входят в этот счет).

1-й ряд — *1 лицевая, 1 изнаночная, 1 лицевая, 2 изнаночные. Повторять от знака до конца ряда. В конце ряда 1 лицевая, 1 изнаночная, 1 лицевая и кромочная.

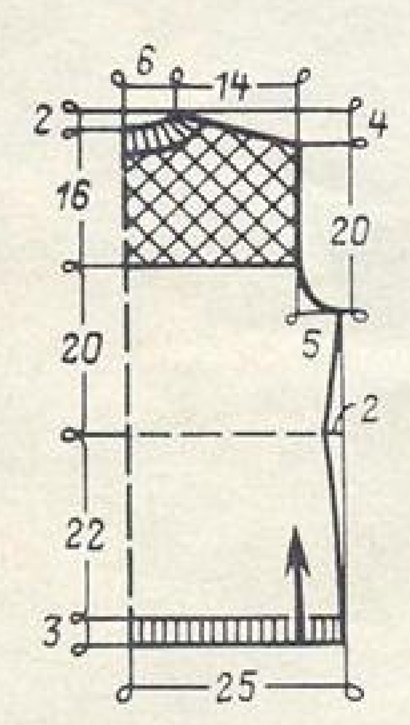
2-й и все четные ряды — лицевые петли вязать лицевыми, изнаночные петли снимать, оставляя нить перед петлями.

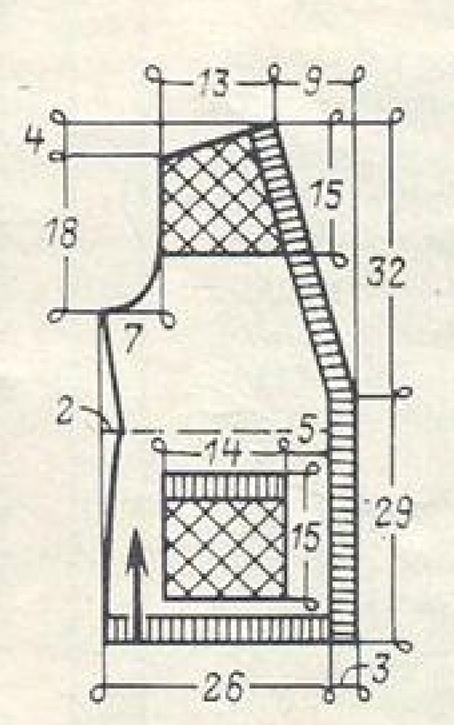
3-й ряд и все нечетные вязать, как 1-й ряд.

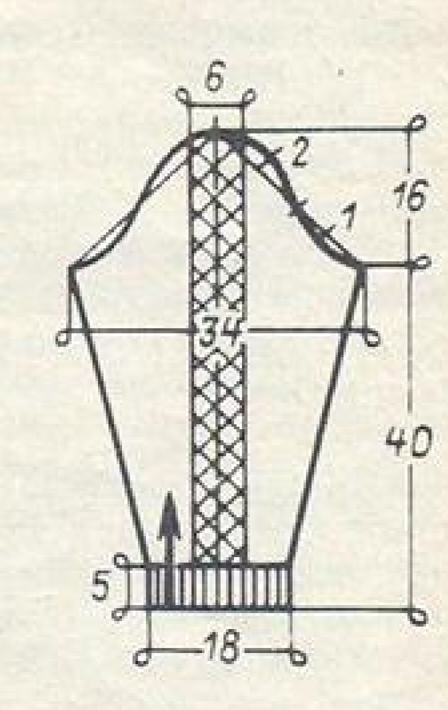
Спинку, полочки и рукава вяжите снизу вверх, начиная с резинки 2х2. На полочках свяжите прорезные карманы. Детали отутюжьте и сшейте. Свяжите отдельно планку-застежку.

Модель М. МАКСИМОВОЙ.
Выполнена Г. ЦУКАНОВОЙ.

Фото Б. КАУФМАНА.

К ПРАЗДНИКУ

Все эти праздничные платья и костюмы можно сшить по одной выкройке. Цельнокроеный рукав типа «кимоно» или «летучая мышь» позволяет сделать это очень быстро — платья с такими рукавами не требуют сложной обработки, не имеют большого количества конструктивных элементов. Кроме того, такой покрой рукава универсален — подходит женщинам с различными фигурами и комплекцией. Сейчас он снова в моде.

Ткань лучше выбрать нарядную — тонкий, хорошо драпирующийся трикотаж, шелк, крепдешин. Вещи будут хорошо смотреться только на прямых плечах — если плечи покатые, придется подшить подплечики.

1. Это платье украшено вышивкой в тон платья. В боковых швах — разрезы. На талии пояс.

2. Если платье будет носить стройная женщина, вместо узкого пояса она может использовать широкий мягкий шарф, завязав его пышным бантом.

3. Для этого платья лучше использовать ткани контрастных цветов. Оборка на плече и по диагональному шву на платье спереди. Пояс на линии бедер.

О ТОМ, О СЕМ

● Если вам надо пришить пуговицу к меховому пальто, положите на мех кусочек тонкой бумаги, а потом уже пуговицу и пришивайте. Бумагу потом выньте. В таком случае вы не пришьете вместе с пуговицей и мех.

● Имейте в виду, что нитки на катушках всегда кажутся более темными, чем будут потом на ткани. Поэтому, подбирая нитки для шитья, останавливайтесь на более темных оттенках.

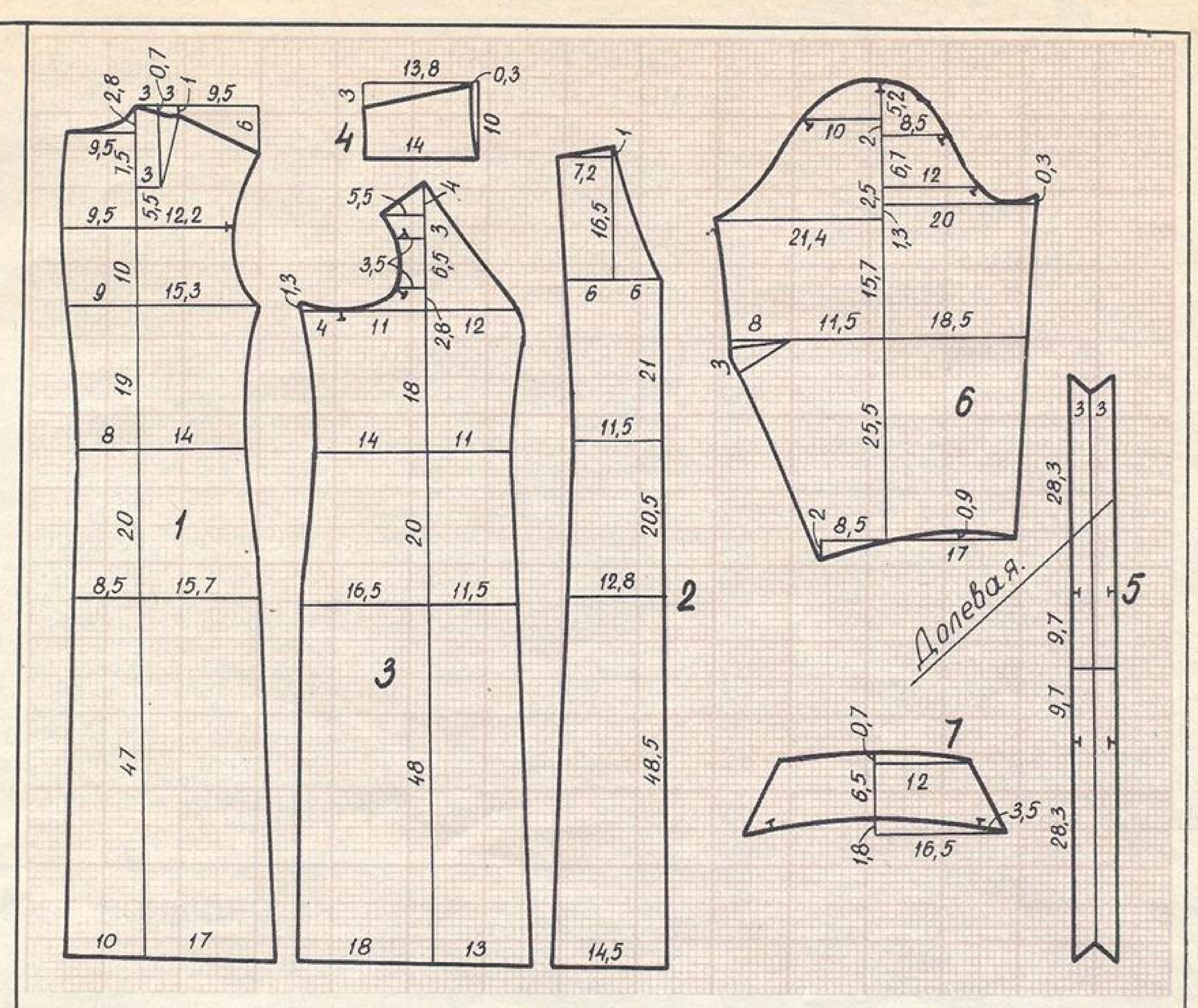
● Иногда старые вещи не распорешь иначе, как бритвенным лезвием. Чтобы было удобнее работать, вставьте его в пробку от бутылки.

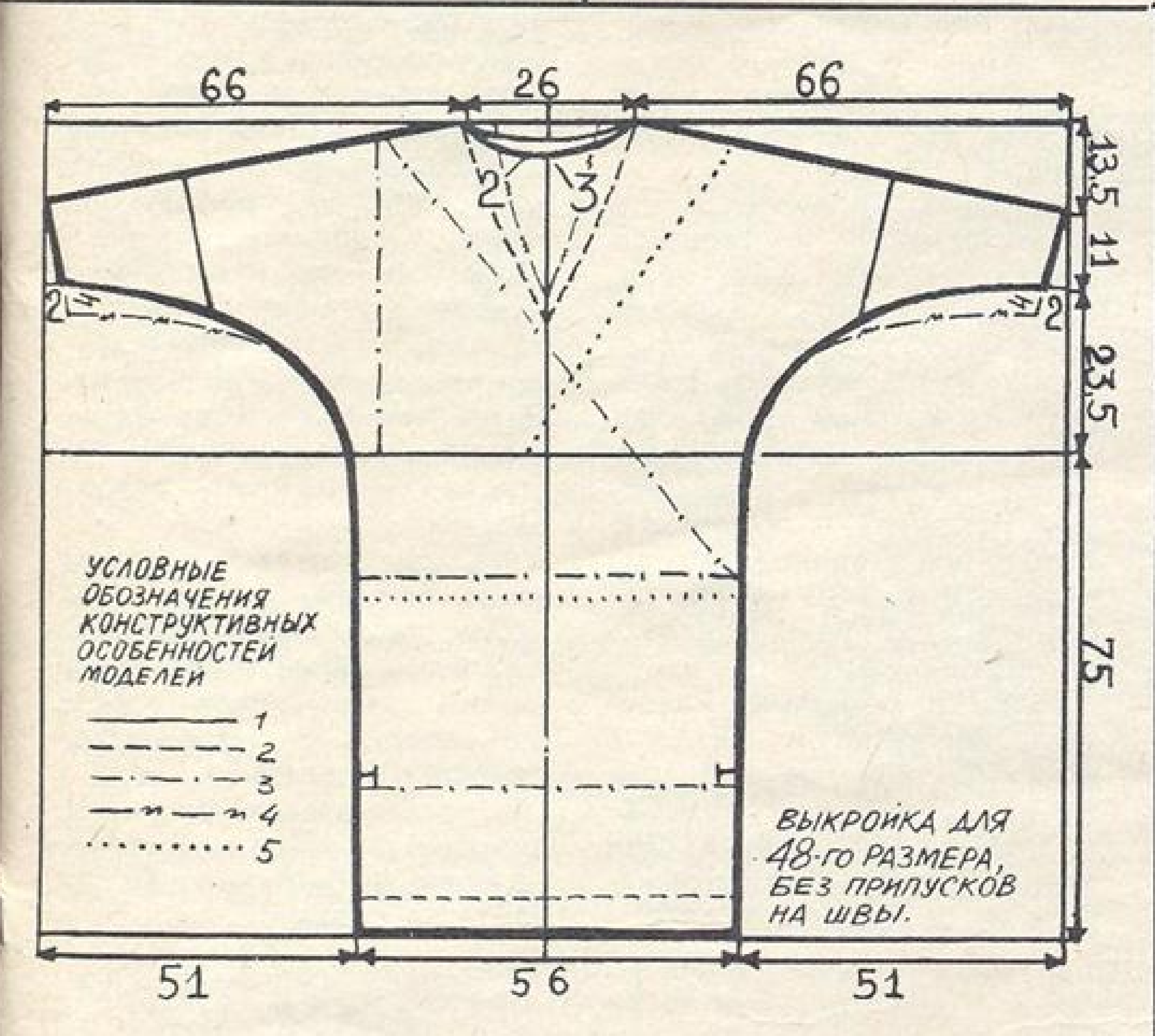
● Как правило, в магазинах на этикетках тканей или шитых вещей указывается состав их волокон. Но если данных нет, как определить, что за ткань перед вами? Подожгите нитку и понаблюдайте за тем, как она горит:

Хлопчатобумажные и льняные нити быстро сгорают, оставляя запах горящей бумаги или ваты.

Нити шерстяные и натурального шелка сгорают медленно, при этом чувствуется запах паленого волоса.

Капрон и другие синтетические волокна при сгорании образуют твердые сплавившиеся шарики.

4. Платье с глубоким вырезом. По низу рукавов — манжеты с пышными оборками. Отделка тканью контрастного цвета.

5. Блуза с мягкими сборками у горловины. Воротник в виде мягко драпирующейся стойки, завязывается на спине бантом. Жесткий пояс, застегивающийся на спине.

Все эти модели можно сшить по выкройке, которую мы даем для 48-го размера, в масштабе 1:10, как всегда, без припусков на швы. На выкройке показаны конструктивные особенности каждой из моделей.

Художник
Е. ПОЗДНЯКОВА

МОДЕЛЬ НОМЕРА

Особенно хорошо это платье полуприлегающего силуэта для полной женщины.

Художник Т. КРИВОРУЧКО.
Чертежи Н. МАЛЬКОВОЙ.

Выкройка дана для размера 164-112-120 в уменьшенном виде, в масштабе 1:10, как всегда, без припусков на швы. Вертикальные линии клеток соответствуют направлению долевой нити. Если это направление иное, оно указано на чертеже. Особенно важно, чтобы при крое бейки долевая нить располагалась так, как указано на чертеже.

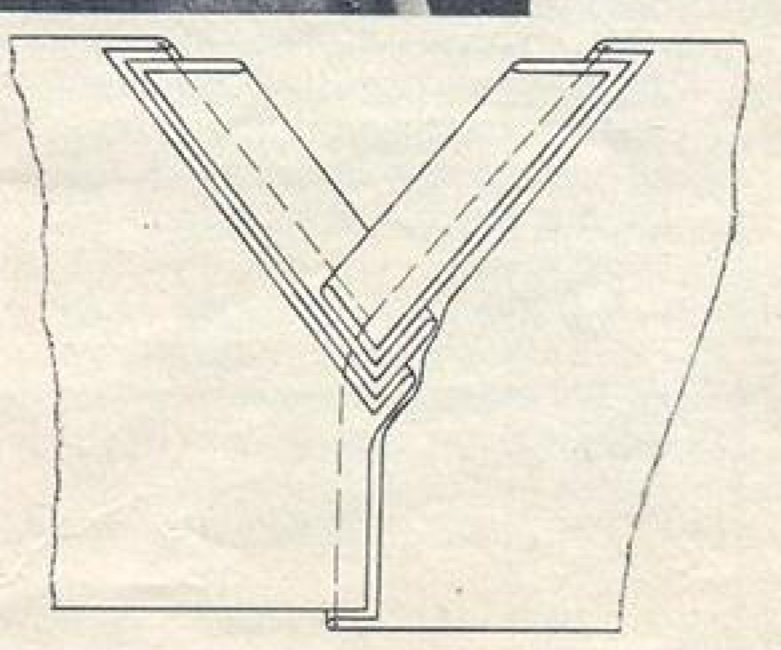
На чертеже даны следующие детали:
1. Спинка — 2 детали.
2. Перед — 2 детали.
3. Боковая часть переда — 2 детали.
4. Кокетка переда — 2 детали.
5. Бейка к горловине — 1 деталь.
6. Рукав — 2 детали.
7. Отворот к рукаву — 2 детали.

Пояс выкраивается длиной 160, шириной 4 см (в готовом виде — 2 см).

Расход ткани: 2 м 30 см при ширине 140 см.

Горловина обтачана косой бейкой, шов посередине переда облегчает ее обработку. Как горловина выглядит с изнаночной стороны, показано на рисунке.

Рукава по низу имеют фигурные отвороты, которые притачиваются швом с открытым срезом. Платье можно носить и без пояса.

«СКОРАЯ» КУЛИНАРНАЯ...

● Если хотите, чтобы фасоль при варке не потемнела, варите ее в открытой кастрюле.

● Овощное блюдо, приготовленное впрок, не разогревайте полностью — только ту порцию, которую собираетесь подавать на стол.

● Жареный картофель получится хрустящим, если соблюсти следующие условия: жир на сковороде должен хорошо разогреться, картофель предварительно просушить в полотенце, а солить его, когда он будет почти готов.

● Вареная свекла получится более сочной и вкусной, если варить ее в кожуре, не срезая корешков и остатков стеблей.

● Дольше не сохнет и лучше сохраняется горчица, разведенная не водой, а молоком. Ее вкус улучшится, если добавить немного меда.

● Если сушеные фрукты отсыреют или в них заведутся жучки, их надо подсушить на противне в духовке. Или на неделю вынести на мороз. А потом переложить в стеклянные банки и, плотно закрыв, поставить в сухое место.

● Выжимая сок из лимона, не переусердствуйте — сок может получиться горьким. Если хотите, чтобы сока получилось больше, подержите целый лимон в горячей воде — минут пять, не дольше.

● Сухие фрукты для компотов перед приготовлением моют в холодной, а не в горячей воде.

● Если подсолнечное масло стало мутным, положите в него немного поваренной соли. Два-три дня спустя перелейте масло в другую бутылку — осадок с солью останется на дне.

«ЭЛЕКТРОНИКА»: МОЙ ОПЫТ

Хочу сразу предупредить: я не имею отношения к рекламе и производству бытовой техники. Буду говорить о своем личном опыте — вот уже несколько лет я весьма успешно пользуюсь печью «Электроника».

В СВЧ (микроволновых) печах резонаторного типа «Электроника» разогрев и приготовление продуктов происходят за счет поглощения ими энергии электромагнитных волн. Причем продукт подогревается не с поверхности, а сразу по всей его толще. В этом заключается эффективность этих печей. «Электроника», правда, разочарует любителей хрустящей, румяной корочки на блюдах, запеченных в духовке или обжаренных на сковороде, — корочки здесь не получится. Зато люди, избегающие жареного (а это часто советуют врачи), в новой печке получат то, что им нужно, притом гораздо быстрее, чем обычно. СВЧ-печь буквально создана для тех, кто рационально ведет хозяйство: готовит на несколько дней вперед, экономно расходует продукты и не боится нового. Я уверен, что таких людей большинство, они просто еще не успели по-настоящему оценить новинку.

Как показывает мой личный опыт, «Электронику» стоит использовать прежде всего для разогрева пищи — здесь она вне конкуренции. Судите сами: литр молока, замороженного до минус 10 градусов, можно нагреть до любой нужной вам температуры за 10—12 минут. Причем не потребуется даже распечатывать пакет, в который оно упаковано.

Мы много говорим о бережливости, о рациональном употреблении хлеба. СВЧ-печь решает и эту проблему. Упакованный в полиэтиленовый пакет хлеб сохраняется в холодильнике в течение одной-двух недель (дольше хранить не имеет смысла — хлеб высыхает из-за негерметичности упаковки). Вы отрезаете нужное количество ломтиков хлеба, кладете их на тарелку и ставите в печь. Пройдет полминуты-минута, и хлеб будет иметь вид и вкус свежевыпеченного. Есть его надо сразу, так как он быстро черствеет.

Если вы готовите еду на несколько дней вперед, поместите ее в морозильник, а перед подачей переложите на тарелку и поставьте разогревать в печь на 2—4 минуты. Блюдо можно ставить на стол.

Если вы никак не можете обойтись без поджаристой корочки, то начните готовить обычным способом — на плите, например, но дайте более интенсивный нагрев. Примерно за пять минут вы придадите пище желаемый внешний вид. Потом помещаете ее в «Электронику» — через считанные минуты блюдо готово. Вы даже не представляете себе, насколько сокращает время готовки такая технология!

Те, кто пользуется «Электроникой», должны знать, что она боится недогрузки, когда излученная электромагнитная энергия ничем не поглощается. Поэтому советую во время работы печи держать в ней стакан чистой воды.

В. БЕЛОУСОВ, инженер.

НА ОВОЩНОЙ «ПОДУШКЕ»

Мы попросили кулинара **Владимира Сергеевича Михайлова** порекомендовать рецепты блюд, которые можно было бы приготовить в «Электронике».

Прежде всего это блюда на овощной «подушке».

Жареная курица. Разрубив птицу на куски, отделить жир и порубить его. Обжарить жир на сковороде. В жире на сильном огне обжарить курицу. Затем на дно посуды — специальной стеклянной или керамической — положить слой очищенных и натертых на крупной терке овощей — свеклы, моркови, репы, редьки, кабачков, баклажанов, помидоров, капусты — то, что найдется дома, на овощи — курицу, сверху — снова овощи. (Потребуется примерно 1 кг овощей.) Все залить смесью сока, оставшегося при жарении курицы, с подсоленной горячей водой — поверхность курицы должна быть покрыта соком, но верхний слой овощей пусть остается сухим. Курицу на овощной «подушке» поставить в СВЧ-печь на 2—3 минуты, после чего ее можно подавать к столу, полив сметаной или майонезом, посыпав рубленой зеленью.

Вся эта процедура займет не час, как обычно, а всего лишь 8—10 минут.

Вкусным получается в «Электронике» и **овощной омлет.** Взбить 3—4 яйца. Взбивая, добавить стакан молока, чтобы получилась однородная масса, посолить. Натереть на крупной терке овощи — морковь, свеклу, лук, кабачки, капусту. Стакан овощей положить в посуду, залить все яично-молочной смесью и на 2—3 минуты поставить в СВЧ-печь. Подавать со сметаной.

Рыба с овощами. Разделать на куски и обсушить морскую или речную рыбу — примерно килограмм. Обвалять в манной крупе, смешанной с солью. Быстро обжарить на сковороде. На дно посуды выложить нарезанный кружочками картофель, на него — рыбу, добавить немного воды и на 5—6 минут поставить в печь. Подавать, посыпав зеленью.

Можно приготовить и **кашу с овощами.** Возьмите смесь круп, допустим, пшенная и ячневая, кукурузная или рисовая и пшеничная, кукурузная и ячневая. Главное, чтобы одна из круп была цельная, а другая (или другие) — дробленая. Натрите на крупной терке овощи, не менее двух видов. На стакан смеси круп — стакан овощей.

На дно посуды уложите треть овощей, на них слой крупы, затем снова слой овощей и так далее, чтобы получилось три слоя (овощи — сверху). Залейте все горячей подсоленной водой, так, чтобы верхний слой овощей был ею закрыт. Поставьте в печь на 6—8 минут. Подавайте со сметаной.

БЛЮДА... ИЗ КОЛЛЕКЦИИ

Почти тридцать лет собирают коллекцию кулинарных рецептов заведующий литературной частью Кировского областного драматического театра **Владимир Ильич Сазонов** и его жена — актриса этого театра, лауреат Государственной премии РСФСР, **Надежда Пантелеймоновна Погоришная.**

Больше всего в их собрании рецептов блюд русской кухни, в особенности местной, вятской. Супруги хорошо освоили эти рецепты и радушно потчуют блюдами, приготовленными по ним, своих гостей. Предлагаем некоторые из «коллекционных» блюд для нашей дегустации.

ОКРОШКА ПО-ВЯТСКИ

Натереть редьку — белую или черную, хотя горькая белая все же предпочтительнее. Нарезать холодный отварной картофель, смешать его с редькой и посолить. Оставить минут на сорок, чтобы редька успела дать сок. Потом добавить холодный квас, разлить в тарелки и положить тертый хрен по вкусу.

ВЯТСКИЙ ХРЕНОДЕР

Так называется своеобразная приправа, которая подается ко вторым мясным и рыбным блюдам. На 1 кг помидоров взять по 100 г хрена и чеснока, соль и сахар по вкусу. Помидоры пропустить через мясорубку, чеснок и хрен натереть на мелкой терке. Массу перемешать, уложить в банки и закатать.

ГРИБНАЯ ИКРА

Два стакана сухих грибов — маслята, подосиновики, подберезовики — на несколько часов замочить в воде, потом ее слить. Варить грибы на медленном огне в небольшом количестве воды, пока не станут мягкими, пропустить их через мясорубку, смешать с оставшимся после варки бульоном. Поджарить в растительном масле нарезанный репчатый лук (1 кг). Лук соединить с грибной массой, добавить по вкусу сахар, соль, уксус.

Подавать в холодном виде.

ПЕЛЬМЕНИ ПО-ВЯТСКИ

Тесто для пельменей приготовить, как обычно. А начинка — постная: натертая на мелкой терке редька или грибы, отваренные и пережаренные с луком, годятся и сухие и свежие. Подавать пельмени со сметаной.

РЕПА ПЕЧЕНАЯ

10—12 репок средней величины вымыть, обрезать с обоих концов и запечь в духовке — потребуется 30—40 минут. В готовой репе сверху сделать надрез, положить туда небольшой кусочек масла. Посыпать репки зеленью.

ГОРОХОВЫЙ КИСЕЛЬ

Горох разварить и протереть через сито. Жидкое гороховое пюре, сдобренное по вкусу солью или сахаром, выложить в эмалированный противень. Застывший кисель разрезать на небольшие порции и подавать, полив льняным или любым растительным маслом.

В гостях у коллекционеров побывал **Э. Звоницкий.**

На снимке: В. И. Сазонов и Н. П. Погоришная пробуют новое блюдо.

СПРАВИМСЯ САМИ

Приятно видеть опрятно одетого мужчину. Возможно, о его одежде позаботилась служба быта, а может, жена, но не исключено, что это делает он сам. Тем же независимым мужчинам, кто не овладел пока подобными премудростями, думаем, помогут советы **Татьяны Михайловны Чубуковой.** Она работает мастером специального цеха производственного комбината № 3 при Сандуновских банях в Москве. В своем деле Татьяна Михайловна виртуоз — пока посетители принимают ванны и души, ее бригада успевает привести их одежду в порядок.

— Думаю, что мужчины могут отлично освоить работу с утюгом,— говорит Татьяна Михайловна.— Советую прежде всего обзавестись гладильной доской, если ее нет в доме.

Желательно также иметь утюг с терморегулятором — тогда вы будете застрахованы от неприятностей с синтетикой, которая не выдерживает высоких температур. Кроме того, вам понадобится стиральный порошок — но только не с отбеливателем! — для чистки костюма. Если все это у вас есть, можете браться за дело.

Начнем с сорочки. Прежде всего прогладьте кокетку, воротник, манжеты, планку. Воротник гладят сначала с изнанки — от углов к середине, потом так же с лицевой стороны, чтобы на самых видных местах не было ни морщинки. Проглаживают кокетку, места вокруг воротника — здесь утюг только прикладывают, не двигая. Затем переходят к манжетам и рукавам, которые гладят от плеча вниз.

Если сорочка застегивается на пуговицы сверху донизу, то, разутюжив планку, гладят последовательно одну полочку, спинку и другую полочку. Если застежка не до конца, то начинают работу со спины — ее гладят, сложив рубашку вдвое. Затем раскладывают, разутюживают изнутри образовавшуюся складку и проглаживают перед. Обычно обрабатывают сорочку с лицевой стороны, но если она украшена вышивкой, то с изнанки, чтобы узор получился выпуклым.

Дают сорочке остыть, после этого вешают на плечики в шкаф или складывают. Делается это так: рубашку застегивают на все пуговицы, кладут застежкой вниз, складывают рукава вдоль боковых швов, затем перегибают еще раз так, чтобы рукава оказались внутри, после чего сорочку складывают пополам. Чтобы воротник не мялся, вставляют под него полоску картона. В шкаф сорочки укладывают одна на другую, воротниками в противоположные стороны.

Теперь можно заняться и костюмом. Очистите костюм от пыли — чем тщательнее вы это сделаете, тем большего эффекта добьетесь от глажки. Гладьте через влажную полотняную тряпку. Если на костюме пятна — смочите тряпку в концентрированном растворе стирального порошка.

Прогладьте с лицевой стороны рукава пиджака, перед и полы, воротник и, наконец, спину. Теперь отгладьте подкладку, внутренние карманы — это можно сделать и не через тряпку. В последнюю очередь отутюживайте борта. Если лацканы широкие, а ткань мнущаяся, тонкая — загладьте их сгиб. Не пугайтесь, если от утюга появится блеск. В этих местах под влажную тряпку подложите кусок шерстяной ткани и на короткое время поставьте утюг, блеск исчезнет. Повесьте пиджак на вешалку, размеры ее должны соответствовать размеру плеч.

Если брюки приходится гладить после стирки, начинайте утюжить с изнанки — все швы, подкладку, карманы. Вывернув на лицевую сторону, отутюжьте их верхнюю часть и пояс, затем сложите брюки так, чтобы боковые и шаговые (внутренние) швы, а также передние вытачки совпали. Причем гладить начинают с внутренних сторон брючин, а затем уже переходят на внешние. Гладят, пока тряпка не станет сухой.

Если брюки вытянулись на коленях, это место с изнанки смочите водой, а потом выверните налицо и отутюжьте, положив между влажной тряпкой и брюками еще одну — сухую — тряпку. Чтобы стрелки лучше держались, эти места с изнанки прочерчивают сухим кусочком мыла, тряпку смачивают в крепком мыльном растворе, а при глажении по этим местам слегка постукивают щеткой. Утюг держат, пока и брюки и тряпка не будут сухими. Брюки вешают на вешалку, дают остыть.

Костюм надевают некоторое время спустя, иначе он быстро сомнется и все труды пойдут насмарку.

На джинсах и вельветовых брюках обычно стрелки не делают. Если же вельветовые брюки входят в состав костюма — стрелка нужна. Вельветовые вещи гладят осторожно, негорячим утюгом, лучше на весу. Прогладив, жесткой щеткой проводят против ворса, чтобы он приподнялся.

Несколько слов о галстуках. Гладят их с изнанки, положив лицевой стороной на влажное полотенце, не очень горячим утюгом. Вначале то место, где был узел, затем на сухом полотенце через влажную ткань проглаживают целиком — досуха. Чтобы на лицевой стороне не остался выпуклый след от шва, вырежьте из картона шаблон по форме галстука и вставляйте его в галстук, как прокладку.

И последнее — гладить, а тем более чистить одежду лучше при дневном свете. Тогда вы скорее увидите, как все хорошо у вас получилось.

Записала А. ЧЕРНЫШЕВА.

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ

М. С. Горинова, г. Астрахань, и Т. И. Гирька, г. Горловка: «Годится ли в качестве удобрения яичная скорлупа?»

— Конечно. В яичной скорлупе много извести, необходимой растениям для роста и плодоношения. Кроме того, известь снижает кислотность почвы. Как любое известковое вещество, яичная скорлупа улучшает структуру почвы, повышает эффективность минеральных удобрений. Вносить ее можно при перекопке почвы, при рыхлении междурядий и при посеве в рядки тщательно измельченную, лучше размолотую в тонкий порошок, тогда действие ускоряется. Особенно хорошо на скорлупу реагируют морковь, огурцы, репа, капуста, брюква; меньше — редис, кабачки, редька и помидоры. Картофель и щавель хорошо растут и на кислых почвах, под них яичную скорлупу можно не вносить. В извести особенно нуждаются облепиха, вишня, слива и черешня.

Н. М. Макарова, Свердловск: «Как и где у себя в саду можно применять навоз от кроликов?»

— Его вполне можно вносить при перекопке почвы весной и осенью под овощные культуры и в приствольные круги плодовых деревьев и кустарников. Норма внесения — от одного до трех ведер навоза на 10 кв. м. Можно вносить это удобрение также весной на земляничные грядки, при первом рыхлении (по 1 кг на 1 кв. м).

Е. К. Кокоева, г. Славянск: «Можно ли использовать в саду золу?»

— В древесной золе содержится около 30 химических элементов, необходимых растениям: калий, фосфор, кальций (известь), микроэлементы. По содержанию фосфора зола березовых дров не уступает удобрительным смесям, которые есть в продаже, а по содержанию калия в два раза превосходит их. Зола — щелочное удобрение, поэтому вносить ее на почвах со щелочной реакцией не стоит. Вносить золу лучше рано весной при рыхлении и перекопке почвы, при посадке картофеля в лунки, опудривать ею клубни, вносить при посеве овощных культур в рядки. Зола губительно действует на многих вредителей растений.

А. Б. Бежан, г. Калуга: «Используют ли в качестве удобрения древесные опилки?»

— Конечно. Но только их надо обработать соответствующим образом. Для этого в 10 л воды растворяют 150 г суперфосфата, 100 г аммиачной селитры и 50 г хлористого калия. Ведром такого раствора можно увлажнить три ведра опилок.

Необработанные опилки использовать нельзя, так как бактерии, разлагающие их, разрушают азот почвы, что снижает ее плодородие.

Особенно полезны опилки на тяжелых глинистых и песчаных почвах, ведро — на 5—6 м^2.

Очень хорошо компостировать опилки послойно со свежим навозом.

З. А. Луховцова, г. Серпухов: «Сколько удобрений в год требует участок площадью в 600 м^2?»

Для нормального обеспечения садового участка такой площади на год требуется: 15 ц навоза (перегноя), 12 кг азотных удобрений (6 кг мочевины как быстро действующего удобрения и 6 кг натриевой селитры), 20 кг суперфосфата, 10 кг калийных удобрений (калийная соль, сернокислый калий). Если указанных минеральных удобрений не окажется, взамен них можно заготовить 40 кг плодово-ягодной смеси.

Для сведения сообщим, что в 10-литровом ведре содержится: навоза свежего конского — 8 кг, навоза свежего коровьего — 9 кг, перегноя — 8 кг, торфа низинного сухого — 5 кг, навозной жижи — 12 кг, птичьего помета — 5 кг.

НОЯБРЬ — ВСТРЕЧАЕМ ЗИМУ

Сад надо подготовить к зимовке. Под покровом снега молодые деревья хорошо зимуют, но при весеннем таянии, когда снег оседает, могут отломиться ветки. Рекомендуется в безморозные дни (при морозе ветки хрупкие, легко ломаются) осторожно стягивать их и связывать шпагатом, тесьмой, чтобы не повредить кору. Эту работу лучше делать вдвоем. Один сближает ветки, другой их связывает.

Надо позаботиться и о том, чтобы уберечь молодые деревья от зайцев и мышей. Сочная кора молодых яблонь и груш — лакомая пища для грызунов, огрубевшую же кору деревьев старше 12—15 лет обычно они не трогают. Стволики обвязывают до первой ветки, используя еловый лапник, побеги отплодоносившей малины, мелкую железную сетку. Многие применяют рубероид, толь или пергамин, это удобно, хотя масла, пропитывающие эти материалы, отрицательно действуют на кору. Поэтому под рубероид или толь надо положить два-три слоя бумаги, мешковину или тряпки. Если сверху образовались зазоры, щели между обвязкой и стволом, а туда во время оттепели или дождя может проникнуть вода, надо

замазать глиной или заткнуть тряпками.

Иногда для защиты плодовых деревьев от грызунов обмазывают стволы разными отпугивающими составами. Этого делать не стоит: можно повредить деревья.

Садоводы-практики знают простое и эффективное средство от мышей и зайцев: обматывание стволика и ветвей старыми капроновыми чулками. Почему грызунам не нравятся капроновые чулки — непонятно, но деревья они не трогают.

Теперь о побелке деревьев. Многие рекомендуют делать ее перед наступлением устойчивых морозов, и это разумно: белить деревья в конце зимы, когда много снега, трудно, побелка же в конце весны или начале лета практически бесполезна, ведь цель ее — защитить кору от раннего весеннего солнца. Некоторые садоводы высказываются вообще против побелки, мотивируя это тем, что не раз отмечались случаи серьезных ожогов и отмирания коры от применения недоброкачественной извести с примесью посторонних веществ.

Как же быть? Белить или не белить? Молодые деревья с гладкой корой белить не только не полезно, но даже вредно: из-за закупоривания пор в коре они хуже растут, у них медленнее утолщается ствол, замедляется газообмен. А вот побелка взрослых деревьев, у которых кора огрубевшая, с шероховатостями и трещинами, предохраняет от солнечных ожогов и служит дезинфицирующим средством, уничтожающим поселившиеся на стволе и у основания толстых ветвей мхи и лишайники.

Г. ТРОХИМОВСКИЙ

БУКЕТ К НОВОМУ ГОДУ

(Продолжение, начало на 1-й стр. ДК)

В будущем, если вы будете заниматься выгонкой сирени, кусты, предназначенные для этого, надо особенно хорошо удобрять и поливать, начиная с конца мая до конца июня.

Очень хороши для выгонки и мускари, луковичное растение, известное в народе как мышиный гиацинт, гадючий лук. У мускари немногочисленные, чуть мясистые листья, мелкие душистые цветки синего, голубого, фиолетового цвета, собранные в плотную кисть на конце довольно короткого цветоноса.

Для выгонки мускари сажают в октябре — ноябре. Выкапывают луковицы заранее — после того, как пожелтеют листья, сушат, хранят при температуре плюс 20 градусов, постепенно снижают температуру. Луковицы очищают от старых корней и сортируют по размеру. Чем больше луковица, тем богаче цветение.

Для выгонки луковицы сажают в горшки довольно густо. Подойдет рыхлая садовая почва. Луковицы вдавливают в нее, пересыпают тонким слоем почвы и ставят на хранение в прохладное место (температура плюс 9 градусов и ниже). Как только появится цветочная стрелка, ящики переносят в тепло, на свет. Но все же температура не должна подниматься выше 14 градусов, иначе растение сильно вытянется. Поливают умеренно. При таком режиме мускари зацветают через 2—3 недели. Цветы срезают, а луковицы в ящиках не поливают, держат в тепле, пока почва не высохнет. Весной отцветшие луковицы сажают в грунт — через год они будут снова пригодны для выгонки.

Я. ВАСАРИЕТИС

Моя первая встреча с Беллой надолго оставила в памяти ощущение чего-то хрупкого, возвышенного, необычайно женственного. Это было в середине шестидесятых на даче в Пахре у доброго к молодежи человека — поэта Павла Григорьевича Антокольского. Потом были долгие годы поклонения издалека. На одном из вечеров поэзии в Союзе художников на Гоголевском неожиданно для себя самого я подошел к Белле Ахмадулиной и напомнил о встрече у Антокольского, спросил, нет ли у нее сделанных там фотографий. Белла внимательно на меня посмотрела и сказала: «Фотографий у меня, конечно, с собой нет, а вот свой номер телефона я вам дам, звоните. Я помню вас». Воспользоваться телефоном я так и не решился. И только где-то в середине семидесятых, встретив поэтессу в одной из мастерских художников на улице Воровского, получил возможность разглядеть ее попристальнее. А вскоре и начал ее портрет. Писал по памяти. Возникали передо мной вечера поэзии, концерты.

Так возник вариант единения Тютчева и Ахмадулиной. Работалось споро, взахлеб. А через какое-то время снова сомнение: а вдруг не получится? Но пошло! Я придвинул столик с ацетатной темперой, краски из тюбика лихорадочно надавил. Решил: только темпера, не масло! И делать надо с одного раза! Как будто получалось. Зашел мой друг, художник, посмотрел: «Все так оставь, здорово! Это Белла!» Утвердил категорично, темпераментно. И хоть вижу в этой работе много недоделок, уже боюсь трогать. Правда, Тютчева я много раз переделывал, но до конца удовлетворен так и не был. Казалось, он все время как живой возникал на картине и не попадал в глубину пространства, мешал Белле. Но ее я оставил, как есть. Хорошо ли, худо — решать зрителям.

Игорь ОБРОСОВ,
народный художник РСФСР

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

Белла АХМАДУЛИНА

НОЧЬ УПАДАНЬЯ ЯБЛОК

Уж август в половине. По откосам
по вечерам гуляют полушалки.
Пришла пора высокородным осам
навязываться кухням в приживалки.

Как женщины глядят в судьбу варенья,
лениво-зорко, неусыпно-слепо,—
гляжу в окно, где обитает время
под видом истекающего лета.

Лишь этот образ осам для пирушки
пожаловал — кто не варил повидла.
Здесь закипает варево покруче:
живьем съедает и глядит невинно.

Со мной такого лета не бывало.
— Да и не будет! — слышу уверенье.
И вздрагиваю: яблоко упало,
на «НЕ» — извне поставив ударенье.

Жить припустилось вспугнутое
сердце,
жаль бедного: так бьется кропотливо.
Неужто впрямь небытия соседство,
словно соседка глупая, болтливо?

Нет, это — август, упаданье яблок.
Я просто не узнала то, что слышу.
В сердцах, что собеседник непонятлив,
неоспоримо грохнуло о крышу.

Быть посему. Чем кратче,
тем дороже.
Там я сижу в ночь упаданья яблок.
Грузя и попирая плодородье,
жизнь милая идет домой с гулянок.

* * *

Несметные проносятся валы.
Плавник одолевает время оно,
и голову подъемлет из воды
все то, что вскоре
станет земноводно.

Лишь рассветет — приокской
простоте
тритон заблудший попадется в сети.
След раковины в гробовой плите
уводит мысль куда-то дальше смерти.

Хоть здесь растет —
нездешнею тоской
клонима многознающая ива.
Но этих мест владычицы морской
на этот раз не назову я имя.

* * *

Отселева за тридевять земель
кто окольцует вольное скитанье
ночного сна? Наш деревенский хмель
всегда грустит о море-окияне.

Не мудрено. Не так уж мы бедны:
когда весны событья утрясутся,
вокруг Тарусы явственно видны
отметины Нептунова трезубца.

Наш опыт старше младости земной.
Из чуд морских содеяны каменья.
Глаз голубой над кружкою пивной
из дальних бездн глядит высокомерно.

Вселенная — не где-нибудь, вся — тут.
Что достается прочим зреньям, если
ночь напролет Юпитер и Сатурн
пекутся о занесшемся уезде.

Что им до нас? Они пришли не к нам.
Им недосуг разглядывать
подробность.
Они всесущий видят океан
и волн всепоглощающих
огромность.

ТАРУСА

Быть по сему: оставьте мне
закат вот этот за-Калужский,
и этот лютик золотушный,
и этот город захолустный
пучины схлынувшей на дне.

Нам преподносит известняк,
придавший местности осанки,
стихии внятные останки,
и как бы у ее изнанки
мы все нечаянно в гостях.

В блеск перламутровых корост
тысячелетия рядились,
и жабры жадные трудились,
и обитала нелюдимость
вот здесь, где площадь и киоск.

Не потому ли на Оке
иные бытия расценки,
что все мы сведущи в рецепте:
как, коротая век в райцентре,
быть с вечностью накоротке.

Мы одиноки меж людьми.
Надменно наше захуданье.
Вы — в этом времени, мы — дале.
Мы утонули в мирозданье
давно, до Ноевой ладьи.

РАВНОПРАВИЕ... В ОКОПАХ

«Военные люди защищают отечество» — гласит известный афоризм Козьмы Пруткова. А что будут защищать американки, надевшие военную форму? На этот вопрос, памятуя о том, какую роль играли «посланцы» Пентагона в Корее и Вьетнаме, Ливане и на Гренаде, можно ответить так: интересы военно-промышленного комплекса, во имя которых «джи ай» посылают за тридевять земель от дома,— выполнять обязанности жандармов.

Однако претендентки на звание «мисс Америка» в военной форме все же находятся. Что же заставляет девушек идти на службу? Отнюдь не привлекательность мундира, мода на цвет хаки или сомнительное удовольствие совершать марш-броски с винтовкой наперевес. Причина проста: для большинства это единственная возможность добыть средства к существованию. Массовая безработица, экономический спад — вот что в основном определяет выбор.

Капитан американской армии Катлин Уайлдер стала первой женщиной, получившей разрешение служить в диверсионно-карательном подразделении «зеленых беретов». Ее, судя по всему, не очень смущает недобрая слава своих новых сослуживцев. «Высокая честь», которой она удостоилась, по словам Катлин, делает ее «необыкновенно счастливой».

Что это, частный случай? Отклонение от нормы? Увы, мисс Уайлдер не исключение. Военная служба женщин в армиях США и ряда стран — членов НАТО стала уже привычным явлением. Никакой сенсации тут нет. За последние тридцать лет почти все натовские страны, кроме Исландии, Италии, Люксембурга и Португалии, в той или иной форме привлекли женщин к военной службе. Правда, это пока остается для них добровольным делом, хотя пример армии Израиля, где женщин призывают наравне с мужчинами в обязательном порядке, кажется иным натовским стратегам более привлекательным.

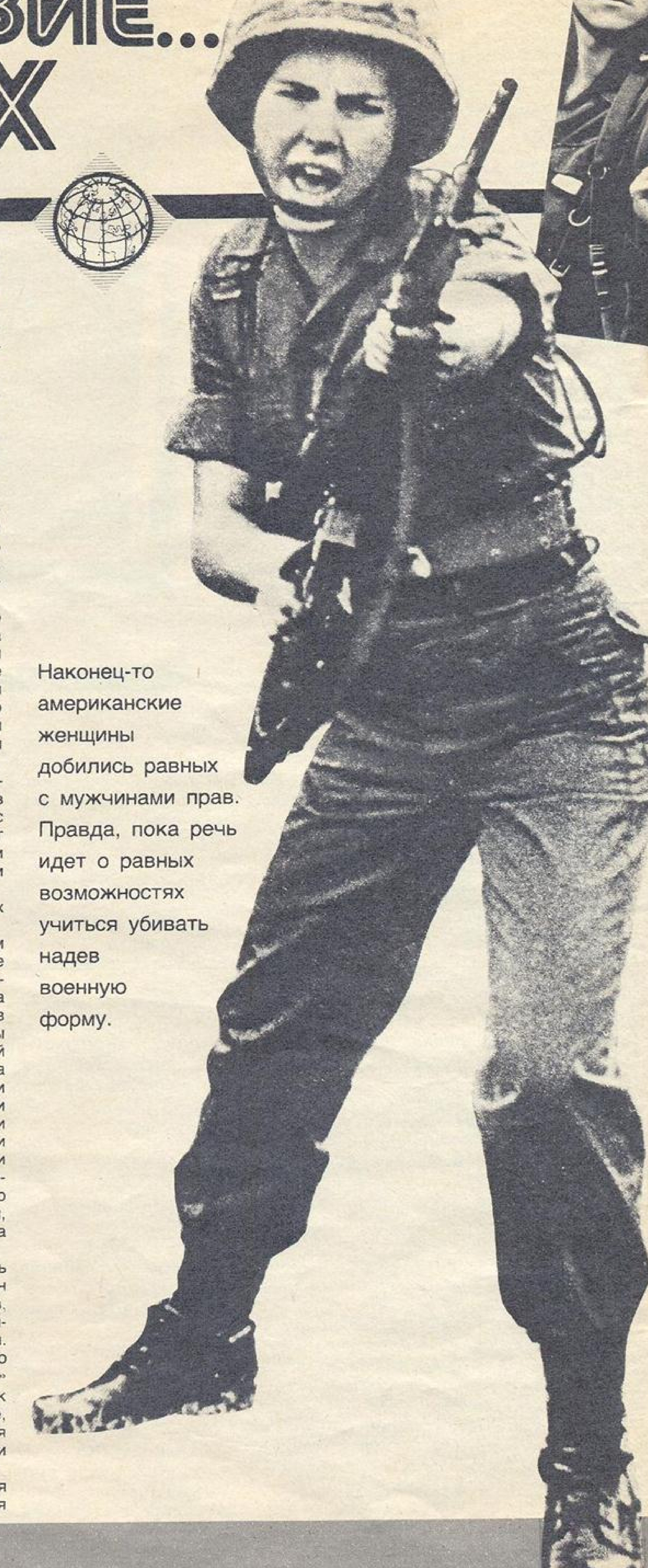
Трудно сказать, насколько удовлетворяет служба девушек-рекрутов из британской армии. Но на фото, опубликованных в английской печати, они стараются выглядеть так, будто родились с оружием в руках. Эти представительницы слабого пола чувствуют себя в форме вполне непринужденно. В сухопутных войсках и авиации Великобритании сейчас служат 13 тысяч женщин. Не хотят отставать и другие западные страны.

В среднем женщины составляют четыре процента военнослужащих в армиях мира.

Но все рекорды — разумеется!— побили Соединенные Штаты. Там женщин-военнослужащих больше, чем в любой другой стране. Более двухсот лет, с тех пор как было провозглашено создание Соединенных Штатов Америки, писал журнал «Ньюсуик», защита нации была мужской работой, только мужчина по закону мог быть призван в армию. Это и понятно. «Ни один настоящий мужчина не захочет, чтобы женщина сражалась за него»,— сказал в свое время американский генерал Уильям Уэстморленд. Как видно, времена изменились. На Капитолийском холме уже поговаривают о том, не следует ли заменить действующий более десяти лет принцип наемной армии обязательной воинской повинностью. Для начала решено провести регистрацию будущих призывников в возрасте девятнадцати-двадцати лет, в том числе девушек. Идея эта к рейгановской администрации перешла по наследству от предыдущего хозяина Белого дома — Картера. По подсчетам журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», известного своими связями с военно-промышленным комплексом и Пентагоном, регистрация охватит восемь с половиной миллионов человек, и цифра эта может вырасти.

Пока же в Пентагоне и госдепартаменте США стремятся расширить армию наемников и рассчитывают при этом, что пример Катлин Уайлдер окажется заразительным. Сегодня журнал для наемников, который называется «Солджер оф форчун» («Солдат удачи»), публикует такие, скажем, сообщения: «Будь мужчиной среди мужчин. Современная армия предлагает тебе интересную и разнообразную работу с дополнительными льготами для участвующих в боях...» Может статься, скоро на страницах журнала «диких гусей» — так иногда называют наемных убийц — можно будет прочесть такие, скажем, строки: «Современные амазонки, вас ожидает блестящая карьера на военном поприще. Стрелять, прыгать с парашютом и профессионально убивать вас быстро научат наши инструкторы...»

Но уже сегодня на страницах американской прессы встречается такое: «На занятиях по военной подготовке в Форт-Джексоне, Южная

Наконец-то американские женщины добились равных с мужчинами прав. Правда, пока речь идет о равных возможностях учиться убивать надев военную форму.

Фото из журнала «Шпигель».

Каролина, новобранец, утомленный длительным переходом, останавливается в изнеможении. Сержант-инструктор Линда Тейлор приказывает ему идти, но он отказывается. Тогда она спокойно взваливает на себя его вещевой мешок, винтовку «М-16» и со словами: «Я покажу тебе, как это делается, солдат» — несет снаряжение оставшиеся десять миль пути...» Для убедительности еженедельник «Ньюсуик» поместил фотографию женщины-инструктора, обучающей новобранца приемам обращения с оружием. Читателя это должно убедить: женщина в форме выглядит по нынешним временам так патриотично! В полном соответствии с вашингтонской политической модой. Раньше традиционное изображение «дяди Сэма» украшала подпись: «Я хочу, чтобы ты вступил в армию США». Карикатурист журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» очень точно дополнил текст: «И вы, леди, тоже!»

«Американки,— писал журнал «Тайм»,— делают один шаг за другим по пути милитаризации». Проблема с кадрами в армии США встала в 1973 году, когда отменили обязательную воинскую повинность. Поскольку демографические данные показывали, что число мужчин, годных для военной службы, сократится (к 1992 году, как предполагают, на 25 процентов), пентагоновские стратеги решили завлечь в свои ряды женщин, чтобы иметь достаточно солдат и в мирное время. Развернулась активная пропагандистская кампания. Вот почему доля женщин-военнослужащих увеличилась в семь раз и, видимо, составит к 1985 году 12 процентов. Для этого Пентагон всеми средствами добивается устранения существующих ограничений.

В настоящее время американские воительницы выполняют многочисленные обязанности — от ремонта торпедных катеров до контрразведки. На военно-воздушной базе близ Тусона, в штате Аризона, женщины несут охрану межконтинентальных баллистических ракет. На базе в Форт-Кэмпбелле, штат Кентукки, они обучают парашютистов-десантников. На базе военно-воздушных сил Пиз заправляют транспортные самолеты «С-5». В Индийском океане несут службу на плавучей базе эскадренных миноносцев «Дикси».

То ли пример американских коллег, то ли иные причины вдохновили итальянского министра обороны, сказать трудно. Во всяком случае, однажды в голове министра родилась гениальная, как ему показалось, мысль: предоставить своим соотечественницам честь примерить итальянский «сапожок» с натовской подковой. Чтобы они наряду с мужчинами защищали чуждые Италии интересы ее заокеанского покровителя.

Справедливости ради дадим слово и тем, кто считает, что военный мундир был бы им к лицу. «Что нас побуждает вступить в армию? Причины самые разные,— заявила на телевизионном референдуме по вопросу о воинской службе для женщин восемнадцатилетняя студентка Карла Бьянчотто.— Не в последнюю очередь это — стремление найти работу. Этого хочет большинство женщин». Та же мысль прозвучала и в выступлении адвоката Елены Маринуччи: «Воинская служба станет для многих женщин единственной возможностью заработать на жизнь». Но может, попытаться добиться равноправия женщин и трудоустроить их как-то иначе?— робко интересуется итальянская печать.

Пока специалисты итальянского министерства обороны оценивают все «за» и «против», решая вопрос о введении военной службы для женщин, в брюссельской штаб-квартире НАТО вынашиваются соображения международного стратегического характера. Об их содержании можно только догадываться. Впрочем, учитывая планы пентагоновских стратегов вооружать полевых командиров компактными видами ядерного и нейтронного оружия, нельзя исключить возможность, что солдат в юбке будет первым, кому отдадут роковой приказ...

И. ГАПОЧКА

ШТРИХИ

Как редактируют историю

История — бесценный опыт человечества, его память и совесть. Нетрудно понять, какая ответственность ложится на авторов учебников по этому предмету, в особенности школьных. Работники министерства просвещения Японии вроде бы не возражают против справедливости этих утверждений, да вот только подошли к делу весьма своеобразно: они решили историю... отредактировать. Разумеется, в духе, угодном нынешним правителям Страны восходящего солнца. Особенно «досталось» 9-й статье конституции, где провозглашен отказ от войны как средства государственной политики. Главы, рассказывающие о деятельности сторонников мира, подверглись безжалостному сокращению. Да вдобавок от авторов потребовали подчеркнуть «бессмысленность» антивоенного движения. Были сделаны и дополнения: пересказ дежурных домыслов об «агрессивности» Советского Союза и других социалистических стран, абсурдные трактовки советской внешней политики...

Что же, бумага все стерпит... А вот Всеяпонский профсоюз учителей, объединяющий более 600 тысяч работников высшей и средней школы, с произволом чиновников от просвещения мириться не желает. Попытки насаждать в учебных заведениях реакционные взгляды вызывают у прогрессивной общественности обоснованное беспокойство.

И на бюрократов есть управа!

Итальянцы всегда не прочь пошутить насчет мелких чиновников-бюрократов, которых, как они считают, в местных органах власти хоть пруд пруди. Но история, происшедшая с Джованной Делиджиос, жительницей небольшого городка на острове Сардиния, поистине нечто из ряда вон выходящее. Жила себе Джованна и не подозревала, что по документам, имеющимся в местной мэрии, она числится... умершей во младенчестве еще в 1953 году! Казалось бы, невелика беда. Что значит бумажка, когда человек — вот он, живой-здоровый. Но когда Джованна собралась выходить замуж, местные чиновники наотрез отказались регистрировать брак. Нелепость? Несомненно! И тем не менее несостоявшиеся новобрачные были целиком во власти буквоедов, решивших потешить свое самолюбие. Кто знает, сколько тянулась бы эта нелепая история, если бы Джованне не пришла в голову спасительная мысль — использовать в борьбе с чинушами их же оружие. Делиджиос представила нотариально заверенное свидетельство того, что она... существует. Тут уж даже самым изобретательным крючкотворам возразить было нечего.

Все ли может электроника?

Что и говорить, жить в одиночестве несладко. И можно только приветствовать любые разумные начинания, помогающие людям отыскать спутника жизни. Но не такое! Во Франции недавно в ход пошла некая новинка, более похожая на игрушку. Речь идет об устройстве размером с карманный калькулятор, которое можно носить в портфеле, в дамской сумочке. Едва в зоне действия прибора окажется другой такой же, «электронные свахи» подадут хозяевам сигналы. Электроника, утверждают создатели, позаботится о том, чтобы обеспечить контакт только между аппаратами «мужчина» и «женщина». Но под силу ли ей оградить одиноких людей от приставаний искателей удовольствий? Ведь тем тоже ничего не стоит вооружиться таким «достижением техники».

Богатство Ванчуровых

Принято считать, что статистика знает все. Поэтому, заглянув в энциклопедию, легко обнаружить такие цифры: двойни приходятся на 80—85 обычных родов, тройни — на 6—8 тысяч, а четверни... Тут даже всезнающая энциклопедия не приводит точных данных, ограничиваясь расплывчатым «бывают очень редко». Вот именно эта редкостная удача и выпала на долю двух пражан — Ванчуровых, актрисы Лорны и врача Михала. Вместе со счастливыми родителями ликовал и старший брат близнецов Матей. Еще бы! Жил-жил один, а тут сразу Аня, Якуб, Войтех и Лукаш. Земляки и сограждане Ванчуровых разделили с ними не только радость, но и заботы. А они, разумеется, выросли в несколько раз. Пеленки и простынки, коляски и детское питание, ботиночки и книжки — немыслимо даже перечислить все подарки новорожденным. Государство тоже постаралось сделать для ребят все необходимое.

...Один мудрец сказал: главное богатство семьи — дети. Если так, то Лорна и Михал, несомненно, богаче любого миллиардера.

Сергей ИВАНОВ

«Я становлюсь свидетелем»

Фото А. ГЕРАСИМОВА

1

Бабушка, пользуясь тем, что у моего кабинета пусто, посадила внучка на колени и поведала мне свою историю:

— Вы ж, доктор, дочку мою знаете? Приходила сюда с мальчонкой. Так разводится дочка моя, вишь, какая канитель! Набаловала я ее в детстве. Сама-то ткачихой была, все на ногах да на ногах, в шумоте. Теперь ноги-то как у слонихи и болят без удержу. А дочка выросла, как былинка, стройная и лицом что ангел. Но вот характер ее проглядела я, дура. Не купишь, чего просит,— набычится, насупится, неделю будет молчать. В двух местах я работаю, а пенсию ей отдаю. Жалко мне ее, сосульку бедную.. Замуж-то она быстро выскочила, прямо в восемнадцать. Парень попался хороший, непьющий. Но студент, оно дело понятное, человек небогатый. Ну и не пришелся он ко двору моей расфуфыре... Почернел аж весь, по вечерам подрабатывая. Вишь, какая канитель. Ты не поверишь, а я рада была, что он от нее избавился! От него как раз и внучок остался, мне свет в окошке... А сейчас моя дурочка уж второй раз разводится. Этот оказался ну ровно ейный близнец — такой же эгоист. Родители у него инженера большие в каком-то управлении. И вот чуть что, разбегаются молодые по домам родительским. А инженера эти большие ездят от него к ней, от нее — к нему и мирят их. Ездили-ездили, кланялись-кланялись, да надоело, видать...

— Может, и к лучшему? — пожал я плечами.

— Ну, спасибо, что меня послушали, уважили.— сказала бабушка,— и вроде полегчало на душе, вишь, какая канитель...

2

— Моя жизнь — заколдованный круг! — сетует мужчина лет сорока.— Чем больше вкладываю сил в работу, тем меньше остается для семьи. А еще и общественник, заседания всякие, рейды. Жена-то понимает, она меня другим, наверное, и представить не может. А вот детям начинаю рассказывать — им, видите ли, скучно. И получается вроде отрицательный пример, понимаете? Ну что у отца за жизнь — завод да завод! Может, оттого и свихиваются дети у хороших родителей, как думаете?... И вот, как только я это понял, решил действовать. Собрал вечером своих сыновей — их у меня двое: тринадцать лет и одиннадцать — и объясняю технологическую цепочку сборки цветного телевизора. Мы их делаем, понимаете? Пусть не все дойдет сразу, но суть уловят. А на другой день приглашаю парней на завод. В проходной не пропускали, так я до директора дошел! Провел их вдоль главного конвейера, потом в испытательный корпус. И по глазам было видно: зауважали сыновья мою работу!

3

Четырнадцатилетний Вадик, к больной сестренке которого я приехал по вызову, рассудительно рассказывает мне:

— Я у папы — от первого брака, а Ленка у мамы — от ее первого брака. Ну, а Костик родился три года назад, когда мы все сошлись... Ну, бывает же, людям в жизни не повезет. У папы жена ... в общем... пила, а у мамы — муж.

Вадик отчетливо выговаривает каждое слово, а мне не по себе. Поеживаюсь, его слушая.

— Мама у нас певунья, недавно даже во Дворце культуры выступала. Знаете, как ей хлопали! А с папой мы спичечной архитектурой занимаемся.

Он показал на длинную самодельную полку, где стояли макеты: телебашня, избушка на курьих ножках, двухэтажный дом.

— Костик здоровым растет (и тут же в сторону деловито): «Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!» А мы с Ленкой прибаливаем... Но ничего, на физкультуру напираю. Летом пойдем в турпоход, целый месяц всей семьей будем в лесах жить, в палатке.

Вадик помолчал и вдруг закончил решительно:

— Я вам неправильно сказал, что маме и папе в жизни не повезло. Наоборот, повезло, что все мы встретились...

4

Окончил обход. У своей палаты поджидает меня пятилетняя Ирина. Она из тех, кто обожает «жизненные» разговоры.

— А у вас дома кто? — спрашивает.— Мальчик или девочка?

— У меня дома два мальчика, два сына,— отвечаю ей.

— А мама у них красивая?

— А не слишком ли много вопросов?

— Ну и подумаешь,— обижается Ирин-

ка,— можете не отвечать! Я вам зато про своих папу с мамой не расскажу.

— Расскажи, пожалуйста,— прошу я.

— Ну ладно,— моментально соглашается Иринка.— У меня папа с мамой, знаете, какие? Как жених и невеста.

— Да ну?...

— Они друг без друга ни минуты не могут. Мама на папу посмотрит — улыбается. Папа на маму посмотрит — и улыбается. Танцевать очень любят. И я тоже. А один раз мама заболела. И папа один и за ней ухаживал, и за мной, и за домом.

— Ну, а ты ему не помогала?...

— А мне когда? Я в детсаду. А потом меня в деревню к бабушке отправили. Если бы не отправили, я бы, конечно, папе помогала...

5

— Петя, а не страшно тебе одному? — спросил я мальчика.— Квартира большая, а ты еще маленький.

— Во-первых, я не один! — сказал Петя и похлопал по книжке.— Со мной Винни-Пух и его друзья. А во-вторых, мне уже пять лет. Папа считает: стыдно бояться одиночества, тишины и темноты.

— Молодец ты,— говорю я рассеянно, выписывая рецепты.— Прямо вундеркинд!

— Я нормальный,— возразил Петя.— Только с повышенным коэффициентом интеллектуальности.

— Чего-чего? — переспросил я.

— Ай-кью! — отчеканил Петя.

— А кто твои родители, нормальный ребенок? — Я дописал рецепты, но уходить не хотелось: было интересно и чуточку смешно.

— Папа — аспирант, мама — кандидат наук. Они со мной день по-немецки, день по-английски говорят.

— А по-русски?

— По-русски — когда сердятся. А вот, хотите, покажу?

Петя провел меня к письменному столу и открыл верхний ящик. Там стояли две коробки из-под конфет: на одной снежинки синие, а на другой — зеленые.

— В этой — папины деньги, в этой — мамины,— объяснил Петя.

— На кухне они тоже по очереди? — спросил я.

— А как вы догадались?

— Я же много семей вижу, Петя. Ну, мне пора!

Я сунул в портфель стетоскоп и свои бумаги.

— Посидите еще немного,— тихо попросил Петя.

И вдруг я прозрел: передо мной маленький мальчуган, которому скучно и страшно одному в пустой квартире...

6

Вася заходит в кабинет вместе с мамой и сразу требует:

— Хочу кису!..

Медсестра снимает плюшевую кошку со шкафа. Вася мнет ее в руках, взглядывает хитренько на мать и бросает игрушку на пол. Мать нагибается за игрушкой.

— Хочу тубочу! — И тянется к моему стетоскопу.

— Трубочку надо у доктора попросить,— советует мама.

— Это не игрушка,— объясняю я спокойно.

Вася гневно оглядывается на мать и топает ногой.

— Хочу эту! — И густой басовитый рев наполняет кабинет.

— Купим трубочку, Васенька,— квохчет женщина.— Скажу отцу, он из-под земли достанет!

Я молча смотрю на Васю. Жду.

— Доктор, ну дайте вы ему только подержать! Он у нас такой нервный, зачем его раздражать.

Мать притягивает к себе малыша и покрывает его голову поцелуями. Я молчу... Стыдно...

7

Рослый пятилетний мальчик невозмутимо спокоен. По моему приказу послушно поворачивается, задерживает дыхание, приседает. Он пришел на прием с отцом — хмурым, немногословным мужчиной.

— Борь, ты маме с папой помогаешь? — спрашиваю.

— Не-а!

— Что же так? Мой Санька на год тебя младше, а уже посуду моет с мамой.

— С этого все начинается,— хмыкает отец.— А в результате? На одного посмотришь, на второго — в плену. Женщины захватили все!

— Что вы имеете в виду?

— Ну, хорошо, давайте по пунктам. Живут они дольше нас? Еще прибавьте, что они терпеливее, усидчивее, настырнее мужчин. И выглядят как?

— Так что же, ругать их за это? По-моему, наоборот, восхвалять!

— Восхваляйте, так она совсем...— У него даже горло перехватило.

— Жаль, что вы так настроены.— Больше не нашел я, что сказать...

А вечером, войдя в квартиру, объявил с порога:

— В плен пришел сдаваться!

Жена улыбнулась и спросила участливо:

— Очень устал?

8

Николай — столяр, вдвоем с напарником ремонтируют они в больничном коридоре рамы.

— Дед Егор у нас такой — спуску никому не дает! — белозубо улыбается мне он.— Вообще-то бригадир он знающий, но любит поворчать, потому и прозвали его «дедом Егором». Он, между прочим, не только работает, но и жизни нас учит. Я лично, как женился, очень раздражался на жену поначалу. Все она как-то бестолково делала. Не по-нашему, не по-рабочему. Она у меня бухгалтер, между прочим... Ну вот, после ругани был я на работе немного взвинченным. А у деда Егора глаз, что ватерпас.. Выкладывай, говорит, чего у тебя дома. Выслушал и говорит этак хитренько: ругаться, мол, не бросай — ругайся, если душа просит. Но ты предупреждай жену вслух, ты так и скажи: сейчас мне, Катя, хочется поругаться с тобой из-за того, что суп несоленый. Она успеет свою нервную систему приготовить к твоей ругани, все честно-благородно... И, знаете, помягче стала наша ругань.

А как быть, спрашивает, когда жена на тебя нападает? Вот представь: пришел с работы, а твоя Катя — туча тучей. Что ты будешь делать?.. Ну, прикрикну на нее как следует. А он свистнул: «Глупый! Криком теперь даже ворону не напугаешь, не то что современную жену. Хвали ее тут же! Катя, скажи, какой борщ ты вчера сварила — просто сказка. Я на твоем борще сто двадцать процентов за смену выполнил! Или там: Катя, от белья снегом свежим пахнет... С чувством скажи: женщины любят про природу...»

Проверенный, доктор, рецепт. Не хотите попробовать?

9

— У вас квартира как музей! Идеальный порядок,— хвалю я Людмилу Борисовну, закончив осматривать ее дочку.— А у меня пацаны такой тарарам устраивают, что жена за голову хватается.

— Ничего,— грустно улыбается Людмила Борисовна.— Просто вы любите друг друга.

— Какая тут зависимость?

— Прямая. Когда любовь проходит, домашний труд нужен как воздух. Тогда он спасение, отдушина.

Людмила Борисовна говорила вроде бы для себя, а не для меня.

— Как же страшно и пусто бывает, если делать нечего... Сядешь, руки на колени положишь — и словно пропасть видишь. Даже голова кружится. Выискиваешь скорей любую работу, любые хлопоты по дому.

Она словно очнулась, вспомнила, что ее слушают, и застыдилась. А я, чтобы не длить смущение, попрощался наспех и ушел из ее чистой, уютной квартиры...

10

В комнате кавардак. Узлы, чемоданы на полу. Солнце за голым, без занавески, окном — словно невыключенная лампочка.

Единственный островок уюта и покоя — детская кроватка. Она светится желтыми деревянными реечками и чем-то напоминает старинный аэроплан. Она дает комнате крылья.

Хозяйка Светлана Петровна, растрепанная, босая, радостно встречает нас, патронажную сестру и меня.

— Проходите, пожалуйста! Не пугайтесь только! Мы всего второй день как въехали.

Она отодвигает чемодан, освобождая нам дорогу к малышу.

— Что, очередь подошла? — интересуюсь я.

— Да я в очереди восемь лет, но все отодвигали: без семьи. А теперь вот она, моя семья,— Светлана Петровна снова хохочет.— Я его как первый раз покормила, так и почуяла: к сердцу прирос... Ну, а если папа какой Коленьке обнаружится, тоже, конечно, неплохо.

Мы с медсестрой подходим к ребенку, разворачиваем его, и он пускает фонтанчик, приветствуя нас...

11

Дед краснощекий, усатый, лысый. От него прямо-таки веет здоровьем и бодростью. Встретились на улице и слово за слово — разговорились.

В одной руке дед держал сетку с кефиром, а второй время от времени «дирижировал» в такт словам.

— Какая-то нелепость: общественно полезное — лишь то, что делается вне семьи. Вот я, скажем, пенсионер. За внуком смотрю. Ну, да вы его знаете — лечили.... Родители вечно в экспедициях, мальчишка вольный, разболтанный. А у меня глаз не тот и нюх не тот, что у них, молодых. Чуть не проморгал парня... Торчит по вечерам в подворотне с какими-то гопниками, спиртным, слышу, попахивает. Тут как раз родители приехали. Вступайте, говорю, в садоводство. Удивились, но заплатили взносы и умчались в следующую экспедицию. Едем с внуком смотреть участок: болото болотом, даже клюква растет...

Думаете, я испугался? — Дед озорно подмигнул мне.— Наоборот, обрадовался. Говорю парню: «Вот тебе случай заработать на электрогитару. Так бы картошку да лук в магазине покупали, а приведем участок в божеский вид, все на нем и вырастет. Сэкономим...» Я и сам не ожидал, что так его это заинтересует. Забот выше головы. Выкорчевать березы, сделать дренажную систему — сколько мы тех канав нарыли, не пересчитать. Земли привезти хорошей, времянку строить... Увлекательное дело, доложу я вам!

Он смотрит на меня победно, усатый, сильный, славный дед. И когда мы расстаемся, я думаю, что мне тоже хорошо бы взять садовый участок. Сумел же дед свой участок сделать воспитующим. Неужели я не сумею? У меня тоже дети растут...

Когда она начинается, взрослость? С какого дня вести отсчет самостоятельной жизни? Самостоятельной не по внешним признакам, потому что нет у тебя пока настоящей работы и заработка, по-прежнему сидишь ты за школьной партой и материально во всем зависишь от родителей. Но мы ведем речь о самостоятельности внутренней, духовной. Может, начало ее там, где человек впервые серьезно попытался оценить себя как личность, сравнить со сверстниками, с литературными героями?

Каждый день приходят в «Подружку» письма. Среди них и письма-самооценки. Смешные и грустные. Наивные и мудрые. Откровенные и надуманные. Мы выбрали из свежей почты два, полярно противоположных. Если первое пронизано растерянностью и неприятием сегодняшней своей жизни, второе, напротив, исполнено самодовольства. Но вчитываешься внимательно в строчки — и веришь, что автор первого письма сумеет нащупать правильный путь. И хочется поспешить на помощь не ей, которой сегодня так грустно и горько, а той, что бездумно веселится...

А у вас не такое мнение?

Я ДОГОНЮ ВАС!

Когда я отправлю вам это письмо, буду считать, что дала обещание не только себе, но и незнакомым мне людям.

Какого рода мое несчастье? Нет, я не заболела, не потеряла кого-то из близких, и семья у нас не разрушилась. Сыта, одета не хуже подруг... Но дело в том, что этим летом неожиданно для себя я поняла: тот образ жизни, который я веду в последнее время,— бессмысленное и тусклое прозябание. Сегодняшний день ничем не отличается от вчерашнего, ничем всерьез я не увлекаюсь, хотя учусь вроде бы нормально.

К девятому классу каждый так или иначе определяет свое призвание. Я давным-давно решила стать самой-самой лучшей, самой-самой справедливой, честной, доброй учительницей. Любить маленьких, наивных ребятишек и, в свою очередь, быть ими любимой. Стать им другом и защитницей, образцом для подражания, не щадить для этого ни сил, ни времени... Ну а теперь с горечью думаю: что способен дать детям неинтересный, серый человек? Для того, чтобы прийти к такому выводу, надо было мне встретиться в лагере труда и отдыха с двумя мальчишками из соседней школы, Валерой и Глебом. Мы вместе были в так называемом педдесанте, организовали сельским ребятишкам пионерский лагерь, после работы на поле выступали с концертами, проводили сборы, выпускали стенгазету. Валера и Глеб тоже хотят поступать в педагогический, на математику. Так знали бы вы, насколько они оказались эрудированнее меня, и не только в точных науках: и про книги рассуждают, о которых я не слышала, и биологией интересуются,и медициной, и кинорежиссеров знают... Ребята к ним так и липли, а я, оказывается, и общий язык найти с детьми не умею.

В общем, дружить мне с Валерой и Глебом на равных очень трудно. Не знаю, разобрались ли они, что имеют дело с серостью. Да и что взять с человека, который запустил себя? В седьмом классе бывшая отличница покатилась под откос: один раз позволила себе не выполнить домашнее задание, второй... Всегда найдешь, как убить время — то к подружке забежишь поболтать, то магнитофон гремит до самого прихода родителей... Запас знаний, накопленных за первые школьные годы, как-то выручал. Учителя послушаешь, пробежишь на уроке глазами по страничкам учебника. Конечно, улавливала я порой разочарование учителей, но всерьез над этим не задумывалась. Друзья тоже переменились: раньше избирали председателем совета отряда, а в восьмом в комсомольское бюро и не выдвинули...

А мама с папой еще и сочувствуют: мол, трудности переходного возраста, главное — здоровье, не расстраивайся из-за отметок, в десятом возьмем тебе репетиторов. Вот не поверите: подружка моя жалуется на отца, он очень требовательный и строгий, а я ей завидую. Меня бы тогда, в седьмом классе, встряхнуть как следует! Заставить! Хотя, конечно, тогда я едва ли оценила бы такие методы воспитания...

Хватит ли у меня силы воли выпутаться из однообразной и вялой жизни? Уверена, что хватит. Как только вернулась из лагеря, побежала в библиотеку, набрала книг. Утром делаю основательную зарядку и обливаюсь холодной водой. Повесила над тахтой режим и неуклонно его выполняю.

Вчера Валера и Глеб пригласили меня на концерт. Я-то думала, что они любят музыку только симфоническую, а тут гастроли обычного ВИА. Просто повеселились, посмеялись... На душе стало полегче. Ничего, мальчики, я вас догоню! Противное чувство, когда за себя стыдишься.

ЛЕНА

г. Липецк.

ЖИТЬ СЕГОДНЯШНИМ ДНЕМ!

Здравствуй, «Подружка»!

На твоих страницах часто возникает разговор о любви и верности. Понятно, для молодежи эти темы самые острые и волнующие. Недавно у нас в классе возник крупный спор по поводу современной молодежи. Наш комсорг сказал примерно такую речь: «Вот раньше парни с девушками действительно дружили, а не проводили время. Если он уедет в армию или на стройку — она на другого и не посмотрит. А как сейчас? Сегодня с одним не разлей водой, а завтра уже с другим...» При этом он многозначительно поглядывал в мою сторону, хотя разговор вроде бы не переходил на личности. Я сделала вид, будто меня спор не интересует, но вообще-то надоело...

И не думаю скрывать своего мнения. Если девушка пользуется успехом (а я как раз не из дурнушек), нелепо требовать от нее затворничества. Сиди у окошка и жди рыцаря на белом коне? А если не дождешься? Я считаю, в моем возрасте ничего серьезного все равно быть не может. Сегодня один пригласил на дискотеку, завтра другой на день рождения, послезавтра компания идет в бар и тебя просят не отказываться. Чувствуешь себя интересной и нужной многим. А с одним со скуки умереть можно.

Мне подруги говорят: «Леська, ну как ты можешь? Ты же Стасика в армию проводила!!!» Конечно, Стас — клевый мальчик, но тем не менее два года губить из-за него не собираюсь. Я ничего ему и не обещала. А пока хватит с него моих писем.

Мне смешны плаксивые особы, строящие из себя в наше время тургеневских девушек: «Ах, он меня бросил», «Ах, он мне изменил», «Или он, или никто...». Послушайте, пора уже давно, кажется, понять, что на дворе двадцатый век. В жизни нет любви, все просто и грубо. Мое правило: живи сегодняшним днем, от молодости нужно брать все, а то потом муж, дети, ответственность...

Вы едва ли опубликуете мое письмо, но если опубликуете, то в ответ кто-нибудь обязательно напишет: «В твоем возрасте стоять на таких позициях... Мне тебя просто жалко». Не смейте меня жалеть! Я счастлива.

ОЛЕСЯ Л.

г. Джезказган, Казахская ССР.

...«Феличи-та́, феличи-та́»... Знакомо, не правда ли? Стоит раз услышать, и запомнишь накрепко. Куда там «Миллиону алых роз» тягаться с магическим, будто заклинание шамана, «феличи-та́»! Лишь начинает светать, доносится из соседних квартир: «О, миа преферита, аморе, дольче вита» — божественный итальянский, прославленный незабвенным Петраркой... Увы, теперь он звучит в устах безголосых исполнителей с берегов далекого Средиземноморья. Их еще называют "шептунами", а песенки, которые "шептуны" плодят без устали,— «спагетти-поп». Термин этот обозначает...

Макароны готовить приходилось? Можете отличить одну «спагеттину» от другой? Я — нет. Так и песенки: вроде одинаковые, да с разными специями, и потому глотает их тамошняя публика из года в год, не давится. Уже привыкла, вроде бы песенно-гастрономическую традицию соблюдать необходимо, она «итальянский дух» выражает.

Бывший торговец хозяйственными товарами, из которого титаническими усилиями продюсеров за несколько месяцев удалось сотворить «певца», известного ныне как Пупо, определил «итальянский дух» незатейливо: «Любовь и солнце, пляж и море — и я забываю о неприятностях. Простенькая мелодия улучшает настроение, а оптимизм исполнителя делает его и вовсе безоблачным. Темы — мечты о домашнем уюте и верности любимого, о тихом счастье в кругу семьи»...

Короче, дух этот в понимании изготовителей «спагетти-поп» — песенки в стиле 50-х годов, но в обрамлении электронного шелеста синтезаторов. А фабрика, где их производят, находится в Сан-Ремо.

...В конце 40-х «столица итальянской эстрады», как пышно именуют журналисты Сан-Ремо, была всего лишь захудалым курортным местечком: здесь проводили отпуск коммивояжеры, мелкие чиновники и владельцы небольших магазинов — они приезжали из Генуи, чтобы вдали от городской суеты найти покой и уединение на берегу Лигурийского моря. Трудно сказать, почему дельцы зарождавшегося тогда итальянского шоу-бизнеса выбрали именно Сан-Ремо для проведения ежегодных поп-фестивалей, однако скоро, в 1951-м, был организован «большой смотр талантов». И с первых же конкурсов итальянские фирмы грамзаписи начали возрождать, как они утверждали, «исконные традиции». А по сути — карамельно-сусальную эстраду давних лет, но под ура-патриотическим лозунгом «Национальное — превыше всего». Дискуссии в печати, на радио, по

ЭТОТ БЕЗЛИКИЙ «СПАГЕТТИ-ПОП»

...У многих из нас есть записи итальянских певцов и певиц. Нам они очень нравятся, хотя и не понимаем, о чем поют. Может быть, вы расскажете в «Подружке» об этих исполнителях? **Марина, Олег, Наташа...** (всего 12 подписей).

Ленинград.

телевидению заставили людей поверить в искренность магнатов пластиночной индустрии. И Сан-Ремо объявили «витриной настоящего песенного искусства».

Так было лет тридцать назад. Теперь же... «Фестиваль — это большая, хорошо отлаженная машина, в которой задействованы огромные финансовые интересы» — такую оценку дал «витрине» журнал «Эспрессо». Причем финансовые интересы не только местных шоу-бизнесменов, но и межнациональных «шлягерных корпораций» типа «Евро-сонг контест». «Евро-сонг контест» получает сотни миллионов чистой прибыли за счет рекламы, назойливо вклинивающейся в телетрансляцию фестиваля. Фирмы же грамзаписи не только не остаются внакладе, но зарабатывают в несколько раз больше.

Доходит порой и до скандалов. В этом году, например, уже во второй раз устроителем фестиваля было акционерное общество «Публиспей» и его «поверенные в делах» Джанни Равера и Клаудио Консорти. За несколько дней до начала песенного конкурса городские власти возбудили против них судебное дело — по подозрению в распродаже призовых мест, получении крупных взяток от конкурирующих фирм и... заурядном воровстве денег из призового фонда.

Мнение журналистов: «Результаты Сан-Ремо-84 фальсифицированы». Мнение шоу-бизнесменов: «Фестиваль — это курочка, несущая золотые яички». Спорить не приходится: около четверти дисков, которые продаются ежегодно на Апеннинах, записаны участниками и победителями Сан-Ремо. Меломаны, особенно из числа юных, охотно покупают диски, напетые любимцами, хотя мнение публики в целом таково: «Песни, звучавшие в последние годы на фестивале, посредственные». Да, посредственные, но запоминающиеся. Почему? Благодаря ухищрениям продюсеров.

Есть такое понятие в поп-музыке — «хук», то есть «крючок», яркая мелодическая строка, обычно в припеве, которая «заглатывается» слушателями независимо от желания. Вспомните, многим, даже тем, кому «медведь на ухо наступил», приходилось напевать: «Феличи-та́, феличи-та́». Это и есть «хук». Опытные сочинители шлягеров начинают именно с «крючка», а потом уже «дописывают» всю композицию.

Далее. Песня должна быть выдержана в определенном мелодическом и ритмическом ключе. По утверждению штатных психологов-музыковедов итальянских фирм грамзаписи, 40 процентов мажорной тональности, 60 процентов — минорной; темп — средний, с четко акцентированными вторыми долями. Голос — с едва заметным придыханием и легкой хрипотцой. Специфическое звучание достигается благодаря тщательной шлифовке в студиях звукозаписи. Многоканальные — с электронными фильтрами — магнитофоны позволяют нивелировать любой тембр, добиваться «синтетического» звучания голоса. Именно это делает похожими друг на друга практически всех исполнителей «спагетти-поп», ведь на сцене они поют под фонограмму...

Но зачем, спросите вы, нужно всех делать похожими? В том-то и секрет коммерческой музыки: покупают охотнее уже знакомые образчики. А для этого в сознании потребителей из года в год закрепляются определенные стереотипы. Вкус формируется на основе разработанных специалистами методик, а он, в свою очередь, на пять-шесть лет вперед определяет спрос. Музыка «пропихивается» на рынок наравне с прочими массовыми товарами — носками и макаронами, печеньем и пивом. Индустрия развлечений категорически не терпит неожиданностей, то есть появления самобытных певцов.

Даже имена любимцев публики весьма похожи одно на другое. Пупо или Тото, Пиппо или Патти — будто клички болонок. И поют они об одном и том же. «Феличита» — счастье, «аморе» — любовь. Ну, еще «соле» — солнце и «маре» — море, «федельта» — верность и «традименто» — измена. Кажется, все. Да, чуть не забыл: «дольче вита» — сладкая жизнь.

Увы, жизнь у «шептунов» не такая уж сладкая. Чтобы погреться год-другой в лучах славы, приходится участвовать не только в «крысиных бегах» за призовое место, но и продавать себя со всеми потрохами фирмам грамзаписи. И тогда менеджеры заставляют петь о любых пустяках и вынуждают молчать о действительно злободневных для Италии середины 80-х проблемах. Мало ли животрепещущих тем! Но только не для «спагетти-поп» — итальянский для «шептунов» не выносит таких слов, как «дисоккупационе» — «безработица»...

В 60-е годы среди ценителей народной песни был хорошо известен Луиджи Тенко — итальянский шансонье, «кантаутори». Этот высокий парень исполнял серьезные песни собственного сочинения, он пел о том, что волновало простых людей. В 1967-м Тенко попытался было принять участие в конкурсе Сан-Ремо. И его провалили — не пришелся ко двору. Тогда в минуту тягостного отчаяния Луиджи выстрелил себе в висок. В предсмертной записке говорилось: «Пусть моя смерть заставит кое-кого по-иному взглянуть на жизнь». На реальную, а не на ту, которую воспевают изготовители и исполнители «спагетти-поп».

Ал. НАЛОЕВ

Где бы мы ни жили: в вагончике, в балке, в общежитии, в комнате коммуналки, в квартире или в собственной избе,— все это мы называем коротко и исчерпывающе — дом. Дом в жизни каждого человека значит нечто большее, чем просто крыша над головой. Дом — это уклад жизни, традиции, привычки. Это события и происшествия, которые и через десять лет не надоедает вспоминать. Дом — это семья.

У Максимовых дом только начинается. Совсем недавно въехали они в трехкомнатную квартиру площадью в 37 квадратных метров. Первой переступила через порог Светланка с горшком в руках, за ней остальные. Вале и Гене показалось, что они заново родились. Еще когда они поженились, сразу же стали мечтать о своей квартире. Мечта была столь жгучей, что они рисовали на листке бумаги предполагаемый план двухкомнатной (о большем и не помышляли) секции и планировали, где что поставят. Но до того момента, как это стало явью, прошло 10 лет.

До свадьбы Валя и Гена жили в общежитии — каждый в своем. Поженились — стали снимать за 30 рублей комнату в частном доме на окраине. Все удобства, как говорится, во дворе. Но Максимовы были довольны, потому что хозяева попались добрые, разрешали даже гостей приглашать и песни напевать. Благосклонно они восприняли и рождение Алешки, правда, плата увеличилась на 5 рублей. Три года прожив на частной, Максимовы получили квартиру в общежитии гостиничного типа, так называемую «малосемейку». Чтобы ускорить вселение, как мы помним, Вале пришлось год поработать кладовщицей на Генином заводе.

«Малосемейку» они восприняли как роскошь: обустраивались, как хотели. Я еще их застал там. Крошечная прихожая, она же кухня. Две комнатки площадью 18 квадратных метров. Туалет. Ни ванны, ни душа нет. Горячей воды нет. Вале негде было сушить белье, так как не имелось балкона. Большая комната, у которой высота больше ее ширины, играла множество ролей: гостиная, спальня для детей, даже кабинет — когда Гена учился в институте, здесь он корпел над контрольными. Во второй комнатке уместились только кровать и шкаф. Тесно...

— Ну что вы! Просторно,— улыбается Валя.— На Генин день рождения поместилось 20 гостей. Даже место для танцев было. Правда, мебель пришлось вынести в коридор.

В «малосемейке» семья Максимовых увеличилась. Родилась Светланка. Стены квартирки будто сдвинулись.

— И все-таки решились еще на одного ребенка? — спрашиваю.

— Гена и я мечтали о девочке,— глянула Валя на Светланку, возившуюся с куклами.

— А я колдовал, чтобы родился брат,— расстроенно прокомментировал третьеклассник Алеша.

Гена и Валя укоризненно посмотрели на сына. Ничего не попишешь: все на виду. Дети слышат разговоры взрослых. Приходят гости — Алешка и Светлана тут же. Лишнего слова не позволишь себе — маленькие подхватят, переиначат, где-то выпалят — красней потом. Валя шутит: потому они с Геной никогда не ругаются, что дети не дают. При них нельзя, а пока их выпроваживаешь погулять на улицу, пропадает настроение ругаться. Глядишь, уже примирительно взглянули друг на друга, рассмеялись.

Ясно, что 18 «квадратов» (Валино выражение) Максимовым было мало. У Вали в конторе квартиры давали редко, зато у Гены завод жилья строит много. Но и очередь велика. Первыми получают, что, разумеется, справедливо, жилплощадь ветераны. Но жилищные проблемы молодежи тоже не забывают.

В стране есть разный опыт их решения. У Гены на заводе это делают в три этапа: обычное общежитие — общежитие гостиничного типа для малосемейных — квартира. Расчеты демографов показывают, что «малосемейки» должны составлять не менее 60—70 процентов среди рабочих общежитий. Пока их доля в четыре раза меньше. Больше должно строиться и однокомнатных квартир. В Москве, например, принято решение значительно увеличить строительство домов с однокомнатными квартирами, разработаны специальные проекты.

Естественно, что в социалистическом обществе жилищные проблемы населения решаются в значительной степени за счет государства. Наше государство заинтересовано в том, чтобы члены общества имели такие жилищные условия, которые благоприятствовали бы всестороннему развитию личности, повышению благосостояния. Для убедительности взглянем на цифры. В 1982 году в СССР было построено жилых домов общей площадью 110,5 миллиона квадратных метров, 10,1 миллиона человек получили новые квартиры или улучшили жилищные условия.

В последнее время все большее распространение получает строительство «инициативного» жилья. Предприятия своими силами возводят дома. Строители — будущие жильцы. Развивается «инициативное» строительство и на Генином заводе. Максимовы без раздумий согласились в нем участвовать. Почему? Гена был в цехе 28-м очередником на жилье. В год на цех выделяют в среднем 3—4 квартиры. Получалось, что им ждать еще более девяти лет. А «инициативный» дом должны были ввести в строй через три года. Арифметика простая.

Четыре часа в день Гена проводил на стройплощадке: если ему на завод во вторую, то на стройку идет к семи утра, если в первую, то отрабатывает свои часы вечером. Я спросил: не тяжело? Гена ответил: «Тяжело, когда простаиваем. Со стройматериалами часты перебои».

И вот неописуемо счастливые Максимовы въехали в трехкомнатную квартиру. Это, конечно, отразилось на семейном бюджете. Еще в 20-х годах было установлено, что плата за жилплощадь в СССР не должна превышать 10 процентов заработка семьи. В настоящее время она составляет 3 процента общих доходов семьи. В среднем за каждый квадратный метр жилья государство доплачивает 4 рубля в год. Сумма квартплаты в «малосемейке» для Максимовых была настолько незначительна, что Валя никогда не откладывала специально деньги на это. Отправляясь за покупками, она в числе многих трат делала и эту — вносила деньги за пользование квартирой и коммунальными услугами. Когда въехали в трехкомнатную квартиру, плата, естественно, выросла и составляет 22 рубля вместе с услугами.

Новая квартира потребовала расходов, что вполне естественно. Первым встал вопрос о мебели. Кровати, шкаф у них были. Друзья подарили на новоселье стол со стульями и пылесос. Но хотелось мебельный гарнитур, включая «стенку». Я спросил их, не означает ли это, что они хотят обставиться, «как у всех».

— Мне чем «стенка» нравится,— обосновала намерение Валя,— в нее многое можно уместить: и одежду, и белье, и разное барахло, которого всегда много. Можно туда и посуду составить.

Максимовы заранее учитывали в своем бюджете будущую квартиру и связанные с ней расходы. И поднакопили 1 тысячу 503 рубля. Что покупать в первую очередь? Поразмышляв, они решили со «стенкой» погодить. Начать обставляться с кухни, где они проводят немалую часть времени. Приобрели за 332 рубля набор кухонной мебели да холодильник «Минск» за 395 рублей. Появился у них цветной телевизор «Юность». Чтобы удобнее его было смотреть, купили два кресла. Кроме того, понадобилось купить шторы, тюль, карнизы для них, светильники, палас, посуду, обить входную дверь. На разные мелочи ушла куча денег.

В прихожей Гена соорудил встроенные шкафы, оклеил их обоями под цвет стен — получилось очень симпатично.

Короче, когда они более или менее обустроились, на сберкнижке у них осталось 49 рублей. На «стенку» не хватало. Максимовы не унывают. Впереди у них вся жизнь. И от них зависит, как будет обставлена их квартира. Пока в комнатах пустовато. Но это, согласитесь, лучше, чем тесновато. Главное в другом: их квартира — это дом. Теплый, приветливый, уютный. «Дом должен быть не суммой комнат, а организмом»,— написала однажды Надежда Константиновна Крупская. Очень точная формула для каждого из нас.

Итак, у Максимовых три комнаты. Социологи, правда, считают, что в перспективе количество комнат должно на единицу превышать число членов семьи.

— Пять комнат для нас? — поражена Валя.— Куда столько?

Принялась смотреть. Пока комнаты распределились так: детская, спальня для взрослых, зал. Уже то, что Алешка и Света определены в одну комнату, не совсем удобно. А подрастут, ясно, что девочке и подростку нужно будет отвести по комнате. Тогда спальня совместится с залом, что нежелательно для Максимовых. Поскольку Гена работает то в первую, то во вторую смену, часы сна у него сдвигаются. Надо четыре комнаты.

— А пятая зачем?

— Пятая — кухня.

Оно и верно. Кухня в некоторых странах

считается за комнату. Кухня — Валино царство. Ей из нее и выходить не хочется.

Исследования, проведенные в Латвийской ССР, показывают, что третий ребенок в семье рождается после улучшения жилищных условий. Об этом я завел разговор с Геной.

— А что? Еще один пацан не помешает,— охотно поддержал тему глава семьи.

— Повтори, что ты тут замышляешь! — Валя выскочила из кухни с недочищенной картофелиной.

Да, не быть, видно, Максимовым многодетной семьей.

Николай АНДРЕЕВ,
экономический обозреватель «Работницы».

ПОСТСКРИПТУМ. Чем занимаются Максимовы, когда не работают? Об этом — следующее письмо.

Читатели, а в особенности читательницы, весьма заинтересованно откликнулись на выход «экономических писем из семьи». И неудивительно. У каждого есть что сказать по этому поводу, так как о семейных расходах и доходах мы знаем не понаслышке, а сталкиваемся с ними ежедневно. Возникли у некоторых читателей сомнения, а то и возражения по поводу той или иной статьи бюджета Максимовых.

Большие эмоции вызвало приобретение Максимовыми «Москвича», это-де нетипично. Но смотрите: каждая двенадцатая наша семья имеет машину. Что касается конкретно Максимовых, то мы давали раскладку, как они собрали необходимую сумму. Хотелось бы только уточнить: наверное, не все обратили внимание на то, что они 7 лет никуда не выезжали в отпуск. Отдыхали в деревне, у родителей. Отпускные деньги не расходились, и к тому же Максимовы зарабатывали себе пропитание на зиму. Согласны, что не у всех есть такая возможность — обеспечивать себе стол с деревенского огорода, но пока в стране значительная доля продуктов поступает с личных подсобных хозяйств.

Кое-кому показалось нереальным откладывать по 600—700 рублей в год. Согласны, это не для каждой семьи легко. Хотя это не означает, что деньги в сберкассе лежат без движения. Нужно что-то купить (к примеру, тот же магнитофон), Валя берет со сберкнижки. Получили квартиру, и это радостное событие ввело их в солидные траты. А что было бы, не имей они накоплений? Сейчас у них осталось на книжке 49 рублей, а им еще столько надо — мебель, посуду, палас в зал. У Гены нет зимнего пальто, у Вали — выходного платья. Можно, конечно, упрекнуть Максимовых, что они приобрели Гене джинсы за 180 рублей, а Вале сапоги за 145. Но учтем, что они еще достаточно молоды и не всегда в силах устоять перед неразумными тратами.

Некоторым читательницам показались заниженными расходы Максимовых на питание. Хозяйки посчитали, сколько выходит на каждого из Максимовых в день: поделили 1593 рубля (сумма, истраченная на продукты) на число дней в году. Но не упускаем ли мы при таком счете некоторые существенные моменты? Например, то, что у Гены обед на заводе со скидкой, а в ночную смену бесплатно. Что Светланка питается в детском саду (кроме выходных и праздников) и что Алешка находится на «продленке», а летом уезжает в лагерь. (Впрочем, о тратах на детей у нас предстоит отдельный разговор.) Если все учесть, то на питание у Максимовых уходит приблизительно по полтора рубля в день. Много это или мало? Максимовым хватает.

Нас радует, что читатели столь горячо и заинтересованно обсуждают экономическую жизнь семьи Максимовых. Стало быть, тема оказалась актуальная, волнующая многих. Пишите, задавайте вопросы, готовы ответить на них.

КОЕ-ЧТО ОБ УМЕНИИ ГОВОРИТЬ И СЛУШАТЬ

Деловая жизнь — это постоянное общение, обмен мнениями, спор, реплики, выступления, обсуждения. Короче, женщинам на службе приходится довольно много говорить. Но все ли из них умеют это делать с пользой для себя и для других?

До чего же часто приходится наблюдать, как люди не умеют просто и понятно изложить свою точку зрения, отстоять свою позицию, убедительно доказать свою правоту, спокойно выслушать доводы оппонентов. Как много совещаний превращается в «говорильню», а деловое обсуждение проблем переходит в перепалку.

Как же избежать этого? Что главное в умении говорить?

Прежде чем сказать слово, спросите себя: а есть ли необходимость вступать в разговор? Беда многих разговоров, совещаний — неумение поставить точку, вместо обсуждения вопроса участники демонстрируют искусство толочь воду в ступе. Занятие это, может, и интересное, но абсолютно бесполезное. Более того, вредное, поскольку теряется самое дорогое, чем мы располагаем,— время. К тому же длинно говорить совсем не означает говорить убедительно. Еще Вольтер справедливо заметил, что секрет быть скучным состоит в стремлении рассказать все.

Сформулируем правило первое: чем короче говоришь, тем больше скажешь.

Если деловая женщина берет слово, то не по пустякам, а когда она намерена сказать что-то принципиальное, внести свежий поворот в разговор. В своем выступлении она ясно излагает свою позицию, объективно рассматривает позицию оппонентов. Деловая женщина не затрагивает проблем, в которых разбирается смутно, и уж тем более не позволит себе голосовать «за» или «против» какого-либо предложения, пока не уяснит его суть и не проанализирует последствия, из него вытекающие.

Потому правило второе будет звучать так: выступающего ведет не слово, не чужое мнение, а дело.

Особая тема — умение говорить с трибуны. С одной стороны, никто вас не перебьет, не возразит, говори и говори. Но, с другой стороны, унылость выступления, его беззубость, обтекаемость способны навести сон на самую благожелательную аудиторию. Когда на вас направлено несколько десятков, а то и сотен пар глаз, тут каждое слово должно быть весомым и убедительным. Бойтесь трескучих фраз. Избегайте назидательного тона, который вообще мало уместен в разговоре между деловыми людьми, а при публичном выступлении к тому же может выглядеть и смешным, пародийным.

Нелишне напомнить: успех выступления закладывается еще при его подготовке. Согласитесь, что человек, выступающий без бумажки, выглядит естественнее и непринужденнее, чем оратор, уткнувшийся в листок. Правда, если вы выступаете с докладом, то тут, ясно, отступать от текста вряд ли нужно. Во всех других случаях от текста писаного лучше отказаться. Да и доверия больше тому выступающему, который не боится смотреть в глаза аудитории. Но к тому, чтобы так выступать, нужно тщательно, серьезно готовиться. Предлагаем вам воспользоваться некоторыми несложными советами.

После того, как вы написали текст выступления, изобразите на листке схематически ход ваших мыслей. На схеме должны быть обозначены принципиальные моменты, примеры, цифры. Теперь попробуйте проговорить выступление от начала до конца, заглядывая только в схему. Не получилось с первого раза — перечитайте текст, внесите, если нужно, уточнения в схему. И снова попробуйте, заглядывая только в листок, изложить выступление. Снова может не получиться. Но навык выступать без текста вы приобретете. И раз за разом все увереннее будете чувствовать себя на трибуне.

И правило третье: выступать с трибуны легко тогда, когда есть что сказать.

Обратим внимание еще на один нюанс при служебных разговорах — эмоции. Юмор, ирония, смех, шутливая реплика, по нашему мнению, уместны при обсуждении самой серьезной проблемы. Не помешает разговору и некоторая доля горячности, но она не должна переходить в запальчивость. Нельзя позволять себе повышать голос, даже если очень хочется, чтобы и ваше мнение услышали. Совсем нетерпимы в деловом общении грубые выпады, презрительные реплики, уничижительные выкрики, демонстративное зевание. Все это находится за гранью культуры деловых взаимоотношений.

Следовательно, правило четвертое сформулируем так: при служебном общении все хорошо в меру — и серьезность, и ирония, и горячность, и юмор.

В служебной жизни весьма ценится умение слушать. Что, казалось бы, сложного — слушать? Вспомним в таком случае совещание, когда его участники перебивают друг друга, не вникнув в доводы оппонента, выдвигают свои. В результате зря тратится время, создается нервозная обстановка.

Когда деловая женщина кого-то слушает, она прежде всего старается вникнуть в суть выступления, а не томится в нетерпении: вот кончит говорить эта зануда, и уж я-то скажу... Нельзя слушать и одновременно обмениваться с соседями соображениями по поводу, скажем, предстоящего отпуска. Это невежливо.

И, наконец, правило пятое: вас будут слушать только в том случае, если вы умеете слушать.

Писать об умении говорить и слушать можно много, тема эта обширная, но последуем собственному же совету: будь краток.

Б. ВЕДЕНЕЕВ,
К. СЕРГЕЕВ,
психолог.

ДВОРОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

История, в которой все могло начаться и кончиться иначе.

Ирина ЖУРАВСКАЯ

Сначала пришла Алла. Ее ждали. К своему столу она подойти не успела. «Все в кабинет, быстрее»,— услышала громкий голос начальницы. Дальше в памяти только вспышки: растерянные лица, две трудовые книжки на столе... Приказ — уволить Забкову Альбину Петровну по статье 33, пункт 3. Какая-то бумага о выселении из служебной квартиры... Все. И снова лица. Что в них? Сочувствие? Недоумение? А на столе еще одна трудовая книжка. Чья? «Соберемся попозже». И все повторилось сначала, когда пришла Валентина Храмцова (в тот день с утра она ходила по жалобе жильцов). Уволили их обеих. Одним приказом. По одной статье.

Редакция получила письмо. «Обращаюсь к вам за помощью, помогите разобраться,— писала А. П. Забкова,— нас уволили несправедливо».

Место действия, где столь драматически развернулись события,— ЖЭУ-23 треста жилищного хозяйства Свердловского района г. Иркутска. Проще говоря, домоуправление. Потому что для нас, многомиллионной армии жильцов, все ЖЭКи, ДЭЗы, ЖЭУ еще на многие годы, наверное, останутся привычными домоуправлениями. Так уж складывались десятилетиями наши отношения, что стоит лишь произнести это слово — и моментально всплывают в памяти текущие краны, осыпающаяся штукатурка, многочасовые ожидания дяди Паши и так далее и так далее. Да мало ли проблем, с которыми бежишь в эти тесноватые обычно конторы, где все мы, как бы ни разнились по службе и прочему, жильцы. Нам приходят на помощь — и мы воспринимаем это как нечто вполне нормальное и естественное, о чем забываем через день напрочь. Что-то не сработало — и мы накапливаем ставшее довольно устойчивым раздражение.

Но ведь, кроме этого видимого и обыденного пласта общения с нами, жильцами, есть и другой — собственная жизнь этих маленьких коллективов. Мы скажем «конфликт в цехе» с одной интонацией, «конфликт в домоуправлении» — почему-то непременно с иной. Этак сверху вниз. Но, как в любом производственном коллективе, здесь по определенным законам складываются отношения человеческие. И, может, даже четче, острее сходятся в фокусе.

Итак, в ЖЭУ-23 пришел новый начальник — Валентина Осиповна Извощикова. Человек уже немолодой, с опытом, но руководить до сих пор не приходилось, работала в «Водоканале». Наставляя, в горжилуправлении сказали: «Пожестче вы там, разболтались за годы разброда». Годы разброда расшифровать можно одной фразой: предшественник, Сухарев, был осужден — выписывал наряды на подставных лиц. Хотя есть одно «но». Проверки и следствие тянулись несколько лет. Сухарев все еще был начальником, одно время даже на повышение ушел — в трест. А те, кто на следствии давал показания о его деятельности (мастера производственных участков Храмцова и Забкова), все еще ходили в его подчинении. Ситуация по меньшей мере странная. Но вот справедливость восторжествовала. Пришел новый начальник. «Теперь всему конец,— говорила Валя Храмцова.— Теперь будет порядок». Она проработала мастером почти десять лет. Не раз получала грамоты за первые места в соцсоревновании по городу. Работник опытный, привыкший быть на хорошем счету.

Спустя две недели после прихода Извощиковой вышла на работу с больничного Алла Забкова. С этого момента события разворачивались быстро. Первым делом Извощикова потребовала у Забковой объяснительную: дворник на ее участке почему-то не работал. Объяснить по существу Забкова не смогла, поскольку, как было известно, сидела с больным ребенком дома. И тогда в присутствии члена партбюро пенсионерки Ю. С. Шагиной Извощикова предложила мастеру Забковой написать заявление об уходе. За подругу вступилась Храмцова. С этого дня фамилии Забковой и Храмцовой порознь уже не упоминались. Через неделю они получили по выговору, потом по второму, по третьему. Через два месяца их, как мы уже знаем, уволили.

Что же произошло в коллективе ЖЭУ за столь небольшой отрезок времени?

Правовой инспектор труда облсовпрофа Вадим Петрович Калашников уже не в первый раз изучает документы, собранные в двух толстых папках. На одной значится: Храмцова, на другой: Забкова. Сейчас изучаем вместе: докладная, объяснительная, акт, приказ, снова приказ.

— Пока что-либо сказать трудно. С юридической стороны все довольно обоснованно. Хоть стиль приказов далек от совершенства, но по существу...

— А может, заедем к Забковой? — предлагаю я.

И вот уже через Ангару, по дамбе Иркутской ГЭС мы едем к микрорайону Юбилейный.

Как велика порой эта дистанция: бумага — человек! Все, что так логично и последовательно подобрано в двух папках, обрастает ворохом сомнений вот здесь, в квартире на первом этаже, из которой, быть может, придется выехать, где в дверь то и дело заглядывает большеглазая девочка, и я знаю, что у нее больные почки и что каждый месяц ее матери приходилось сидеть на больничном. Знаю, что вот уже 35 дней в доме ни копейки денег, кроме шестидесяти рублей, что дала подруга, и нечем платить за детсад, и совсем недавно умер отец ребенка. Помощи ждать неоткуда. И сама Алла сейчас никак не может взять себя в руки. И даже более сдержанная Валя Храмцова то и дело выбегает на кухню: «Сейчас, сейчас я успокоюсь».

Мне кажется, до сих пор Валя не представляла себе всей серьезности происшедшего. Не верила, что вот так окончательно зачеркнуты почти 10 лет ее работы здесь. А «почти» обернется для нее и еще одной, тяжкой стороной. Трех месяцев не доработала до срока, который позволил бы остаться ей с мужем и сыном в служебной квартире навсегда. Но и это сейчас не кажется трагедией. Страшнее другое — несправедливость. Слишком быстрый оборот, превративший ее из человека, уверенного в том, что его уважают, в двоечницу, как она скажет.

Похоже, Алле даже попроще. Выговоры получала и раньше, в «смутное» время. Обжаловала. Некоторые из них снимали вышестоящие организации. Но факт остается фактом — хотя сменилось почти все руководство треста, слава о «жалобщице» Забковой, видно, осталась и до Извощиковой не дойти не могла.

— Они хотели работать, как всегда, то есть лишь бы не работать.— Извощикова закрыла дверь на ключ, телефон переключила на комнату мастеров, и два часа, отрешившись от обычной домоуправленческой суеты, мы вели этот нелегкий разговор.— Дисциплины никакой. Что у мастера ни попросишь — либо «покажите приказ», либо «это в наши обязанности не входит». Работать не умеют, а для меня работа — главное.

Что ж, допустим, Забковой с без конца болеющим ребенком, с небольшим стажем работы в ЖЭУ — меньше трех лет — действительно в передовых оказаться трудновато. Но Храмцова-то? И председатель профкома до недавнего времени, и жильцы ее знают прекрасно, и подчиненные своего мастера уважали, и начальство не обижало: до прихода Извощиковой совсем еще недавно именно ей, Вале Храмцовой, предлагали стать начальником ЖЭУ! Вот уж кто профессионал. Но и для нее

два месяца работы с новым начальником закончились увольнением.

Валентину Осиповну я попросила показать итоги работы за последнее время. Она не поняла. Пытаюсь объяснить: вот, мол, на предприятиях есть план, есть нормы, и здесь должны же быть объективные оценки, иначе как понять, хорошо ли, плохо работает человек, участок. Я уже знаю, что для мастеров это показатели санитарного состояния участков, задолженности по квартплате, сбора пищевых отходов.

— Таких данных у нас нет. В тресте, наверное. Соцсоревнование? Пока не ведется.

Итак, главное — работа. Но результаты ее никому не известны, не анализируются, не сравниваются, не становятся предметом общего обсуждения и личных выводов каждого. Нелегко на этом фоне налаживать дело и дисциплину. Еще не успели? Но не с этого ли начинать? С ясности, с гласности, которая в основе любого сплочения вокруг дела. Но о сплочении ли думал руководитель, которого так ждали в этом издерганном коллективе? Я вспоминаю рассказ работницы одной маленькой швейной фабрики о том, как пришел к ним новый директор: «Мы все думали, что это он ходит да разглядывает. То с одной поговорит, то с другой. Делать, что ли, нечего? А потом вовсе чудно: ко мне в ученики напросился. Поработал с неделю. Смотрю — в раскройный уже на смену идет. А потом собрал и руководителей всех и нас — и выдал... Многое мы, конечно, и сами видели, но тут поняли — по одной дороге идти».

Готовых рецептов для руководителя нет. Но, придя в новый коллектив, разве не естественно присмотреться, как работали здесь раньше, как сейчас работают в соседних, передовых ЖЭУ? Посоветоваться с профкомом, партбюро. Собрать немногочисленный свой штаб: надо перестраиваться, хочу предложить то-то, начать с этого. Просто, по-человечески. Настойчиво и доброжелательно.

Со многими работниками ЖЭУ разговаривала я в те дни. Не отрицали: кое-что изменилось с приходом нового начальника к лучшему — более стабильно снабжают теперь ЖЭУ материалами, некоторые детали, без коих не обойтись, скажем, сантехникам, научились делать силами домоуправления. Но многие говорили о другом: работать невыносимо.

А может, права Извощикова: разболтались, отвыкли делом заниматься? Что ж, жизнь скромного ЖЭУ на протяжении нескольких лет действительно лихорадили неразбериха и махинации начальства. Потери неизбежны. Но пути выхода из кризиса могли быть разными. Ставка на порядок и стабилизацию или ставка на «борьбу»? Решение во многом зависело от нового начальника. Извощикова выбрала второе. Она не искала опоры в коллективе («кое от кого надо избавляться»), не искала контакта, не пыталась понять и найти понимание. «Пожестче».

Сегодня укрепление дисциплины во всех ее проявлениях и во всех сферах нашей жизни стало беспристрастным требованием к каждому. Строже, взыскательнее? Да. Но если за этим администрирование и грубость — откровенная, унижающая, бьющая наповал?

Уборщица, мать пятерых детей, 10 лет проработавшая на одном участке, ни разу не то что жалобы, слова укоряющего от своих жильцов не слышавшая, ночь не спала, когда Извощикова накинулась на нее: «Объяснительную пиши, жалоба есть». Через несколько дней выяснилось недоразумение: жалоба была, но с другого участка. Извинились? Ну зачем! «Не нравится — увольняйся!»

Председатель домкома, человек пожилой, уважаемый, пришел в первый день к Извощиковой, показал папки с актами проверок домкома и услышал в ответ: «Что было до меня, знать не хочу. Чем вы занимаетесь? Ходите все, проверяете!..» Спустя два месяца, так и не найдя общего языка с начальником ЖЭУ, он подал заявление в партбюро с просьбой освободить...

В этой ситуации могла и должна была сказать свое веское слово партийная организация ЖЭУ. Что ж, кто прав, кто виноват, не раз пытались выяснить и на открытых собраниях и на заседаниях партбюро. Но, увы... Единства и четкости позиции не было и здесь. Конфликт, который без труда мог быть погашен на первой стадии, в спорах и бесконечных дебатах лишь набирал силу.

Человек становится руководителем. Нет, не многотысячный коллектив крупного завода у него под началом — скромное ЖЭУ. Всего-то 100 человек. Но ведь 100! А если бы один, два? Каким масштабом мерить ответственность руководителя, если зависят от него судьбы? И если тысячи, и если сотня, и если одна — масштаб ответственности тот же.

Мы не устаем говорить об уважении человеческого достоинства, о том, сколь важна в наших производственных отношениях категория, которую привычно называем нравственным климатом, но в каждом конкретном, частном случае не остаются ли эти понятия чем-то абстрактным, отвлеченным от реалий будничной жизни? Не отходят ли вопреки предостережениям социологов на неприметный, второй план?

«Пожестче». И точка. И весь наказ человеку, который впервые в жизни принимает на себя роль руководителя. Да, многое может подсказать собственный такт, опыт общения да просто в конце концов душевная чуткость. А если не дано ни первого, ни второго, ни третьего? «Характер!» — покачаем головой. Но не слишком ли велика, непосильно велика становится эта зависимость от «характера» для тех, кто с ним столкнулся! Руководителя научат основам КЗоТа, определят круг его ответственности на уровне производственном. А на уровне моральном? Определен ли этот круг? Возведен ли в ранг закона, черту которого преступать нельзя?

Кто измерит, какой болью отзывается в нас высокомерный, раздраженный тон отданного распоряжения, как тяжкой бессонницей оборачивается обида на уничижительное «ты», как опускаются руки в ответ на грозное начальственное: «Объяснительную, немедленно!» Мелочь? Пустяк? Эмоции? Но тогда что же такое рабочий настрой? Ведь те же эмоции, то чувство, с которым беремся за дело. И от которого, ох, как зависит его результат.

В конфликте жить тяжко. В конфликте жить мучительно. Каждый день Алла приходила домой, ложилась на диван, накрывалась с головой и пыталась забыться. Не удавалось. Еще острее подступала обида, метались в памяти обрывки разговоров, мельчайшие подробности. Метались и вставали глухой, безнадежной стеной. Не пробиться, а пробиваться надо. Как?

Как ведет себя человек в конфликте? Как поможет ему весь предыдущий опыт?

Опустит руки, и сил хватит лишь на то, чтобы, заглотнув валидол, написать заявление: «Прошу, по собственному желанию...»?

Или встанет утром, твердо решив: буду бороться, не отступлю. Но работать, работать, работать. Доказать, что способен, могу, что нужен, незаменим...

Или другое. В штыки распоряжение начальника: «В должностных инструкциях этого нет». Новый порядок? «Дайте приказ — не верю, делать не буду. Она так, и мы так». Тоже ведь возможный вариант...

Да, наверное, и Извощиковой было непросто. Человек самолюбивый, решительный и напористый, любое возражение она воспринимала как личный удар. В подчинении беспрекословном виделся ей стержень порядка. Но ведь, вспомним мы, и Забкова с Храмцовой и другие именно порядка ждали от нового начальника. Так почему же не сошлось? Или, вернее, сошлось, но как коса и камень?

Есть очень простой ответ, но лежит он в той сфере, которая начисто выпала из поля зрения Извощиковой и руководителей треста. Называем мы ее тоже очень просто — человеческие отношения. Да, можно с готовностью и энтузиазмом выполнять любое распоряжение, можно взвалить на себя любую нагрузку, сидеть в запарке по вечерам, потому что так надо и еще (главное!) потому что знаем, нас ценят, нам сказали: «Пожалуйста, сделайте, на вас вся надежда». И подчас даже некоторую жесткость можем простить, если уверены: она справедлива и объективна, ее диктует работа, а не личные симпатии-антипатии. Но мы не можем, не умеем, не хотим жить в унижении. И «порядок», на нем основанный, таит в себе неминуемый взрыв.

— Ну как можно спокойно и нормально работать,— говорят мне Алла и Валя,— если фиксируется каждый твой шаг, каждое слово, если сегодня не знаешь, за что завтра получишь выговор, если к вам явно предвзятое отношение?..

Предвзятое... Валентина Осиповна показала мне журналы обхода квартир Забковой и Храмцовой. По графику на февраль часть квартир обойти не успели, что и установила начальница, проверив журналы и пройдя по квартирам. Когда я спросила, проверяла ли она работу третьего мастера — Л. Кулешовой, Валентина Осиповна удивилась: «Мне и в голову не пришло. Она все мои распоряжения и так выполняла». А проверить стоило. Чуть позже это сделала партийная организация. И на собрании работа мастера Кулешовой была признана неудовлетворительной. Пожалуй, до таких «показателей» Храмцовой и Забковой было далеко. Однако в отличие от последних Кулешову... повысили. Теперь она инженер.

Так нагнетал конфликт еще один «метод» руководства — необъективность критериев в подходе к людям и их работе. Что может быть его результатом, откликом для подчиненного? Твердое убеждение: что ни делай, как ни делай, будет плохо, потому, что делаю я. И трудно подняться над обидой, в пылу борьбы порой теряются чувство меры и объективность. Там, где надо просто работать, ищешь подвоха, там, где знаешь, что нельзя, никак нельзя ошибиться, допускаешь нелепые просчеты, которые моментально возвращаются к тебе очередным выговором. Кому-то эта «закалка конфликтом» может и пригодиться, научит стойкости и бескомпромиссности. Но других может оставить с чувством моральной опустошенности, с убеждением в бессмысленности попыток найти справедливость. Не слишком ли большой риск? И на ком, как не на руководителе, лежит здесь главная мера ответственности? И за дело, и за нравственный климат, и за людей.

Можно доказать, обосновано ли увольнение юридически (в нашей истории вышестоящие инстанции, во всяком случае, пока пришли к выводу, что да, обосновано). Но ведь должно же быть обоснование и моральное, человеческое, если хотите. Оно было ли? Здесь разобраться сложнее. Но разбираться, увидеть и понять причины и следствия необходимо. Иначе любой «переворот» — даже дворовый — слишком многое непоправимо переворачивает. И в судьбах людских тоже.

г. Иркутск.

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ С КОМАНДОЙ

СОВЕТСКАЯ КОМАНДА ГАНДБОЛИСТОК СЕГОДНЯ САМАЯ СИЛЬНАЯ В МИРЕ. ОНА ЕЩЕ РАЗ ДОКАЗАЛА ЭТО БЛЕСТЯЩЕЙ ПОБЕДОЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ СОРЕВНОВАНИЯХ «ДРУЖБА-84».

Татьяна КОСТЫГОВА

— А вы женились бы на Зине, если бы она не играла в гандбол?

Вопрос явно провокационный, и Турчин не торопится отвечать. Но я настаиваю. Какой была Зина, когда он впервые ее увидел?

— Обычная девчонка, две косички да ноги «от горла». Ничего она в гандболе не понимала, и вообще игрок формируется годам к 22—23, лишь тогда видно, кто чего стоит...

А Зина, улучив момент, шепнула:

— Конечно бы, не женился. Если бы не гандбол — о чем бы мы говорили в свободное от гандбола время?

Вот и пойми, что здесь в шутку, а что серьезно. Впрочем, и вправду: о чем бы ни зашла речь в этом доме, разговор обязательно сворачивает на гандбол. Он в фотографиях и афишах, облепивших стены. В богатой коллекции спортивных наград и призов. В книгах и сувенирах, привезенных со всех концов света. Гандбол — самое главное в жизни хозяев. Их профессия (оба тренеры). Их страсть, радость, отдых.

...Когда четверть века назад молодой преподаватель физкультуры Игорь Евдокимович Турчин пришел в киевскую детскую спортивную школу № 2 (где, кстати говоря, работает по сей день, хоть стал уже заслуженным тренером СССР, главным тренером киевского «Спартака», сборной Украины и сборной СССР по гандболу) и принялся подбирать в свой класс способных девчонок, о гандболе, то есть ручном мяче, многие и не слыхивали. Зина и ее закадычная подружка Галя Захарова пришли, поглядели, восхитились, а назавтра привели с собой весь класс.

Эти вот девчонки-шестиклассницы и составили ядро будущей команды, которая уже через несколько лет выиграла первенство страны, затем Европы, мира, а в 1976 году в Монреале стала первой в истории спорта обладательницей золотой олимпийской награды. Потом были еще победы, была Московская Олимпиада... Сегодня сборная команда СССР, в основе которой киевский «Спартак», по праву считается самой сильной в мире.

Это будет позже, через годы. Пока же все только начиналось. Девчонки тренировались не жалея сил и поголовно были влюблены в молодого тренера — голубоглазого, властного, азартного, непохожего на строгих школьных учителей.

— И как же все мы ревели, когда Зина, эта тихоня, скромница, чей голос-то никто никогда не слышал, вдруг, потупив глазки, заявила, что Турчин сделал ей предложение, и позвала на свадьбу. Чем она лучше? Почему она, а не мы? Это теперь я понимаю, почему. Мудрый человек наш тренер. Разглядел в девятнадцатилетней девчонке — косички да ноги «от горла» — твердый и чистый женский характер, который был необходим ему для жизни и для того, чтобы сделать в этой жизни что-то важное.

Мы сидим с Людмилой Бобрусь в ее тесноватой кухне и говорим шепотом, чтобы не разбудить с трудом усмиренных ребятишек. Бобрусь, одна из прославленных наших гандболисток, чемпионка двух Олимпиад, простилась с большим спортом.

— Двадцать лет отдано гандболу, устала. Захотелось обычной человеческой жизни, семьи, детей, а ведь уже сильно за тридцать, надо было торопиться. Жалею? Да что вы, разве есть счастье выше, чем это?— Она кивает на дверь, за которой раздается мерное посапывание.— Но и о тех годах, что взял спорт, не жалею, прекрасные годы. Яркие. Плотные. И потом... Наверное, неправильно так говорить: взял... Спорт много дает человеку. Мне кажется, всем хорошим во мне я обязана гандболу...

Но лучше всего было начало... Работа (мы с Зиной после школы на авторемонтный пошли, это уже потом в институт поступали), тренировки по вечерам. И команда. Я бы с большой буквы написала: Команда. Называли нас «турчинки» и еще «зазнайки», потому что мы на ребят не смотрели, ни с кем не знакомились, держались только вместе. Купили себе одинаковые беленькие маечки, носочки. Всегда выглаженные, накрахмаленные. Турчин очень за этим следил. Сам большой модник и аккуратист, терпеть не может небрежности. Бывало, пристанет: не идет тебе эта прическа, иди подстригись. Или юбку велит отпустить — короткая. И краситься не разрешал...

Теперь из тех накрахмаленных девочек-«зазнаек» осталась в «Спартаке» одна Зина.

— Трудно? Подпирают молодые?— спрашиваю я.

Коронный удар Турчиной.

— Пока не чувствую. Если бы отставала, Турчин бы не выпустил на площадку. Просто приходится больше работать. Девочки уходят из зала — я остаюсь. Бегают кросс — я два кросса.

Ох уж эти знаменитые турчинские тренировки! Если во времена «беленьких маечек и носочков» девушки тренировались три раза в неделю, теперь, перед ответственными играми, тренировки три раза в день. Турчин не скрывает своих секретов: пожалуйста, смотрите, учитесь, повторяйте. Написал несколько статей. Защитил диссертацию... Но как его повторишь, если он каждый день придумывает что-то новое. В зависимости от настроения, от того, победили накануне или проиграли, светит ли солнце или идет дождь. Тренировки — это форма его творчества, самовыражения. Все, что он видит вокруг — стул, стол, дерево, — мгновенно превращается в спортивный снаряд. Занимаются босиком на песке. По колено, по пояс в воде. В лесу, среди деревьев. Он может натянуть на площадке веревку — играйте, подныривая под нее. Или заставляет играть одной рукой, сегодня — правой, завтра — левой. Или не касаясь мячом пола. А может устроить гандбол на ощупь, завязав игрокам глаза.

Больше всего он боится, чтобы не было скучно. Его не страшат чудовищные нагрузки, это нормально. Лишь бы не монотонность, не привычная серая будничность. Даже в инфарктной палате, прикованный к постели, не переставал придумывать свои фокусы, терзая врача, требуя, чтобы он записал их и передал на волю.

Турчин — человек неудобный. Честно говоря, не слишком приятный в общении. Ничего удивительного, что у него немало недоброжелателей. Но он заставляет с собой считаться. Своими успехами: двадцать пять беспроигрышных лет — для спорта вещь исключительно редкая. Крупностью и нестандартностью личности. Фанатической преданностью делу, наконец. Он привык все решать сам. Однако — один из парадоксов характера — не уважает послушных, со всем согласных: «Опираться можно на тех, кто сопротивляется». Если с ним спорят по существу, имея в виду интересы дела, не свои собственные — всегда услышит.

Сам максималист, живущий на пределе возможностей, требует того же и от других. Он не способен «входить в обстоятельства», делать скидку на семейные сложности, даже болезни. Приходит в ярость, если после неудачной игры (позорным проигрышем считает любое место, кроме первого) девушки не льют слезы, а смеются, спокойно болтают о тряпках и поклонниках. Если сам проиграет — в шахматы, даже в «дурака», — ходит мрачнее тучи.

Факт остается фактом: за все годы, что Турчин руководит командой, никто не ушел от него по

● ***После тренировки. Устала...***
● ***Мама, папа и Мишка.***
● ***В следующий раз сделаем по-другому.***

Фото С. ПОДЛЕСНОВА.

своей воле. Обливаясь слезами, негодуя, призывая на голову своего мучителя громы небесные, девушки, если понадобится, встанут за него горой.

Он вдвое старше, чем они, и любит их, как собственных детей. Понимает, как им порой тяжело. Как выкладываются они на тренировках. Жертвуют своим отдыхом, естественными женскими радостями: на танцы сбегать, свидание назначить. Кто-то выходит замуж — он переживает: не ошиблась ли в выборе? Кто-то, наоборот, засиделся в девушках — переживает еще больше, себя винит. Заставляет их учиться: не век же в гандбол играть. Со всеми проблемами — к тренеру. Все сделает, поможет, устроит, возьмет на себя, как и положено старшему, главе большой семьи.

Но картина эта не столь идиллическая, как может показаться на первый взгляд. Турчин сам раздает кнуты и пряники. Чего-то требовать, «качать права», ссылаясь на свои заслуги, бесполезно. Он способен расстаться с самым талантливым, ярким игроком, если тот заболеет «звездной болезнью», возомнив себя незаменимым. Не буду называть имена — люди, близкие к миру спорта, и без того их знают, разрыв же с командой для каждой из бывших «турчинок» был слишком болезненным, чтобы лишний раз напоминать.

Для него это тоже незаживающая рана. Девочки, которые пришли к нему совсем еще несмышленышами, которых он вырастил, воспитал, преподав, как мог, не только уроки гандбола — уроки жизни, нравственности, бескорыстия... Каждая, уходя, уносила часть его сердца. Игрока в команде заменить можно. Но человека не заменишь...

Это Зинины слова. Да, дело превыше всех капризов, обид, личных выгод и расчетов, в этом она согласна с Турчиным. Однако человек еще выше. И если достойно уважения, когда в жертву делу приносят самого себя, то жертвовать другими безнравственно. Может быть, кому-то покажутся странными эти высокие понятия применительно всего-навсего к спортивной игре. Но ведь жизнь сохраняет свои законы независимо от того, в какую форму отлилась. Для одного человека Делом с большой буквы становится наука, для другого — полеты в космос. А для Турчиных — спорт. В спорте они нашли применение своим творческим способностям. Состоялись как личности. Наконец, обрели друг друга, построили семью. Не совсем обычную, но, право же, счастливую, мало сказать, крепкую — неразделимую.

Наверное, зряшное занятие, но я все же попыталась представить себе, что было бы с Турчиным без Зины. С Зиной — без Турчина. В Зине заложено такое богатство светлой женской гармонии и теплоты, что она была бы счастлива и составила бы счастье всех, с кем столкнула ее жизнь. Знаменитой спортсменкой, может быть, и не стала, но наверняка достигла бы совершенства в другом деле — умение все делать хорошо, с полной отдачей заложено в ней от природы. А вот Турчина без Зины представить просто немыслимо. Ему жизненно необходим рядом человек, обладающий обостренным чувством справедливости, способный вовремя сказать «нет», остановить, уберечь от ошибки. Ведь если считать их единым организмом, то он мозг, энергия, а она душа и совесть. Как им друг без друга?

Она так понимает роль жены: взять на себя как можно больше. В этом она тоже максималистка, как Турчин. И если он неправ — старается помочь осознать эту неправоту. По-своему, тихо, мягко, но не уступит. А сердце разрывается, болит и за обиженного и за него, обидчика. Видит, как дорого ему обходится жизнь «на повышенных оборотах» и постоянные стрессы: в свои 47 выглядит лет на 10 старше, здоровье никуда...

Он без нее беспомощен, как ребенок. Она все должна знать и помнить: кому он обещал позвонить, с кем встретиться. Подсовывает книги, которые нужно прочитать. Напоминает об обещаниях, которые давно пора выполнить. Она его секретарь. Шофер. Больничная сиделка. Великолепная хозяйка, на которой держится дом.

Но главное — это, конечно, команда. Маленький, но достаточно сложный коллектив, со своим, коллективным, мнением, своими проблемами. Зина в команде самая старшая. Самая прославленная и опытная. И еще жена Турчина. Человек, находящийся всегда на виду, в скрещении взглядов и суждений. Сказать, что ей легко, — значит сказать неправду. На площадке проще, там все решает мастерство. Вне игры куда сложнее.

В штатном расписании нет должности психолога команды. Ее добровольно взяла на себя Зина Турчина. Естественно, обидевшись на Турчина, обидеться и на нее. Но получается наоборот. Полюбив ее, лучше относятся к Турчину. Он создает острые углы — она их сглаживает. Он разжигает конфликты — она сеет мир и спокойствие. Выслушивает жалобы. Разбирает ссоры. И всегда восстает против несправедливости и жестокости, чего бы ей это ни стоило.

Турчин как-то сказал, что за всю свою большую жизнь в спорте знавал трех выдающихся, он даже выразился сильнее — великих гандболисток: Люду Бобрусь, Ларису Карлову и Зину Турчину. Зина не обладает особыми физическими данными. Многие сильнее, выносливее, чем она. Быстрее бегают, выше прыгают. Но она главный конструктор атак. Ее отличает острое, точное игровое мышление (есть такой термин в спорте). Способность мгновенно ориентироваться в ситуации, заранее угадать очередной ход противника. Она все видит, никогда не опаздывает, успевает и пас дать, и защиту обойти, и гол забить такой красивый, неожиданный, что даже судьи аплодируют. Не стремится непременно бить сама. Она знаменита своими передачами. Длинными, через всю площадку, высокими или низкими, в зависимости от того, где откроется просвет в гуще игроков, и такими ловкими, удобными, что прямо клади мяч в ворота, точность попадания гарантирована.

Лариса Карлова другая. Нет в ее игре Зининой мягкой женственности. Она острее, даже, пожалуй, злее. Поражают ее прыжки. Кажется, над ней не властно земное притяжение, если пожелает — остановится, повиснет в воздухе. Когда Турчин хочет похвалить кого-то, говорит «необидчивая», для него это высший комплимент. Лариса обидчивая, самолюбивая. Она знает себе цену и не желает, чтобы другие об этом забывали. Взрывная, темпераментная под стать своему тренеру. Бывает, схлестнутся — искры летят...

Наташа Митрюк — вратарь. Бесстрашная и отчаянная, всегда готовая принять на себя удар. Она приехала из Хуста, поступила в Киевский университет и заявилась к Турчину: хочу у вас играть. Он удивился, но взял. «Митрючка», как ее все зовут, всегда с книжкой. В автобусе, в раздевалке, в перерыве между тренировками. Заканчивает факультет журналистики, осталось сдать один «хвост», потом последняя сессия, госэкзамены и диплом — конечно, про гандбол. Как освещают его в прессе. Это Турчин посоветовал. Он, кстати говоря, серьезно обеспокоен, что Наташа ничего не пишет: «Надо, чтобы тебя как спортивного журналиста уже сегодня заметили. Кто, как не ты, может увидеть игру изнутри...»

Очень он уважает Марину Базанову. Надежная. Необидчивая. Настырная (в игре это качество Турчин ценит, а Маринина настырность проявляется только на площадке). Настоящий боец. Мне рассказали, что она однажды даже играла с переломанной рукой: «Что тут такого? Сломана правая, а я ведь левша».

Тревожит его Оля Зубарева. Чистый, глубокий, славный человек. Но замкнута. Трудно сходится с людьми. Турчин прямо замучил Зину: поговори с девчонкой, помоги ей...

А рядом молодая поросль: Тамила Олексюк, Таня Горб, Женя Товстоган. И еще команды, детские, подростковые, юношеские... Резерв Турчина, гарантия вечной молодости его гандбола. Подрастают под внимательным взглядом тренера будущие Бобрусь и Карловы — косички да ноги «от горла». Те, кому играть на будущих чемпионатах и Олимпиадах, продолжать традицию беспроигрышного советского гандбола.

— Уже без меня, — смеется Зина. — Буду тренировать молодых. Придется Наташке принять семейную эстафету.

Наташе Турчиной сейчас тринадцать — столько же, сколько было ее маме, когда та впервые услышала, что есть такая игра — гандбол. Когда она родилась, команде предстоял ответственный матч на Кубок европейских чемпионов. Но игра не клеилась, все шло вкривь и вкось. Остро не хватало Зины. И как-то, не спросив мужа, она прикатила коляску в зал, поставила к скамейке запасных, а сама вышла на площадку. Говорит, играла плохо, хуже некуда. Зато девчонки от одного ее присутствия словно заново на свет родились, такой класс показали, что ворота противника трещали. Так что Наташа приобщена к гандболу с пеленок. Разбирается во всех тонкостях, как профессионал. Сейчас сама стала играть, и, говорят, хорошо, во всяком случае. Турчин доволен. Совсем не похожа на Зину, папина дочка, большая, плотно сбитая, голубоглазая, с ясным, приветливым лицом.

Мишке, младшему Турчину, недавно исполнился год. Он пока гандболом не интересуется, хотя Наташа его потихонечку просвещает, даже мяч притащила настоящий вместо игрушки. Мишка сам похож на большую игрушку: широкая симпатичная рожица, торчащие лопушками уши, узкие, хитрые глазки и совершенно неотразимая улыбка, которая, как у Чеширского Кота в сказке про Алису, светится и висит в воздухе, когда Мишка уже проковылял мимо на нетвердых, словно резиновых ножках...

Трудно найти более нежного и покладистого отца, чем суровый Турчин. Кажется, рядом с детьми он вообще забывает о существовании слова «нет». Против Мишкиной улыбки и чужой человек не устоит, он же и вовсе «растекается, как желе» (Зинино определение). Не устает упрекать Зину, что она слишком строга с Наташей («У девочки переходный возраст, понимать надо, а не пилить за четверки»). Замучил, когда болел Мишка, противоречивыми указаниями насчет врачей и лекарств («Как ты можешь быть спокойной, если ребенку плохо?»). Дети платят ему такой же нежной любовью, но в серьезных делах Наташа за советом и помощью обращается все-таки к маме. Образовалась в доме прочная женская коалиция во главе с бабушкой, Натальей Александровной. Кстати говоря, это единственный на свете человек, на которого Турчин ни разу не повысил голоса. Наверное, потому, что она совсем не интересуется гандболом...

МОДА
ОТКРЫВАЕТ
НОВЫЙ СЕЗОН
burda
moden

СОЮЗНИКИ

Альпина Северьяновна Яшуткина — библиотекарь. Бродили мы с ней по кузоватовским лесам, слушали шум сосен и разговаривали... Больше всего о детском доме. Есть в Кузоватове школа-интернат для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. И туда Яшуткина и ее коллеги приходят не по должности — по душе...

— Кто хоть раз побывал у этих детей, тот уже не может жить спокойно, — рассуждает она. — Разве было у них детство? Не детство, какие-то осколки. Редкие огоньки на темной дороге.

— Однажды папа платье купил... — Девчушка и сейчас это помнит. И сейчас оно цело, это платье. Заштопано десять раз, цвет потеряло, мало, но цело! Оно из того времени, когда был папа. И был дом. И была мама.

— Помню, как мама смеялась... Какой-то праздник был...

А может, это и был праздник — мама смеялась... Из прошлого, из детства, которого не было...

— Не было, — кивает Альпина Северьяновна. — И знаете, что сейчас самое трудное? Это когда вдруг папы и мамы появляются. Порой это не люди, а тени... Зачем? Ну, воспитаем, воспитаем мы ребят! Только не мешали бы, не напоминали о себе, о прошлом... Так нет, будто нарочно... А ребята после таких встреч с неделю опомниться не могут, опять к ним не подойдешь, опять все сначала... Иногда так хочется спросить этих пап и мам: ну на что вы детей, радость жизни, променяли? Только ведь не поймут. Даже не могут понять, что потеряли, как наказали себя.

Вокруг Кузоватова леса, чистые, могучие. Здесь такие голубые дали...

— Красиво, — соглашается Альпина Северьяновна. — Особенно осенью. И весной. — Помолчала. И снова с болью в голосе продолжала: — Знаете, многие наши малыши не умеют даже кроватку убрать. Не было у них кроваток. Ложку держать не умеют. Но не это страшно. Людям они не верят — вот что страшно. Если мать предала — кому верить? И вот все заново. Шаг за шагом. День за днем. Чтобы поверили, поняли: люди-то вокруг добрые и честные... Идти к таким ребятам можно только с открытым сердцем, с правдой.

— Вы говорите так, будто работаете в интернате...

— Редкий день там не бываем. И я и другие библиотекари. Или ребята к нам приходят, классами. Учителя там хорошие...

Учителя в интернате и правда хорошие. Все отдают ребятам и знания и тепло. И хорошо, что книги в союзники взяли. Давно уже вместе интернат и библиотека. Многие воспитанники интерната хотят стать учителями. Будущих библиотекарей среди них тоже немало.

Мы возвращались из леса. Альпина Северьяновна остановилась:

— Отдохнем... Пенечки... Будто оттуда, из детства. Как иду из леса — всегда тут отдыхаю.

— Альпина Северьяновна, вот вы руководите районной детской библиотекой. И есть у каждой работы рамки, границы...

— А... вот о чем... Ну, конечно, встречаются люди, которые не видят ничего за этими самыми служебными рамками. И детей из таких интернатов не замечают. Или заметят, нашумят, наобещают и ничего не сделают. Это еще хуже. И я сначала не понимала, не знала, как пробиться к этим ребятам. Сквозь все иголки. Они ведь как ежики. Знала только одно: без книг нельзя. Нельзя построить жизнь. Исправить тем более. Ну, а как поработала в интернате, поняла что к чему.

— Как «поработала»?

— Воспитателем. Надо же было понять...

Светлая точка прочертила небо. Потом прокатился отставший гул.

— Быстрее звука, — улыбнулась Альпина Северьяновна. — Где-то там космос. Роботы на заводах... А ребята наши — некоторым по 10 лет — читать не умеют по-настоящему. Буквы складывают, а содержания не улавливают. Бьешься, бьешься иной раз: «О чем тут? Ну что, что тут случилось?» Или так: сидит над книгой, а смотрит куда угодно. Сажусь рядом. «Сосредоточься, успокойся... Смотри: вот часы. Читай не отрываясь десять минут. Неужели не сможешь?»

— А потом?

— Потом? Проходит какое-то время, и, как награда, замечаю: над толстыми книгами сидят, выписывают что-то. Или энциклопедию спросят. «Чем интересуетесь?» «А у нас заочное путешествие!» Вот так! Заочное путешествие! Потом решаем, какую конференцию провести, по какой книге диспут устроить. И спорим, как добиться, чтобы диспут за сердце взял. «Делать жизнь с кого?». Разве плохая тема? Или «Как воспитать себя?». Еще клуб четырнадцатилетних организовали. Искусство изучать взялись. О Левитане, о Шишкине, об Айвазовском ребята говорить будут.

* * *

Будут! И увидят однажды, как красив лес. И поверят, что есть добрые, честные люди. Потому что такие люди были рядом с ними на самом трудном повороте. Устоять помогли, вернули детство, веру в людей, в добро.

Лев ФОМИН

Кузоватово
Ульяновской области.

ПОЧТА «РАБОТНИЦЫ»

СПРАШИВАЮТ — ОТВЕЧАЕМ

«К вам обращаются студенты-заочники. Расскажите, как предоставляется свободный от работы день для выполнения дипломной работы. Если у нас пятидневная рабочая неделя, то можно ли дополнительный свободный день взять в пятницу?

Е. Белецкая, студентка 5-го курса, г. Свердловск».

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 2 июля 1959 года «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений», для подготовки к дипломному проекту и сдачи госэкзаменов студентам предоставляется один свободный от работы день в неделю с оплатой его в размере 50 процентов получаемой заработной платы.

Этим правом они могут воспользоваться в течение десяти учебных месяцев перед началом выполнения дипломного проекта (работы) или сдачи государственных экзаменов. При этом засчитываются только учебные месяцы, а каникулы (июль — август) исключаются.

Постановление правительства принято еще в то время, когда в стране была шестидневная рабочая неделя и рабочий день равнялся семи часам. Те студенты, которые и сейчас имеют семичасовой рабочий день, пользуются правом на один свободный день в неделю. Для тех, у кого рабочий день продолжается чуть больше восьми часов, при пятидневной рабочей неделе, подсчет ведется так: семь недель подряд можно пользоваться одним свободным днем в неделю, а восьмую работать полностью.

Конкретный день недели устанавливается по согласованию с администрацией, принимая во внимание интересы производства и режим занятий в учебном заведении.

Накапливать свободные от работы дни и использовать их разом не допускается. Однако с учетом условий труда отдельных категорий рабочих и служащих из этого правила сделаны исключения. Например, учителям общеобразовательных школ, обучающимся в вечерних и заочных высших и средних педагогических учебных заведениях, свободные от работы дни по их желанию предоставляются суммарно в каникулярный период.

Помимо названной льготы, студенты — вечерники и заочники в течение указанных десяти учебных месяцев могут получить дополнительно еще один-два свободных от работы дня в неделю без сохранения заработной платы.

«Моя трудовая книжка с записью о нескольких годах работы утеряна. Мне выдали справку, подтверждающую мою работу в 1950—1953 годах. Сейчас наступило время оформления пенсии, но справку не приняли, сказали, что она неправильно оформлена, нет ссылки на какой-то приказ. Законно ли это?

Н. Манукян, Ростовская область».

В подтверждение трудового стажа при оформлении пенсии принимаются справки, удостоверения и другие документы, выданные с места работы или вышестоящими организациями той же системы, в которой был занят рабочий или служащий.

Справка может служить доказательством трудового стажа только в том случае, если содержит ссылку на документы, ставшие основанием ее выдачи, например, лицевой счет или приказ о приеме на работу и увольнении.

Ваша справка, видимо, не оформлена надлежащим образом, поэтому ее не могут признать действительной.

Письмо бригадира Светловой из Новосибирска «Хороша — за чужой счет?» («Работница» № 4, 1984 г.) вызвало живой интерес наших читателей. Некоторые из откликов публиковались в «Работнице» № 8. Сегодня еще несколько писем продолжат этот разговор.

ЕСТЬ ЛИ ТАКАЯ ДОЛЖНОСТЬ — ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК?

ПРЕСТИЖ ДОБРОТЫ

Поводом включиться в спор послужила для меня встреча с писателем Даниилом Граниным в Останкине, которую недавно повторяли по телевидению. Не помню точно, какой вопрос задали Гранину относительно хороших людей, но он сказал так: вот, мол, висят на Доске почета фотографии передовиков, а хорошие ли они люди? Когда мы идем на работу, мы не думаем о том, что встретимся там с передовиками. Мы идем на работу с радостью, потому что там люди хорошие работают. Мы идем на встречу с их любовью, отзывчивостью, оптимизмом. Престиж этих качеств очень важен в человеческом общении, важнее, может, всего другого.

Мне кажется, это очень верно. Да, я люблю свою работу. Да, бывают случаи, когда я на кого-то за что-то обижена, считаю кого-то в чем-то несправедливым. Но всегда согревает мысль, что есть на моей работе люди, которых я рада видеть. Огорчаешься, когда кто-то из них заболел или в командировке. И ох уж эта человеческая природа: в первую минуту думаешь не о том, что заболевшему плохо, а о том, что тебе без него плохо.

Вот работаем мы в отделе, три женщины, три очень разных человека. Непросто бывает, иногда даже очень. Но появляется новенькая — Аллочка. Она машинистка, мы экономисты. Алла работает через день. Дни, когда ее нет, какие-то пустые, на душе серенько. Не хватает чего-то бодрящего, жизнеутверждающего, что всегда получаешь от общения с хорошим человеком. Чем же хороша наша Алла? Да все тем же, старым как мир: душевностью, мудростью, доброжелательностью, чуткостью, тактом, мягким, спокойным голосом, сроду не попробовавшим, наверное, себя в крике, ругани. Скажете, идеализирую, идеальных людей нет. Идеальных нет, но есть очень хорошие. И хороший человек — должность наиважнейшая.

Кстати, о профессионализме. По моим наблюдениям, среди плохих людей есть хорошие, толковые специалисты, даже талантливые. А вот чтобы хороший человек был плохим работником, сачком, неумехой — не встречала, не видела, не знаю... И еще. В нашей жизни много несовершенного. Неприятности — крупные, мелкие,— и большинство оттого, что где-то кто-то словчил, о добросовестности забыл. Вот и получается, что мы друг другу все подбрасываем неприятности, крадем драгоценное время, в том числе и рабочее. Все потому, что должность «хороший человек» очень часто остается вакантной.

Несколько лет назад в газетах много писали о чудо-мальчике детсадовского возраста. На вопрос «Что такое человек?» этот шестилетний мудрец ответил: «Человек — это радость другого человека». Право же, нет большего богатства, чем хорошее отношение к нам хороших людей.

Е. БЕРЕЗИНА

г. Москва.

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

Мне кажется, в каждом коллективе есть люди, которые как бы выламываются из общепринятых рамок. Коллеги снисходительно посмеиваются, начальство руками разводит — ну, вечно этот (эта)...

Вот был у нас в КБ парень. Нет, не могу сказать, что плохой работник. Наоборот, очень одаренный человек. Но... со странностями, что ли? Вдохновение ему необходимо, чтобы интересно было, а нет его, вдохновения, и все валится из рук. Одержим прекрасными идеями, а на чем-нибудь простейшем, но в данный момент необходимом, сосредоточиться не может. Да, прорабатываем, отчитываем, а толку? Я вот думаю, не подавляем ли мы этих «странных людей», нивелируя, подгоняя под привычный для нас стереотип? Может, к ним бы с другими мерками подходить, не подавлять, а создать условия, чтобы смогли они раскрыться. Польза была бы, уверяю, огромная.

Да, с такими людьми нелегко. Мы привыкли, нам удобнее с исполнительными, надежными середняками. Нам обидно, как же, к ним, к особенным, с одними мерками, к нам с другими! Не говорит ли в нас махонькая такая зависть: мы-то что, хуже? И я могла бы вдохновения ждать, и я могла бы бегать да помогать, и я бы добро делала, но времени нет, все работе отдаю. Да полноте, так ли на самом-то деле? Есть вещи, которые одним людям даны, а другим нет. И не упрекать бы нам свысока, не наказывать, а помочь и даже поучиться, пока не поздно.

В. ГОВОРУХИНА

г. Киев.

ВЫБИРАЕМ ШУРОЧКУ

По-моему, порой уже заранее программируется, что кто-то будет бегать, хлопотать, помогать, а остальные смогут спокойно работать. Хорошо, в бригаде все видно, кто и сколько вложил. А разве мало у нас шурочек-общественниц (помните «Служебный роман»)? Вкус к подобной деятельности приобретают, что бы ни делать, лишь бы не работать. А мы и рады. Из года в год все одних и тех же выбираем. Вроде как в штате держим добрых порученцев. Только бы нас не трогали! Придет новый начальник, увидит, что Шурочка эта ничего в работе не смыслит, бац: уволить! Пораскинет потом умом и поймет: а кто же всеми этими сборами, посещениями заболевших и т. д. и т. д. заниматься будет? Не мы же, нам работать надо! И оставит. А виной всему собственная наша пассивность.

Е. ЛЕБЕДЕВ

г. Свердловск.

НЕ ОШИБИТЬСЯ!

Наверное, призвание Нины Алексеевны в живой работе с людьми. Таким, как она, часто трудно сосредоточиться на деле однообразном. Так что с выбором профессии она явно ошиблась.

Но хочется сказать и еще об одной довольно характерной ошибке. Как часто на должности, требующие качеств, которыми обладает Нина Алексеевна, выдвигаются люди, ими не обладающие. Человека за то, что он хорошо трудится, ставят руководителем, на общественную работу направляют, а он, может, только и умеет, что хорошо штукатурить. И в результате человек потерялся. А мы потеряли хорошего производственника. Не слишком ли дорого приходится платить за эти ошибки?

Н. ВЕКДА

г. Фрунзе.

Осень взмахнула кистью...

Художница Осень взмахнула кистью.
Желтым обрызгала легкие листья,
Небо пронзила сизо-лиловым,
Речку покрыла лаком свинцовым,
Из пестрых, узорчатых листьев клена
Ковер расстелила на фоне зеленом.
Зеленые сосны, зеленые ели,
С легким, пьянящим запахом прели...
На шаг отошла, прищурила глаз,
По веткам кармином прошлась еще раз.
Тихо, красиво и грустно немножко.
Шуршит, и шуршит, и шуршит на дорожке...
Солнце скупо дарит лучи.
Осень. На юг улетели грачи.

Е. БОЧКОВСКАЯ

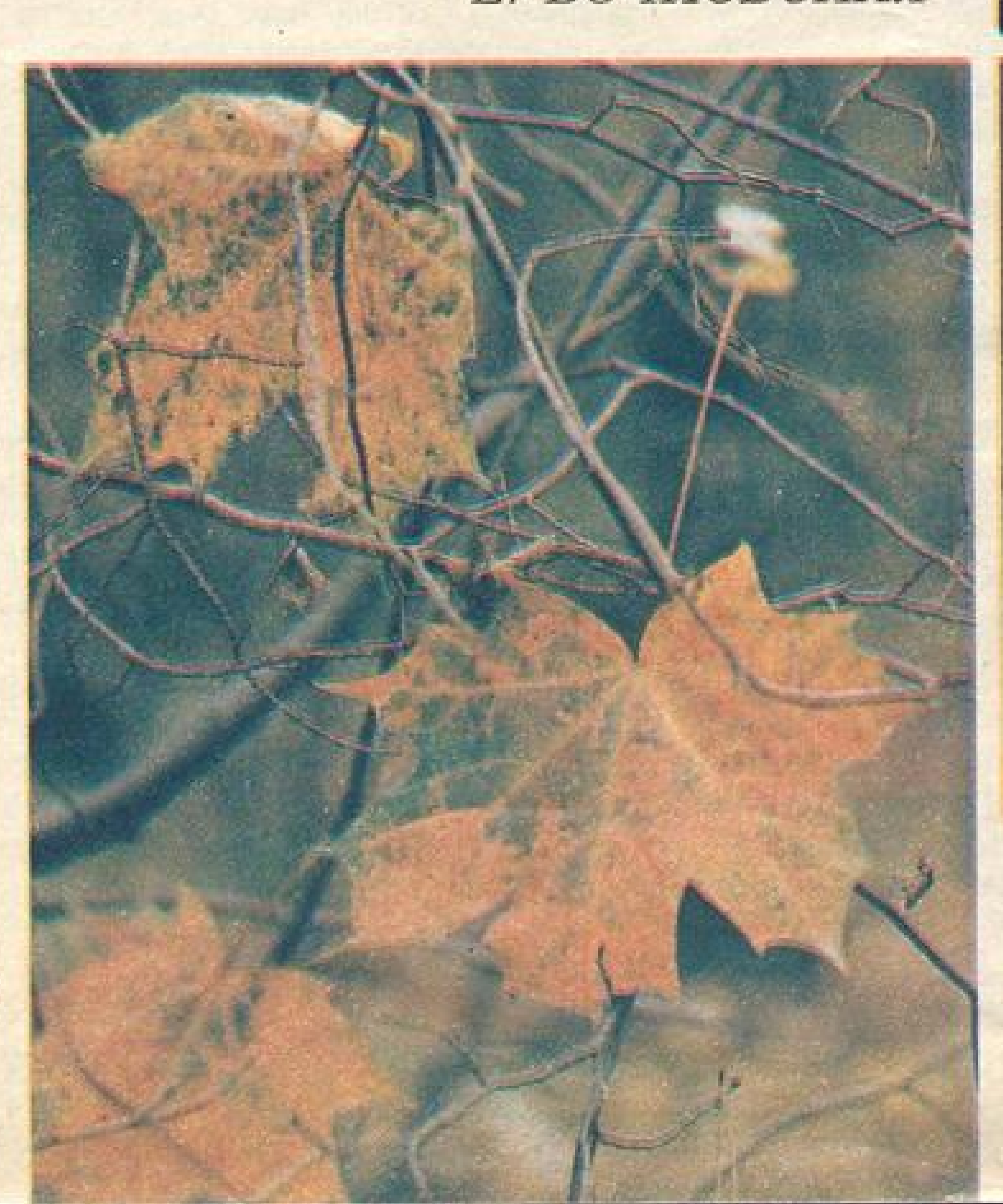

Фото А. ЖМУЛЮКИНА

ЮМОР

МУЖЧИНА С ХАРАКТЕРОМ...

...и крепкими нервами. Таков художник Гариф Басыров. Что? Вы сомневаетесь? Тогда посмотрите на его автопортрет. Хватит ли у вас характера, чтобы усадить самого себя, пусть даже на рисунке, в этакую наполненную острыми перьями и карандашами «ступу»? Не каждый согласится. А художника такое соседство не смущает и даже обнадеживает: он рискнул и стал... остроумным. Что? Вы еще размышляете, крепкие ли у него нервы? Тогда взгляните на другой рисунок — вон тот, где один «солист» и много микрофонов. Ножом да по тарелке — бр-р-р! Это нам с вами, а ему ничего. Смешно даже.

А кроме всего прочего, он еще и лирик. Ведь только люди этого племени продолжают взывать к рыцарю среди немой пустыни или подставлять ладонь, чтобы потрогать... воздух. Есть ли в этом смысл, лирикам виднее. А нам с вами эти рисунки скажут немало о творческом настрое Басырова.

Кому-то покажется по его рисункам, что карикатурой Басыров занимается давно и всерьез. Всерьез — да, но совсем недавно. Искал «свое лицо» сначала в художественной школе, затем на художественном факультете ВГИКа, а также среди художников-графиков. Тогда-то и занялся карикатурой — всего два года назад. «Лицо» сразу нашлось, и это подтвердили почетные дипломы и призы международных конкурсов карикатур, обладателем которых он стал. Его признали даже видавшие виды по части юмора габровцы.

Есть у Басырова награда — «Серебряный финик», полученный им на 36-м конкурсе «Международный салон юмора» в Италии. С фиником Басыров не расстается ни днем, ни ночью, носит всегда с собой, как талисман. Вообще-то его понять можно, ведь всего два года назад этот «плод» был для него запретным. Потому-то так сладок он сейчас... Мы не сомневаемся, что этот талисман принесет еще немало удач Гарифу Басырову, художнику-карикатуристу, мужчине с характером и крепкими нервами.

Т. ВИРКУНЕН

— Где же рыцарь?

'84 10
РАБОТНИЦА

Главный редактор
З. П. КРЫЛОВА.

Редакционная коллегия:
А. П. БИРЮКОВА,
И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Г. Н. ЖАВОРОНКОВ (отв. секретарь),
Д. Т. КАРАСЕВА,
А. Л. ЛЕВИНА,
Л. А. ЛЕСОВАЯ,
М. И. РОЖНЕВА,
И. В. СКЛЯР,
А. М. СТЕПАНОВ,
Е. П. ТАРАСОВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА,
Р. А. ЭЛЬДАРОВА,
Главный художник
В. М. СКРЫЛЕВ.
Художественный редактор
И. В. СЕЛЕЗНЕВ.
Над оформлением номера работала
Л. М. ГРИШКИНА
Технический редактор
Т. Н. ЖУРАВЛЕВА
Телефоны отделов:

рабочей жизни	250-11-72;
публицистики и международной жизни	250-44-80;
коммунистического воспитания	212-22-23;
литературы и искусства	250-12-30;
быта	250-11-93;
науки	250-12-30;
массовой работы	212-23-73;
писем	250-57-38;
«Подружка»	212-22-03;
художественного оформления	212-14-13;
зав. редакцией	212-20-39.

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает

Сдано в набор 22.08.84.
Подписано к печ. 18.09.84. А 00420.
Формат 60×90 1/8. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 6,0. Уч.-изд. л. 9,35.
Усл. кр.-отт. 14,0. Тираж 14860000 экз.
(1-й завод: 1—10561179 экз.).
Изд. № 2486. Заказ № 3532.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции:
101458, ГСП, Москва, А-137,
Бумажный пр., 14.

НЕТЕРПЕНИЕ

Имя Ерануи Аршаковны Асламазян давно заняло достойное место в советской живописи. Все, кто бывал на ее выставках, наверняка помнят созданные уверенной рукой мастера психологически наполненные портреты, красочные пейзажи и натюрморты, точную графику, оригинальные изделия из керамики.

Родилась и выросла будущая художница в селении Баш-Ширак Ленинаканской области. Начальное художественное образование получила в Ереванском художественно-промышленном техникуме, затем годы учебы во Всероссийской Академии художеств в Ленинграде, которую Асламазян окончила с отличием и где ее занятиями руководил известный русский живописец А. А. Осмеркин.

Нет, совсем не случайно в ее творчестве соединились броскость и декоративная звучность армянской живописи, психологическая глубина, лиризм и проникновенность русской. И все-таки главная тема ее творчества — Армения. Ее природа, ее люди, ее история.

Народный художник СССР Ю. Пименов, отмечая высокое мастерство Асламазян, сказал, что ее картины изображают «не яркую Армению Сарьяна и не нарядную Армению ее сестры Мариам, а ту же Армению, однако более сурового цвета и более сдержанного тона».

Надо сказать, что художница любит возвращаться к любимым темам. Так, и Арарат и Севан она пишет при разном освещении в разные времена года, заставляя зрителя по-новому взглянуть на один и тот же пейзаж. Полотна этой серии словно портрет одного и того же человека, запечатленного и в радости, и в грусти, и в момент философских раздумий. Немало работ, согретых искренним чувством, посвятила художница и природе средней полосы России, ставшей ее второй родиной. Ее волнует и красота задумчивой реки, и весеннее пробуждение природы, и тропинка, тоненькой змейкой убегающая в даль полей.

Значительное место в творчестве художницы занимает портрет. Она много и увлеченно пишет передовиков колхозных полей — пастухов, табаководов, доярок... Их лица хранят печать той же суровой красоты, что и «портреты» природы. Много раз Ерануи Аршаковна обращалась к жанру автопортрета. Особенно удался ей тройной автопортрет «Три возраста» — три творческих состояния художницы в разные периоды жизни.

Натюрморты Асламазян всегда ярки, веселы, праздничны. Некоторые из них связаны с впечатлениями, полученными в поездках по разным странам. Асламазян много ездит. География ее поездок достаточно широка, но особенно плодотворными, это отмечает она сама, были путешествия в Италию, Индию, Японию, Сирию, на Цейлон.

Художница достигла поры творческой зрелости. Но, как и в годы юности, она с нетерпением ожидает каждого нового дня, наполненного трудом, поисками, открытиями.

Е. ПАВЛОВА

● НАТЮРМОРТ С ЗЕЛЕНЫМ КУВШИНОМ.

● ПОРТРЕТ ПЕВИЦЫ КИОКО-САН.

● ОСЕНЬ. ВИНОГРАДНИКИ.

Индекс 70770.
Цена 25 копеек.